К. Я. Гурляндъ.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ИДЕЯ ПАТРОНАТА

КАКЪ ИДЕЯ

ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-Литографія Э. Г. Фалькъ, Духов. ул., соб. домъ.
1898.

Многоуважаемому Льву Викторовичу Половцеву на добрую память о его школьном товарище Автор

И. Я. Гурляндъ.
Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ИДЕЯ ПАТРОНАТА
КАКЪ ИДЕЯ
ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-Литографія Э. Г. Фалькъ, Духов. ул., соб. домъ.
1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

Памяти Отца.

Оглавленіе.

Предисловіе. Стран.

Глава первая. Мѣсто, занимаемое ученіемъ о патронатствахъ въ литературѣ науки полицейскаго права. Отсутствіе въ наукѣ анализа идеи патроната. Опредѣленіе идеи патроната въ широкомъ смыслѣ. Опредѣленіе идеи патроната въ узкомъ смыслѣ слова. Идея патроната, какъ идея законной защиты. Элементы понятія. Отличіе отъ идеи попечительства. Отличіе отъ идеи господства и рабства, власти и подчиненности. Отличіе отъ идеи опеки. Задачи дальнѣйшаго изложенія . . . . 1—23.

Глава вторая. Происхожденіе слова «патронатъ». Идея патроната въ широкомъ смыслѣ извѣстна всѣмъ народамъ. Доказательства этого утвержденія на типическихъ культурахъ. Библія. Библія признаетъ неравенство людей и требуетъ помощи слабымъ со стороны сильныхъ; помощь, какъ нравственное правило, и какъ юридическая норма. Границы этой помощи въ понятіи справедливости. Общій выводъ. Библія знаетъ также идею патроната и въ спеціальномъ смыслѣ слова. Пришельцы, поселенцы, наемники. Разница между ними. Характеръ защиты; очеръ правъ и обязанностей по защитѣ. Значеніе общности культа. Взглядъ на отношеніе первыхъ книгъ Библіи къ Второзаконію по поводу пришельцевъ. Подробности о пришельцахъ и поселенцахъ. Иноземцы. Вольноотпущенные . . . . 23—44.

Глава третья. Китайская культура. Даосійскія книги. Идея покровительства въ широкомъ смыслѣ, какъ идея помощи познать истинный путь. Конфуціанская философія. Покровительство неба, какъ точка отправленія для остальныхъ покровительственныхъ сферъ, какъ онѣ выясняются изъ источ-

Стран

никовъ. Весь общественный строй Китая есть выраженіе идеи законной защиты. Отсутствіе спеціальныхъ институтовъ законной защиты. Добровольное рабство, вслѣдствіе безграмотности. Покровительство бѣжавшимъ отъ притѣсненія власти. Почему эти два вида покровительства не могутъ быть принимаемы за выраженіе идеи законной защиты . . . . 44—63.

Глава четвертая. Римъ. Кліентелла; содержаніе этого института, отношенія патрона и кліента по законной защитѣ; юридическая слабость, какъ основаніе кліентеллы. Либертинатъ; содержаніе этого института, отношенія патрона и либертина по законной защитѣ; юридическая слабость, какъ основаніе патроната надъ либертинами. Трибуны. Defensores. Содержаніе и сущность этой должности и отношенія по ней. Аналогичные кліентеллѣ институты у разныхъ народовъ. Вопросъ о колонатѣ . . . . 63—87.

Глава пятая. Христіанство. Общія положенія. Смѣна идей. Церковная организація и отсутствіе въ ней проявленій идеи патроната въ спеціальномъ смыслѣ. Будетъ-ли патронатомъ защита со стороны епископа или его экдика? Что такое церковный азилитетъ? Церковный патронатъ. Папскій патронатъ . . . . 87—108.

Глава шестая. Свѣтская организація. Значеніе идеи законной защиты въ общемъ строѣ средне-вѣковой жизни. Описаніе отношеній вассалитета. Патронатъ надъ городами. Патронатъ городовъ: Schutzverwandte, Muntmannen и проч. Являются-ли проявленіемъ идеи законной защиты гильдіи? Являются-ли проявленіемъ идеи законной защиты цехи? Патронатъ надъ цехами . . . . 108—134.

Глава седьмая. Идея патроната у славянъ. Общая характеристика. Древняя Русь. Вопросъ объ изгояхъ. Что такое закладничество? Дѣленіе закладней на два вида. Что такое смерды? Являются-ли отношеніе князя къ смерду отношеніями по патронату? . . . . 134—157.

Глава восьмая. Выводы изъ предыдущаго изложенія. Значеніе усиленія государственной власти въ исторіи патроната. Идея патроната, какъ идея права внутренняго управленія. Возникновеніе полицейскаго государства. Ученіе эвдемонистовъ. Взгляды Юсти и Зонненфельса . . . . 157—175.

Стран.

Глава девятая. Присоединеніе къ идеямъ государственнаго индивидуализма и патроната идеи личности. Идея внутренняго управленія, какъ совокупность трехъ указанныхъ идей. Германская литература. Французская литература. Современное положеніе идеи патроната. Данныя, на основаніи которыхъ можно опредѣлить дальнѣйшій ходъ исторіи идеи патроната. Самостоятельная роль идеи патроната. Выводы . . . . . 175—201.

Глава десятая. Идея патроната по воззрѣніямъ Ле-Плэ. Опредѣленіе, историческое разсмотрѣніе, слѣды проявленія этой идеи въ современной жизни, ея значеніе; симптомы предстоящей реформы. Разборъ этихъ воззрѣній . . . . 201—226.

Глава одиннадцатая. Патронатства. Исторія и практика этихъ учрежденій. Является-ли идея, лежащая въ основѣ этихъ учрежденій, идеей законнаго патроната? Въ чемъ выражаются отклоненія? Являются-ли эти отклоненія непремѣннымъ слѣдствіемъ сущности предмета, или-же лишь отражаютъ недостатки организаціи? . . . . 226—245.

Настоящая книга является попыткой путемъ анализа тѣхъ своеобразныхъ отношеній, которыя рождаются изъ покровительства и защиты всякаго рода, опредѣлить идею законнаго покровительства, т. е. такого, которое можетъ быть юридически конструировано и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить мѣсто этой идеи среди другихъ идей, входящихъ въ составъ идеи внутренняго управленія и его права. Теоретическое значеніе такой попытки, въ случаѣ, если она удастся, понятно: она позволитъ ближе подойти къ опредѣленію природы понятія внутренняго управленія и его права. Практическое значеніе ея мы видимъ въ самомъ жизненномъ значеніи идеи патроната, этой какъ бы примиряющей сферы между крайностями индивидуализма и государственнаго соціализма.

Еще Вайцъ въ его Verfass.=Gesch. (II, I, 255, и сл.) отмѣтилъ, а Фюстель-де-Куланжъ въ его Les origines du systeme féodal (стр. 192) повторилъ, что вездѣ, гдѣ государственная власть по тѣмъ или инымъ причинамъ не достаточно полно проникаетъ и недостаточно защищаетъ правовые интересы гражданъ, непремѣнно болѣе слабые ищутъ покоя и защиты подъ покровительствомъ болѣе сильныхъ. Это-же стремленіе рождаетъ своеобразный матерьялъ для юридической конструкціи, которая можетъ быть дана уже на томъ одномъ основаніи, что, при всемъ разнообразіи отношеній, принципіальной разни-

цы между ними нѣтъ. Какъ говоритъ Вайцъ, эти отношенія создавались самой жизнью и всегда по однимъ и тѣмъ-же побужденіямъ, а Фюстель-де-Куланжъ прибавляетъ: «все разныя названія, но все одинъ и тотъ-же институтъ, переходящій изъ вѣка въ вѣкъ; его сущность въ томъ, что одинъ отдается въ зависимость другому».

Однако, что-же это за своеобразныя отношенія? Если принципъ ихъ—зависимость, какъ думаетъ Фюстель-де-Куланжъ, то гдѣ предѣлы этой зависимости и какъ эти предѣлы опредѣляются? Задавшись такими вопросами, мы разсмотрѣли наиболѣе типичныя формы подобныхъ отношеній и пришли во первыхъ, къ установленію ряда общихъ признаковъ, во вторыхъ, къ возможности путемъ этихъ признаковъ предложить юридическую конструкцію самой идеи. И тогда идея патроната получила въ нашихъ глазахъ значеніе идеи юридической защиты юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, возникающая изъ той или иной общности интересовъ и имѣющая цѣлью основную цѣль полицейскаго права—установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида. Эта защита—юридическая, такъ какъ, устанавливаемая закономъ ведетъ къ юридическимъ послѣдствіямъ: устанавливаетъ права и обязанности обѣихъ сторонъ и юридически защищается; эта защита направлена на юридически слабыхъ, такъ какъ защита фактически слабыхъ не устанавливается закономъ и есть обыкновенно слѣдствіе добровольнаго соглашенія; эта защита устанавлывается въ виду той или иной общности, такъ какъ защита, устанавливаемая внѣ такой общности, такой связи, не можетъ быть ни юридической, ни законной; эта защита имѣетъ, наконецъ, цѣлью установленіе условій для все-

сторонняго развитія силъ индивида, такъ какъ такую цѣль имѣетъ всякая защита вообще.

Такъ какъ съ самаго начала мы признали правильность того взгляда, по которому отношенія по такому патронату являются какъ бы слѣдствіемъ слабости государственной власти, то, казалось бы, мы должны были бы также признать, что съ того момента и тамъ, гдѣ государственная власть, усилившись, получаетъ возможность оказывать защиту всѣмъ правовымъ интересамъ гражданъ идея патроната перестаетъ жить и въ сознаніи и на практикѣ. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе привело насъ къ мысли, что тогда и тутъ идея патроната, только какъ бы теряетъ свои специфическія особенности, видоизмѣняетъ формы проявленія, но остается все той-же по существу. До сихъ поръ являясь идеей самостоятельной, имѣвшей самостоятельную сферу воздѣйствія, она подпадаетъ тутъ подъ вліяніе идеи власти и становится одной изъ идей внутренняго управленія и его права.

Другими словами: при слабости государственной власти идея патроната замѣняетъ собой отсутствіе принциповъ, на почвѣ которыхъ могло бы развиться право внутренняго управленія; при усиленіи государственной власти, а, значитъ, и при возникновеніи права внутренняго управленія, идея патроната входитъ въ кругъ идей, которыми право внутренняго управленія опредѣляется.

Но изъ разсмотрѣнія историческаго развитія идеи патроната слѣдуетъ, какъ читатель увидитъ ниже, выводъ, что отношенія по патронату легко вызываютъ со стороны патронируемаго борьбу за независимость. Лич-

ность, въ патронатѣ нашедшая защиту и подъ патронатомъ окрѣпшая, получившая возможность полнѣе и всестороннѣе развивать свои индивидуальныя силы, не пренебрегаетъ первыми обстоятельствами, чтобы широко воспользоваться своимъ усиленіемъ; и, какъ это легко объяснимо, въ такихъ случаяхъ однимъ изъ слѣдствій должно явиться стремленіе личности выйти изъ подъ патроната. Отсюда и въ исторіи формированія идеи внутренняго управленія и его права вполнѣ объяснимо наступленіе такого момента, когда личность, заявивъ о своихъ правахъ на самостоятельное развитіе, начинаетъ борьбу за ослабленіе воздѣйствія идеи патроната, вошедшей въ составъ идеи внутренняго управленія, и рядомъ съ идеями государственнаго индивидуализма и патроната выставляетъ, какъ новую составную часть идеи внтреннягo управленія, еще одно начало—начало свободной личности.

Такимъ образомъ, идея внутренняго управленія представляется намъ органическимъ соединеніемъ трехъ идей: государственнаго индивидуализма, идеи патроната въ указанномъ смыслѣ слова и идеи личности.

Но мы идемъ дальше. Если бы можно было утверждать, что при крѣпкой государственной власти, т. е. при власти, сознающей свои спеціальныя задачи и имѣющей средства осуществлять ихъ, идея патроната въ ея самостоятельныхъ проявленіяхъ не имѣетъ и не должна имѣть мѣста, то на этомъ пришлось бы и закончить исторію идеи патроната. Мы видимъ, между тѣмъ, что усиленіе государственной власти влечетъ за собой расширеніе государственныхъ задачъ, осуществленіе-же послѣднихъ вызываетъ умноженіе точекъ столкновенія между общими

интересами и частными, а это, въ свою очередь, незибѣжно ведетъ въ дилеммѣ: или все только въ государствѣ, или-же все и черезъ государство. Два конечныхъ пункта, дающихъ основаніе для двухъ другъ друга исключающихъ ученій о задахъ внутренняго управленія и границахъ его дѣятельности. Но государство, безсильное осуществить задачу того ученія, которое провозглашаетъ «все черезъ государство», не можетъ безъ видимаго вреда для себя, оставаться и въ границахъ ученія, провозглашающаго «все только въ государствѣ, но не черезъ него». Вмѣстѣ съ Hauriou (Précis de droit administratif) мы указываемъ на то, что, съ одной стороны, нормальный ходъ государственной жизни тормозится необычайнымъ ростомъ конкуренціи, перепроизводства, частыми кризисами, неорганизованностью отношеній между рабочими и хозяевами, съ другой-же стороны, отсутствуютъ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы установить точныя границы для государственнаго вмѣшательства. А это, въ свою очередь, создаетъ опасность или отказаться отъ нормальнаго развитія въ государствѣ, или-же вернуться къ полицейскому государству, хотя бы и въ новыхъ его формахъ.

Въ отвѣтъ на эти вопросы мы предлагаемъ такое рѣшеніе: государство развивается при дѣятельной помощи внутренняго управленія, но энергія послѣдняго должна соотвѣтствовать внутренней силѣ общества, надъ которымъ оно оперируетъ, а показателемъ такой внутренней силы является, конечно, степень самостоятельности личности. Слѣдовательно, и внутреннему управленію предстоитъ отнюдь не задача выбирать между двумя крайними принципами, а задача болѣе благодарная—найти

средство примирить ихъ. Въ этомъ смыслѣ огромную службу можетъ сослужить юридически конструированная идея законнаго патроната. Всякое развитіе состоитъ въ созданіи условій для массового перехода отъ нисшихъ формъ къ высшимъ, самый же процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ при помощи идеи личности, взятой изолированно отъ другихъ органическихъ частей идеи внутренняго управленія; идея личности можетъ только помочь индивидамъ вполнѣ приспособленнымъ приспособиться еще болѣе, но для массы менѣе приспособленныхъ организмовъ она болѣе опасна, чѣмъ полезна. Процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ и при помощи государственнаго вмѣшательства, которое, самое большое, что оно можетъ сдѣлать, въ состояніи лишь регулировать процессъ этого перехода. Идея-же патроната, какъ показываетъ самое опредѣленіе ея, имѣетъ своей основной цѣлью прикрывать неприспособившійся или недостаточно приспособившійся организмъ сферой правъ и силы организма болѣе приспособившагося. Какъ показываетъ историческое разсмотрѣніе формъ проявленія идеи патроната, она всегда играла роль той примиряющей идеи, которая восполняла слабымъ недостатокъ въ правахъ при помощи защиты и покровительства со стороны сильныхъ. Правда, въ наши дни, когда юридическое равенство получило значеніе общераспространеннаго и почти повсемѣстно признаваемаго основного принципа государственной жизни, трудно говорить о недостаткѣ правъ, и вопросъ идетъ почти исключительно о фактическомъ неравенствѣ, но фактическая слабость нашихъ дней является непосредственнымъ продолженіемъ юридической слабости прошлаго.

Изложеніе наше было бы неполно, если бы мы въ заключеніе не привели ученія о такъ называемомъ добровольномъ патронатѣ, выставленнаго впервые Ле-Плэ и если бы мы не коснулись вопроса о соотношеніи идеи патроната въ принятомъ нами смыслѣ съ идеей, покоящейся въ основѣ различныхъ патронатныхъ учрежденій.

Впередъ принимая вполнѣ заслуженный упрекъ въ томъ, что не всѣ части нашей работы изложены съ одинаковой полнотой, мы оправдываемся только желаніемъ выпустить въ свѣтъ хотя бы конспективное изданіе нашей попытки, которая, такимъ образомъ, является какъ бы лишь введеніемъ въ задуманный нами еще нѣсколько лѣтъ назадъ трудъ: «опредѣленіе понятія внутренняго управленія, его права и системы».

Въ заключеніе, считаемъ важнымъ обратить вниманіе читателя еще на одну особенность настоящей книги: вмѣсто того, чтобы вести читателя къ нашимъ положеніямъ тѣмъ путемъ, какимъ приходилось итти намъ, мы предлагаемъ ему путь менѣе затруднительный—путь провѣрки, а не изысканій. Поэтому мы начинаемъ изложеніе съ конструкціи, а не заканчиваемъ ею; точно также устанавливаемъ сначала историческую судьбу идеи патроната и затѣмъ обосновываемъ нашъ взглядъ, но не обратно. Этимъ мы имѣли въ виду достичь двѣ цѣли: облегчить читателю чтеніе книги, избавивъ его отъ ряда подробностей, отнесенныхъ въ примѣчанія; кромѣ того, мы, такимъ образомъ, могли продѣлать двойную работу и сличить полученные при одномъ и другомъ пріемѣ результаты.

Литература, которой мы пользовались, не смотря на обширность, конечно не исчерпываетъ того круга изслѣ-

дованій и первоисточниковъ, которыми, быть можетъ, слѣдовало бы намъ пользоваться. Но мы не можемъ не обратить вниманія на то, что, по самому свойству темы, едва-ли мы вправѣ были разсчитывать разработать вопросъ, дѣйствительно, съ исчерпывающей полнотой. Мы смотримъ на нашъ трудъ, какъ на первую попытку въ данномъ направленіи, едва намѣченномъ въ литературѣ, не подвергавшемся еще спеціальному изслѣдованію. Съ этой же точки зрѣнія предлагаемъ отнестись къ нашему труду и читателямъ.

I.

Мѣсто, занимаемое ученіемъ о патронатствахъ въ литературѣ науки полицейскаго права. Отсутствіе въ наукѣ анализа идеи патроната. Опредѣленіе идеи патроната въ широкомъ смыслѣ. Опредѣленіе идеи патроната въ узкомъ смыслѣ слова. Идея патроната, какъ идея законной защиты. Элементы понятія. Отличіе отъ идеи попечительства. Отличіе отъ идей господства и рабства, власти и подчиненности. Отличіе отъ идеи опеки. Задачи дальнѣйшаго изложенія.

Существующія системы науки полицейскаго права или вовсе не касаются вопроса о патронатствахъ, а потому, слѣдовательно, и не интересуются анализомъ идеи патроната, или же, если и говорятъ о патронатствахъ, то вскользь, не придавая, видимо, учрежденіямъ такого характера особаго значенія въ сферѣ права внутренняго управленія. Можно далѣе сказать, что полицеисты находятъ примѣненіе такого рода учрежденіямъ лишь по отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ, выпущеннымъ изъ исправительныхъ пріютовъ и колоній, а очень немногіе—и по отношенію къ отбывшимъ наказаніе тюремнымъ сидѣльцамъ. За идеей патроната, такимъ образомъ, т. е. за основаніемъ, вызвавшимъ къ жизни учрежденія патронатствъ, наука полицейскаго права признаетъ только весьма ограниченную область вліянія и воздѣйствія; что же касается анализа этой идеи и историческаго ея разсмотрѣнія, то въ этомъ направленіи, насколько намъ извѣстно, не сдѣлано еще ничего.

Не говоря уже о первыхъ системахъ—Юсти, Зонненфельса и другихъ, даже въ такой, сравнительно уже позднѣйшей системѣ, какой является система Роберта Моля [1]), раз-

---

[1]) Правда, у Роберта Моля встрѣчается указаніе на то, какъ надлежитъ поступать съ выпущенными изъ тюрьмы преступниками, но онъ становится

работавшаго до мелочей всѣ вопросы, которые, по его мнѣнію, входятъ въ область нашей науки,—даже въ этой системѣ нѣтъ и намека на учрежденія патронатствъ. Въ другой, еще болѣе тщательно разработанной системѣ и къ тому же разработанной на основаніи позднѣйшихъ научныхъ данныхъ, встрѣчается лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній объ учрежденіяхъ патроната, но при этомъ о патронатствахъ говорится исключительно въ примѣненіи къ лицамъ отбывшимъ наказаніе и къ выпущеннымъ изъ пріютовъ малолѣтнимъ преступникамъ. Мы говоримъ о системѣ Лоренца Штейна [2]). Въ системѣ Реслера [3]), построенной, какъ извѣстно, совсѣмъ на иныхъ началахъ, исходящей изъ совершенно своеобразныхъ основаній, идея патроната окончательно игнорируется, если, впрочемъ, не считать указанія въ отдѣлѣ объ элементарныхъ школахъ на существованіе особыхъ школъ для малолѣтнихъ преступниковъ: тутъ авторъ вспоминаетъ и объ обществахъ, заботящихся о малолѣтнихъ преступникахъ, что, по всей вѣроятности, и имѣетъ въ виду учрежденія патронатства. Такое отношеніе Реслера къ идеѣ патроната тѣмъ болѣе удивительно, что Реслеръ считаетъ

тутъ лишь на точку зрѣнія такъ называемой полиціи безопасности (старыхъ системъ науки полицейскаго права); его интересуетъ этотъ вопросъ настолько, насколько прошлое пребываніе лица въ тюрьмѣ можетъ служить основаніемъ при личномъ задержаніи. Ср., напр., стр. 30, прим. 8, 3-го тома его Polizei-Wissenschaft. Тутъ авторъ отсылаетъ къ сочиненіямъ Лотца, Циммерманна и Берга, но эти писатели держатся въ общемъ того же взгляда. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе, что ихъ системы по времени старше системы Моля. См. Lotz, Ueber den Begriff der Polizei, стр. 105; Zimmermann, Deutsche Polizei, т. II, стр. 496; Block, Dictionnaire de l'administration, стр. 1499 и слѣд. Всѣ эти писатели, стараясь опредѣлить сферу примѣненія со стороны полиціи принудительныхъ мѣръ (въ данномъ случаѣ—личное задержаніе) признаютъ преступное прошлое лица достаточнымъ основаніемъ для принужденія. Идея покровительства и патроната въ этихъ работахъ вовсе не затронута.

[2]) Die Verwaltungslehre, II, Th. 1 Aufgeb., 3 Th., стр. 166 и слѣд.

[3]) Roesler, Das Sociale Verwaltungsrecht, т. II, стр. 108 и 109, пр. 6.

возможнымъ и нужнымъ ввести въ свою систему изученіе вопросовъ, связанныхъ съ Markgenossenschaft, Hofgenossenschaft, Vogteiherrschaft, Lehensherrschaft. Landesherrschaft [1]). Въ системѣ Г. Мейера, а это одна изъ новѣйшихъ системъ, также нѣтъ ученія объ учрежденіяхъ, осуществляющихъ идею патроната, и даже въ отдѣлѣ объ обученіи безпризорныхъ и преступныхъ дѣтей не упоминается, что существуютъ спеціальныя общества патроната [2]). Ничего нѣтъ о патронатствахъ и въ системѣ Гумпловича, не смотря на практическій характеръ его книги [3]), нѣтъ такихъ указаній и у Инама-Стернегга [4]) и у Ленинга [5]).

Обратимся-ли мы къ французской литературѣ — тамъ тоже явленіе. Ни Батби [6]), ни Макарель [7]), ни Вивьенъ [8]), ни Кабанту [9]) совсѣмъ не упоминаютъ объ идеѣ патроната, хотя, съ другой стороны, у Батби мы можемъ найти рядъ замѣчаній по вопросамъ, которые, по нашему мнѣнію, должны входить въ общее ученіе объ этой идеѣ [10]), а Вивьенъ прямо опредѣляетъ полицію, какъ совокупность трехъ основныхъ категорій: безопасность государства, покровительство (protection) личности и благосостояніе общества [11]). Разсматривая это покровительство лишь какъ одну изъ категорій, онъ придаетъ поэтому ему ограничительное и довольно узкое толкованіе [12]). Впервые, среди этой плеяды наиболѣе извѣст-

[1]) Roesler, Das sociale Verwaltungsrecht, т. I, стр. 319 и сл.
[2]) Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechtes, т. I, стр. 257.
[3]) Verwaltungslehre mit bes. Berücksichtigung des Oest. Verw.
[4]) Verwaltungslehre in Umrissen.
[5]) Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts.
[6]) Traité théoretique et pratique de droit public et administratif, I—VII.
[7]) Cours d'administration et de droit administratif I—IV.
[8]) Études administratives, I—II.
[9]) Répétitions écrites sur le droit administratif.
[10]) Batbie, цит. соч. т. II. гл. 3, (liberté individuelle), стр. 334 и сл.
[11]) Vivien, цит. соч. т. II, гл. 2, (la police) стр. 114.
[12]) Idem, стр. 127. Онъ такъ опредѣляетъ эту категорію общаго понятія о

ныхъ французскихъ административистовъ, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя, хотя, правда, и скудныя свѣдѣнія о патронатствахъ у Лаферьера [1]), который, разбирая законъ 5 августа 1850 г. [2]), вводитъ въ систему не только вопросъ объ исправленіи малолѣтнихъ преступниковъ, но и высказывается, согласно этому закону, за необходимость учреждать патронатства. О самой идеѣ, лежащей въ основѣ такихъ организацій, онъ, впрочемъ, не говоритъ вовсе [3]).

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится интересующій насъ вопросъ въ работахъ новѣйшихъ французскихъ административистовъ. Но съ этимъ позднѣйшимъ теченіемъ намъ удобнѣе будетъ знакомить читателя въ дальнѣйшемъ изложеніи постепенно.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы указанное отношеніе французскихъ писателей административистовъ 50—70-хъ

полиціи: „la protection des personnes trouve sa principale garantie dans les lois qui punissent de peines, proportionnés à la gravité des faits, les attentas dirigés contre un citoyen, et même les actes involontaires de négligence ou d'imprudence qui ont occasionné la mort ou des blessures.

[1]) Cours théoretique et pratique de droit public et administratif, т. I, стр. 534.

[2]) Этотъ законъ, вызванный къ жизни успѣхами извѣстной Меттрэйской колоніи, былъ, въ сущности, первымъ французскимъ узаконеніемъ по вопросу объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Хотя онъ и не вошелъ въ кодексъ въ измѣненіе и дополненіе 66 и 67 ст., тѣмъ не менѣе, съ появленіемъ его для французской администраціи стало обязательнымъ отсылать дѣтей, приговоренныхъ по вышеприведеннымъ статьямъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ,—по преимуществу въ тѣ заведенія, которыя онъ имѣлъ въ виду. Статья 21-я (о патронатахъ) гласитъ: особый наказъ (онъ былъ проектированъ въ 64 г., но такъ и не получилъ утвержденія) опредѣлитъ какъ дисциплинарный порядокъ въ публичныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью исправленіе и воспитаніе преступныхъ дѣтей, такъ способъ покровительства надъ ними по освобожденіи. Laferriere, ц. с. стр. 535, ср. А. Богдановскій, Молодые преступники, изд. 2-е, стр. 146—149.

[3]) Тутъ, кстати, невольно приходится выразить удивленіе тому обстоятельству, что ни Кабанту, ни Макарель, ни Вивьенъ, сочиненія которыхъ вышли уже послѣ изданія упомянутаго закона, совсѣмъ не упоминаютъ о патронатствахъ, этомъ прямомъ слѣдствіи закона 5 августа. Тѣмъ болѣе странно наблюдать этотъ пробѣлъ у Батби, курсъ котораго вышелъ черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ изданія этого закона.

годовъ къ идеѣ патроната лишало эту идею какъ возможности развиваться въ практической жизни, такъ и находить себѣ извѣстный откликъ въ общемъ строѣ и направленіи теоретическихъ системъ. Наоборотъ: гораздо болѣе, чѣмъ, напримѣръ, литература германская, французская литература проникнута сознаніемъ того, что одной изъ основныхъ задачъ внутренняго управленія является покровительство во всѣхъ его многоразличныхъ видахъ и формахъ. Сознаніе это не получило только законченной обработки, не опредѣлилось ни въ какой конструкціи, почему, вѣроятно, идея патроната и не добилась своего мѣста въ системѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить тотъ особенный характеръ опредѣленій внутренняго управленія и его права, который мы встрѣчаемъ только у французскихъ административистовъ.

Обратимся къ русской литературѣ. Здѣсь также мы встрѣчаемъ только отдѣльныя, отрывочныя указанія по интересующему насъ вопросу, причемъ, если кто изъ писателей и упоминаетъ объ учрежденіяхъ, осуществляющихъ идею патроната, то лишь въ примѣненіи къ малолѣтнимъ преступникамъ. Такъ, проф. Андреевскій [1]), говоря о пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ, отмѣчаетъ важность „устроенія судьбы ихъ (т. е. питомцевъ пріюта) по выходѣ изъ заведенія, при постоянномъ въ теченіе опредѣленнаго срока наблюденіи за ними и оказаніи имъ въ извѣстныхъ случаяхъ покровительства и защиты“. Проф. Антоновичъ [2]) уже прямо указываетъ въ своемъ курсѣ на учрежденія патроната, а въ общемъ ученіи о союзномъ строѣ и о задачахъ внутренняго управленія дѣлаетъ замѣчанія, которыя можно принять за указаніе на важность и значеніе вообще идеи покровительства въ сферѣ идей права внутрен-

[1]) Полицейское право, изд. 73 г., т. 2, стр. 65.

[2]) Курсъ государственнаго благоустройства, ч. I, стр. 325; ср. стр. 235 и слѣд., также—стр. 1—14.

няго управленія. Проф. Бунге [1]), упоминая въ своемъ курсѣ объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ учрежденіяхъ патроната. Въ системѣ проф. Тарасова опять можно найти спеціальное указаніе на патронатства [2]), но авторъ не останавливается надъ теоретической разработкой мимоходомъ затронутаго имъ вопроса.

Намъ кажется, что сдѣланнаго бѣглаго пересмотра литературы [3]) (мы привели всѣ наиболѣе извѣстныя системы) достаточно, чтобы притти къ выводу, что идея патроната, во первыхъ, не имѣетъ до сихъ поръ мѣста въ системѣ нашей науки и что, во-вторыхъ, она вообще мало интересовала ученыхъ полицеистовъ. Одно изъ двухъ: или эта идея является продуктомъ самаго послѣдняго времени, а, слѣдовательно, теорія не успѣла еще дать ей надлежащую конструкцію, или-же она расплылась по всей системѣ нашей науки въ рядѣ родственныхъ идей, потерявъ при этомъ свои индивидуальныя особенности. Послѣднее кажется намъ болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и странно только одно: какъ могло случиться, что столь своеобразныя учрежденія, какъ хотя бы тѣ-же патронатства исправительныхъ заведеній и своеобразныя отношенія, рождаемыя ими, оставались

[1]) Полицейское право, т. II, стр. 240–241.

[2]) Учебникъ науки полицейскаго права, т. I; стр. 177. Въ книгѣ проф. Тарасова, впрочемъ, упомянуты и другія учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ идея патроната, см. напримѣръ, стр. 1145, т, IV.

[3]) Конечно, мы тутъ совсѣмъ пока не касаемся ни спеціальной литературы по тѣмъ вопросамъ, которые должны войти въ наше ученіе объ идеѣ патроната, ни, въ частности, литературы, спеціально разсматривающей вопросъ о патронатѣ надъ малолѣтними преступниками, вышедшими изъ пріютовъ, надъ выпущенниками изъ тюремъ, павшими женщинами по выходѣ ихъ изъ убѣжищъ св. Магдалины и т. д. Здѣсь умѣстно будетъ, однако, сказать, что и эта спеціальная литература не отличается ни богатствомъ, ни разнообразіемъ, такъ что преимущественнымъ матеріаломъ служатъ отчеты всякаго рода подобныхъ учрежденій: обществъ, братствъ, союзовъ, попечительствъ и т. д.

не только безъ надлежащаго разслѣдованія, но и вообще почти что внѣ круга идей права внутренняго управленія. Правда, патронатства подвергались анализу въ наукѣ уголовнаго права, но, если наука полицейскаго права включаетъ въ свою систему и отношенія, напримѣръ, по опекѣ, то тѣмъ больше основаній разсматривать въ этой наукѣ учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ идея патроната. Нельзя забывать, что самостоятельное творчество нашей науки, если признавать ея самостоятельность въ ряду другихъ юридическихъ наукъ, состоитъ въ ея спеціальной точкѣ зрѣнія на предметы, почти всегда одновременно входящіе и въ область другихъ юридическихъ наукъ.

Что-же мы понимаемъ подъ идеей патроната?

Общественная жизнь представляется намъ картиной постояннаго, упорнаго, никогда не прерывающагося процесса приспособленія. Подобно тому какъ люди приспособляются къ природѣ, они приспособляются и ко всѣмъ тѣмъ условіямъ, изъ которыхъ слагается общественная жизнь. Съ другой-же стороны, самая общественная жизнь со всѣми ея условіями является ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ этого-же процесса приспособленія.

Но если бы люди были равны между собой, т. е. еслибы они всѣ обладали одинаковымъ умомъ, одинаковой энергіей, силой воли, характеромъ, имѣли бы одинаковую наслѣдственность и проч.,—не могъ бы возникать и вопросъ о необходимости покровительства для тѣхъ, кто не въ состояніи приспособиться. Общественная жизнь представлялась бы торжествомъ идеи индивидуализма, нѣкоторымъ подспорьемъ къ которой явилась бы идея взаимопомощи. Каждый являлъ бы изъ себя хорошо вооруженную единицу, и только тамъ, гдѣ самимъ ходомъ обстоятельствъ обнаруживалась бы недостаточность единичныхъ усилій, на помощь приходила бы ассоціація. Но, какъ мы сказали, люди не равны между собой:

болѣе слабымъ, въ виду-ли того, что слабость ихъ является простымъ фактомъ, или же въ виду того, что она вытекаетъ изъ правового источника, свойственно искать опоры у болѣе сильныхъ. Сила-же послѣднихъ можетъ опять таки явиться или результатомъ простого факта, или-же результатомъ правового института. И сильные оказываютъ слабымъ эту защиту. Идея, которая проникаетъ собой защиту слабыхъ со стороны сильныхъ, и выражаетъ собой то, что можно назвать идеей патроната. Другими словами: идея патроната есть идея защиты слабыхъ со стороны сильныхъ.

Но, если ближе вдуматься въ содержаніе этой идеи, то становится яснымъ, что подъ столь широкое опредѣленіе подойдутъ до такой степени различныя формы защиты, что, во первыхъ, сдѣлается затруднительнымъ уловить общее ихъ происхожденіе отъ одной и той-же основной идеи; во вторыхъ, придется отказаться отъ мысли дать самой идеѣ юридическую конструкцію. Это заставляетъ ввести въ опредѣленіе рядъ ограниченій.

Какимъ образомъ (мы не спрашиваемъ: въ какой формѣ) можетъ проявиться защита со стороны однихъ другимъ? Во первыхъ, на началѣ самопожертвованія. Такая защита не поддается юридической конструкціи: нельзя установить нормы, которыя регулировали бы большее или меньшее самоуничтоженіе фактически или юридически болѣе сильнаго въ пользу фактически или юридически болѣе слабаго. Во вторыхъ, на началѣ помощи, пожертвованія, отказа отъ чего нибудь со стороны болѣе сильнаго въ пользу болѣе слабаго. Если тутъ и нельзя дать юридическую конструкцію самой защитѣ, то можно, во первыхъ, дать организацію формамъ проявленія этой защиты, во вторыхъ, можно юридической нормой опредѣлять обязанность оказывать такую защиту. Защиту этого второго рода удобно (мы не рискуемъ внести путаницу понятій) назвать защитой на началѣ благотворительности. Наконецъ,

въ третьихъ, защита можетъ быть построена на началѣ покровительства въ собственномъ смыслѣ. Тутъ оказывающій защиту не жертвуетъ собой и можетъ не жертвовать ничѣмъ изъ той совокупности правъ и благъ, которыя принадлежатъ ему. Въ виду того, что онъ почему-либо признаетъ свою связь со слабымъ, онъ присоединяетъ слабаго къ самому себѣ и, такъ сказать, прикрываетъ его собой, и слабый, безъ этого прикрытія предоставленный на волю неблагопріятнымъ случайностямъ, получаетъ подъ этимъ прикрытіемъ извѣстнаго рода усиленіе, которое уже даетъ ему возможность мириться съ послѣдствіями его фактической или юридической слабости. Тутъ мы уже вступаемъ въ область безусловно юридическихъ отношеній.

Такимъ образомъ, идея патроната въ узкомъ смыслѣ есть идея такой защиты слабыхъ со стороны сильныхъ, гдѣ слабый привходитъ къ той совокупности правъ и благъ, которая опредѣляетъ собой защитника, и, получая опредѣленную защиту, несетъ, съ своей стороны, опредѣленныя обязанности. При этомъ еще существуетъ у защищающаго сознаніе извѣстной связи между нимъ и защищаемымъ.

Но мы идемъ дальше въ проводимомъ нами расчлененіи понятій и предлагаемъ и въ послѣднемъ видѣ защиты различать два подвида: во первыхъ, защиту, явившуюся слѣдствіемъ самаго факта беззащитности и только факта, безъ вмѣшательства какого-либо правового основанія, которое рождало бы беззащитность, и, во вторыхъ, беззащитность, явившуюся слѣдствіемъ правового основанія. Въ первомъ случаѣ защита получаетъ всѣ признаки попечительства; во второмъ случаѣ—въ защитѣ осуществляется идея патроната въ ея собственномъ, спеціальномъ значеніи, въ томъ именно, которое имѣетъ эта идея, когда служитъ основаніемъ для спеціальныхъ учрежденій, называемыхъ патронатствами.

Такимъ образомъ, представляя себѣ общественную жизнь

въ видѣ упорнаго, непрерывно продолжающагося процесса приспособленія, мы видимъ въ ней не столько, впрочемъ, борьбу, сколько параллельное существованіе двухъ основныхъ идей[1]): идеи индивидуализма съ ея придаткомъ—идеей взаимопомощи и идеи покровительства или патроната въ широкомъ смыслѣ этого слова. Причина существованія первой идеи понятна сама собой: она коренится въ стремленіи личности къ всестороннему развитію своихъ силъ на ряду съ другими себѣ подобными, а, можетъ быть, и на счетъ себѣ подобныхъ. Причина существованія второй идеи коренится въ неравенствѣ людей, въ естественномъ стремленіи слабыхъ найти защиту у сильныхъ, въ одномъ, наконецъ, изъ слѣдствій того-же процесса приспособленія—въ стремленіи создать коррективъ противъ излишняго господства идеи индивидуализма. Расчленяя далѣе идею патроната, мы приходимъ къ дѣленію ея на: 1) идею самопожертвованія, 2) идею помощи или идею благотворительности и 3) идею патроната въ узкомъ смыслѣ слова. Различіе между ними сводится не къ формамъ ихъ проявленія (формы проявленія каждой изъ нихъ, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, многоразличны), а къ тѣмъ началамъ, исходя изъ которыхъ болѣе сильный оказываетъ помощь болѣе слабому. Различіе сводится тутъ къ тому, сопрягается ли защита съ наложеніемъ на защищаемаго извѣстныхъ обязанностей, или-же не сопрягается, а если сопрягается, то въ какой мѣрѣ и какихъ обязанностей. Самопожертвованіе не сопрягается ни съ какими обязанностями и является слѣдствіемъ извѣстнаго нравственнаго уровня; благотворительность или помощь въ собственномъ смыслѣ является слѣдствіемъ отчасти извѣстнаго нравственнаго уровня, отчасти—юридическихъ или имѣющихъ юридическій

---

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе такому взгляду мы находимъ въ классическомъ трудѣ Роберта Моля „Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften", т. I, стр. 88 и слѣд., въ главѣ „Begriff der Geselschaft".

характеръ нормъ и условій, и обязанности, налагаемыя на того, кто пользуется помощью,—въ гораздо большей степени обязанности нравственнаго, чѣмъ юридическаго характера; защита или патронатъ въ собственномъ смыслѣ является слѣдствіемъ сознанія извѣстной связи между защитникомъ и защищаемымъ и сопрягается какъ съ извѣстнымъ правомъ на защиту, такъ и съ несеніемъ извѣстныхъ обязанностей за защиту.

Слѣдовательно, основными элементами этого вида защиты являются: 1) сознаніе извѣстной связи (связь эта возникаетъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, а какихъ именно, это покажетъ намъ историческое разсмотрѣніе вопроса), 2) опредѣленная совокупность правъ и обязанностей какъ на сторонѣ защищающаго, такъ и на сторонѣ защищаемаго и 3) извѣстное фактическое или юридическое основаніе, которое вызвало возникновеніе такого правоотношенія. Наличность этихъ трехъ элементовъ обезпечиваетъ отъ возможности смѣшивать данный видъ защиты съ остальными двумя видами. Самопожертвованіе не предполагаетъ сознанія извѣстной связи между тѣмъ, кто жертвуетъ собой для другого и этимъ другимъ, не опредѣляется также, какъ мы сказали уже выше, никакой совокупностью правъ и обязанностей, являясь исключительно нравственнымъ подвигомъ со стороны одного въ пользу другого. Благотворительность или помощь не предполагаетъ сознанія опредѣленной связи между благотворимымъ и благотворителемъ и не предполагаетъ непремѣнно совокупности правъ и обязанностей. Такимъ образомъ, благотворительность, на нашъ взглядъ, отличается отъ самопожертвованія болѣе количественно, чѣмъ качественно. А для большей ясности остается еще сказать, что подъ связью мы понимаемъ здѣсь не ту исключительно нравственную связь, которая, напримѣръ, заставляетъ каждаго изъ насъ считать всѣхъ людей своими братьями и, въ виду этого, отзываться

на постигающія ихъ несчастья и горе. Подъ связью мы понимаемъ здѣсь сумму условій, въ силу которыхъ между защитникомъ и защищаемымъ возникаетъ общность интересовъ. Признавая наличность такой связи однимъ изъ необходимыхъ элементовъ конструкціи идеи патроната, мы, очевидно, очень съуживаемъ сферу воздѣйствія этой идеи, но этотъ элементъ преимущественно и опредѣляетъ собой самостоятельное существованіе идеи патроната въ узкомъ смыслѣ въ кругѣ однородныхъ идей, имѣющихъ общій источникъ происхожденія.

Нѣсколько болѣе затруднительнымъ является различеніе двухъ подвидовъ идеи патроната въ узкомъ смыслѣ, а именно идеи попечительства отъ собственно идеи патроната. Можетъ быть, даже не всегда и легко въ дѣйствительности провести это различіе, но необходимо хотя бы отмѣтить, что оно существуетъ. Мы видимъ основаніе этого различія въ источникѣ происхожденія и, такъ сказать, въ качествѣ той слабости, которая вызвала самый вопросъ о защитѣ. Что мы понимаемъ подъ слабостью вообще? Рѣчь тутъ идетъ, конечно, не о физической слабости только, не о физическихъ недостаткахъ исключительно, хотя и то, и другое нисколько не изъемлется изъ круга случаевъ, опредѣляемыхъ этимъ понятіемъ. Слабый въ нашемъ смыслѣ, это всякій такой, кто слабъ соціально; другими словами,—кто, въ виду разныхъ причинъ, не можетъ такъ-же легко приспособляться къ общественной жизни, какъ приспособляется большинство, и не можетъ такъ полно пользоваться тѣмъ, что вырабатываетъ для общественной жизни процессъ приспособленія къ ней. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, мы назовемъ слабымъ и физически слабаго, и экономически слабаго, и юридически слабаго, т. е. не пользующагося по той или иной причинѣ всѣми правами, какими въ данномъ обществѣ необходимо пользоваться, чтобы не опасаться случайностей неполноправнаго положенія.

Источниковъ происхожденія слабости, какъ мы видимъ, нѣсколько, а тотъ или иной источникъ происхожденія слабости можетъ довольно существенно влiять во первыхъ. на характеръ оказываемой защиты, во вторыхъ, на характеръ взаимныхъ отношенiй, какъ слѣдствія такой защиты. Это и заставляетъ насъ различать указанные два подвида идеи патроната въ узкомъ смыслѣ слова: слабость, имѣющая источникомъ слабость фактическую (т. е. физическую, экономическую) можетъ подлежать защитѣ, основанной на идеѣ попечительства; слабость, имѣющая источникомъ ту слабость, которую мы называемъ юридической, подлежитъ защитѣ, основанной на идеѣ патроната въ собственномъ смыслѣ. Кромѣ того, есть еще одинъ признакъ, который помогаетъ проводить это различіе возможно точно: защита, основанная на идеѣ попечительства, устанавливается добровольнымъ соглашеніемъ между защитникомъ и защищаемымъ, защита-же основанная на идеѣ патроната въ собственномъ смыслѣ обыкновенно устанавливается самымъ закономъ.

Теперь сведемъ въ одно цѣлое всѣ намѣченные признаки, и тогда получится слѣдующее опредѣленіе идеи патроната въ собственномъ смыслѣ: это есть идея такой защиты, которая въ виду той или иной общности интересовъ оказывается юридически слабымъ со стороны юридически сильныхъ съ цѣлью дать первымъ возможность приспособиться къ процессу приспособленія къ жизни, устанавливается самимъ закономъ и, наконецъ, опредѣляется совокупностью правъ и обязанностей съ каждой стороны. Говоря короче: это есть юридическая защита юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, возникающая изъ той или иной общности интересовъ и имѣющая цѣлью основную цѣль полицейскаго права—установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида. Эта защита—юридическая, такъ какъ, устанавливаемая закономъ ведетъ къ юридическимъ послѣдствіямъ: устанавливаетъ права и обя-

занности обѣихъ сторонъ и юридически защищается; эта защита направлена на юридически слабыхъ, такъ какъ защита фактически слабыхъ не устанавливается закономъ и есть обыкновенно слѣдствіе добровольнаго соглашенія; эта защита устанавливается въ виду той или иной общности, такъ какъ защита, устанавливаемая внѣ такой общности, такой связи, не можетъ быть ни юридической, ни законной; эта защита имѣетъ, наконецъ, цѣлью установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида, такъ какъ такую цѣль имѣетъ всякая защита вообще.

Но вотъ на что слѣдуетъ еще обратить вниманіе: мы дѣлаемъ рядъ ограниченій, для того чтобы изъ не юридической идеи патроната, взятой въ широкомъ смыслѣ, выдѣлить юридическую идею, но центромъ нашего опредѣленія мы, тѣмъ не менѣе, оставляемъ понятіе защиты. Что слѣдуетъ, однако, подразумѣвать подъ защитой, и не представляется ли опасность, что этотъ терминъ внесетъ совсѣмъ нежелательную неопредѣленность въ нашу конструкцію? Мы думаемъ, что такой опасности не представляется. Защитой, правда, можно называть всякое покровительство, и подъ это понятіе защиты можетъ подойти все, начиная отъ физической защиты, вызванной случайнымъ обстоятельствомъ, кончая простымъ гостепріимствомъ, небольшимъ подаяніемъ и т. д. Но мы вводимъ въ наше опредѣленіе не просто понятіе защиты, а понятіе законной, юридической защиты. Неопредѣленность, слѣдовательно, устраняется сама собой: такъ какъ эта защита—защита, основанная на законѣ и опредѣляющая права и обязанности каждой стороны, то, слѣдовательно, она имѣетъ характеръ, хотя и своеобразнаго юридическаго правоотношенія, но правоотношенія. Гораздо больше сомнѣній можетъ вызвать введенное нами въ конструкцію указаніе на опредѣленный кругъ правъ и обязанностей какъ на сторонѣ защищающаго, такъ и на сторонѣ защищаемаго. Идетъ-ли

здѣсь рѣчь объ опредѣленномъ кругѣ правъ и обязанностей въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, или-же о кругѣ опредѣленныхъ правъ и обязанностей? Являются-ли эти права и обязанности опредѣляемыми каждый разъ по особому соглашенію, или-же существуютъ извѣстныя рамки, въ предѣлахъ которыхъ права и обязанности опредѣляются сами собой? Наконецъ, можно-ли говорить даже объ опредѣленномъ кругѣ обязанностей и правъ (не говоря уже о кругѣ опредѣленныхъ правъ и обязанностей) при защитѣ, хотя бы и законной, хотя бы и юридической?

Какъ бы кто не опредѣлялъ право, никакое опредѣленіе не лишитъ понятіе устанавливаемой закономъ защиты юридическаго характера. Не лишаютъ ея этого характера даже тѣ крайнія опредѣленія права, которыя чуть-ли не единственнымъ признакомъ права считаютъ принужденіе. Обезпечивается-ли защита принужденіемъ? Вообще защита, конечно, не обезпечивается, но законная защита всегда обезпечивается. Нельзя, напримѣръ, обезпечить принужденіемъ право бѣднаго на помощь со стороны прихода, общины или попечительства и потому нельзя говорить о правѣ бѣднаго на помощь. Помощь, оказанная бѣдному попечительствомъ или приходомъ или общиной не налагаетъ на бѣднаго также и обязанностей, которыя могли бы защищаться принужденіемъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, римскій патронъ былъ вооруженъ противъ вольноотпущеннаго и кліента принужденіемъ, а вольноотпущенный и кліентъ могли съ разрѣшенія претора звать патрона на судъ.

Ни одинъ законъ, правда, не берется за точное и детально проведенное описаніе всего того, что входитъ въ понятіе юридической защиты, но это не мѣшаетъ нисколько говорить о правахъ и обязанностяхъ по защитѣ. Ни одно законодательство точно также не опредѣлило еще точно и детально объемъ понятія вѣрноподданичества,—тѣмъ не менѣе, вѣрно-

подданичество является понятіемъ юридическимъ, такъ какъ въ него входятъ элементы, поддающіеся, такъ сказать, учету, отсутствіе которыхъ влечетъ за собой принужденіе, по поводу того или иного проявленія которыхъ могутъ возникать юридическія послѣдствія. Если поэтому нельзя утверждать, что законъ, устанавливая въ извѣстныхъ случаяхъ патронатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и точно опредѣляетъ кругъ правъ и обязанностей каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ, то это, тѣмъ не менѣе, не лишаетъ насъ возможности утверждать, что закономъ устанавливаемый патронатъ ведетъ къ правамъ и обязанностямъ въ юридическомъ смыслѣ этихъ словъ. Объемъ же правъ и обязанностей и самый характеръ ихъ опредѣляется временемъ и всѣми условіями той общественной жизни, на почвѣ которой осуществляется эта идея законнаго патроната.

Стоя на точкѣ зрѣнія предлагаемой конструкціи патроната, мы отличаемъ далѣе идею законнаго патроната въ спеціальномъ, собственномъ смыслѣ слова отъ идей кажущихся сходными, но, въ сущности, имѣющими съ ней мало общаго. Къ такимъ идеямъ принадлежатъ: идея подчиненности и идея рабства съ одной стороны и идея власти и господства—съ другой.

Едва-ли могутъ представиться серьезныя затрудненія къ тому, чтобы отличить идею господства отъ идеи законной защиты. Намъ кажется, что гораздо труднѣе найти сходныя между ними стороны. Въ то время, какъ идея законной защиты исходитъ изъ сознанія связи сильнаго съ слабымъ и имѣетъ цѣлью установить для послѣдняго, правда, за цѣну извѣстныхъ обязанностей съ его стороны, условія для развитія его силъ,—идея господства, наоборотъ, объявляетъ несуществующей даже ту связь, которая существуетъ между всѣми людьми, въ виду того, что всѣ они—прежде всего люди. Точно также идея господства не имѣетъ цѣлью установ-

вленіе условій для развитія силъ раба. Да и трудно говорить объ этомъ, разъ рабъ признается вещью. Наконецъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. На одной сторонѣ всѣ права, на другой—всѣ обязанности.

Труднѣе различить идею власти и соотвѣтствующую ей идею подчиненности отъ идеи законнаго патроната. Каковы источники происхожденія власти? Мы знаемъ три источника: 1) родство и бракъ: 2) законъ; 3) договоръ. Каждый изъ этихъ источниковъ опредѣляетъ собой и характеръ власти, и сумму правъ, предоставляемыхъ властью. Такъ какъ законный патронатъ не имѣетъ своимъ источникомъ ни родство (сюда же мы относимъ и бракъ), ни договоръ, то, при формальномъ различеніи идеи законнаго патроната отъ идеи власти, слѣдовательно, приходится имѣть въ виду лишь власть, основанную на законѣ. Правда, въ источникахъ, какъ мы увидимъ дальше, мы не разъ встрѣчаемся съ указаніемъ на то, что законный патронатъ получаетъ свое содержаніе во имя консангвинитета, но, на нашъ взглядъ, эти указанія должно принимать скорѣе за аналогію, чѣмъ за точное обозначеніе того начала, которое рождало законную защиту.

Власть, основанная на законѣ, характеризуется, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, тѣмъ, что цѣлью ея установленія является стремленіе обезопасить крѣпость и единство государства, обезпечить самостоятельность его, какъ индивида. Съ этой точки зрѣнія, власть, основанная на законѣ, устанавливается во имя идеи индивидуализма, а не во имя идеи патроната, взятой въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ то время какъ послѣдняя осуществляется во имя защиты слабаго со стороны сильнаго, власть устанавливается закономъ, какъ могущественное орудіе и противъ сильныхъ, и противъ слабыхъ одинаково, и для сильныхъ, и для слабыхъ въ равной мѣрѣ. Слѣдовательно, если разсматривать власть

даже въ той сферѣ ея проявленія, гдѣ идетъ рѣчь о помощи власти при созданіи условій для всесторонняго развитія силъ индивида, гдѣ власть дѣйствуетъ не противъ, а для индивида,—и тамъ власть имѣетъ цѣлью не столько защиту, которая является болѣе съ характеромъ средства, сколько крѣпость, единство и самостоятельность государственнаго начала, устанавливающаго какъ законъ о власти, такъ и самую власть. Идея-же законной защиты является лишь видомъ параллельно существующей идеи патроната въ широкомъ смыслѣ, идеи, конечно, неизолированной отъ закона взаимодѣйствія общественныхъ идей и явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣщей одну лишь цѣль—установленіе защиты.

Признавая, однако, такое различіе между властью, устанавливаемой закономъ, и законной защитой, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ успускать изъ вида, что существуетъ цѣлый рядъ отношеній, которыя съ внѣшней стороны обсуждаются, какъ власть, съ внутренней же стороны, какъ законная защита. Напримѣръ,—закономъ признаваемыя должности по защитѣ отдѣльныхъ классовъ общества отъ притѣсненій и гнета со стороны другихъ, болѣе сильныхъ въ данное время классовъ. Хотя оказываемая тутъ защита и не вызываетъ обязанностей по отношенію къ защитнику, какъ къ опредѣленному лицу, и хотя эти обязанности, точно также какъ и права защитника, находятъ для себя юридическую конструкцію болѣе въ идеѣ власти, чѣмъ въ идеѣ патроната,—цѣль, основаніе и характеръ дѣятельности по такой защитѣ вполнѣ однородны съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе идеи законнаго патроната. Но для того, чтобы подобная должность опредѣлялась не идеей власти, а идеей законной защиты, она должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) быть законной (по прямому смыслу идеи законнаго патроната); 2) быть выборной, при чемъ избираться могутъ только лица, принадлежащія къ защищаемому классу (сознаніе

связи, устанавливающей защиту); 3) имѣть цѣлью защиту интересовъ и правъ какъ всего болѣе слабаго класса, такъ и отдѣльныхъ лицъ этого класса и при этомъ во имя нарушенія этихъ правъ и интересовъ, и, слѣдовательно, беззащитности, а не во имя крѣпости и цѣльности государственнаго начала (иначе должность будетъ проявленіемъ идеи власти, а не идеи законной защиты); наконецъ, 4) вести къ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ государству и къ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ лицамъ защищаемымъ. Послѣднее условіе и придаетъ, собственно, такимъ должностямъ нѣсколько своеобразный характеръ среди другихъ проявленій идеи законнаго патроната, но эта своеобразность, являясь слѣдствіемъ необходимости регулировать подобную защиту во имя идеи государственнаго индивидуализма, не мѣняетъ, какъ мы сказали выше, истинной природы подобныхъ должностей.

Власть, основанную на законѣ, мы различаемъ отъ патроната по существу, въ первыхъ-же двухъ случаяхъ мы проводили различіе только съ формальной стороны. Но мы дѣлаемъ это потому, что основаніе идеи всегда извѣстнымъ образомъ опредѣляетъ и характеръ проявленія идеи во внѣ; единство-же основанія не всегда ведетъ къ одинаковости проявленій и, при одинаковости, требуетъ различія по существу.

Можетъ быть, еще сложнѣе провести различіе между идеей законной защиты и идеей опеки, которая устанавливается также закономъ, цѣль которой можетъ быть также толкуема, какъ организація защиты, юридическій характеръ которой является почти аналогичнымъ. Тѣмъ не менѣе, различіе это существуетъ.

„Всѣ лица, которыя по той или иной причинѣ сами не могутъ быть своими опекунами,—говоритъ Рудорффъ—нуждаются поэтому въ посторонней помощи или заступничествѣ (Beistand), въ замѣщеніи себя другимъ лицомъ (Vertretung).

Поскольку недопустимо, чтобы такой заступникъ былъ выбранъ самимъ лицемъ, опека происходитъ подъ контролемъ семейнаго совѣта и власти. Опекой, такимъ образомъ, мы называемъ заступничество, замѣщеніе и управленіе имуществомъ недѣеспособнаго индивида со стороны лица, не избраннаго самимъ недѣеспособнымъ, а или уполномоченнаго завѣщателемъ, или закономъ или назначеннаго властью"[1]). Мы останавливаемся на этомъ опредѣленіи Рудорффа, потому что, на нашъ взглядъ, оно достаточно точно передаетъ всѣ основные элементы понятія опеки, конструированнаго юридически. Опредѣленіе понятія опеки путемъ описанія мы можемъ найти у Лоренца Штейна[2]). Различая три формы опеки, въ виду трехъ основаній недостатка самоопредѣленія личности: несовершеннолѣтія, пола и случайныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, — онъ подъ опекой понимаетъ замѣщеніе продолжающагося недостатка личнаго самоопредѣленія при наличности самостоятельной хозяйственной личности. Другими словами, и Штейнъ центромъ института опеки признаетъ имущество и личности придаетъ значеніе лишь постольку, поскольку отсутствіе самоопредѣленія личности можетъ разрушительно вліять на имущество, совокупность котораго представляется ему въ видѣ хозяйственной личности индивида. Само собой разумѣется, что параллельно съ охраной имущества и замѣщеніемъ дѣеспособности со стороны опекуна, опекунъ является и охранителемъ личности опекаемаго, но эта личность, по духу самаго института опеки, охраняется какъ выразительница имущественнаго начала, являющагося главнымъ основаніемъ при установленіи опеки. Доказательствомъ этому можетъ служить хотя бы то, что долгое время воспи-

---

[1]) Das Recht der Vormundschaft, т. I, § 1.

[2]) In. Verw. 4 ч. второй част. стр. 177 и сл. Ср. также L. Stein „Vormundschaftswesen", Haimerl's oester. Virteljahr. 65 г. т. XVI, тетр. 2, стр. 224 и сл.

таніе опекаемаго малолѣтняго не довѣрялось волѣ опекуна [3], точно также какъ не довѣрялась даже забота о присмотрѣ и леченіи сумасшедшаго опекаемаго. Въ томъ, и въ другомъ случаѣ принимали участіе и necessarii. Если-же въ современной жизни въ этомъ отношеніи опекуну предоставлена большая сравнительно самостоятельность, то объясняется это не измѣненіемъ характера института, а измѣненіемъ условій жизни, существованіемъ болѣе строго организованнаго надзора за дѣятельностью опекуновъ, точно также и ослабленіемъ родового начала въ широкомъ смыслѣ слова, отсутствіемъ той связи, которая такъ крѣпко единила бы членовъ одного и того-же рода, какъ единила она при возникновеніи института опеки. Забота же о личности опекаемаго со стороны necessari'евъ опредѣлялась отношеніями власти изъ родства, но не отношеніями законной защиты въ нашемъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, опека устанавливается для охраны могущаго остаться беззащитнымъ имущества въ гораздо большей степени, чѣмъ для защиты юридически болѣе слабаго со стороны юридически болѣе сильнаго.

Но мы идемъ дальше: тамъ, гдѣ опека является охраной личности, характеръ этой охраны совсѣмъ иной, чѣмъ при защитѣ личности. При опекѣ охрана имѣетъ цѣлью поставить лишенную, говоря словами Штейна, самоопредѣленія личность въ такія условія, при которыхъ это отсутствіе самоопредѣленія не могло бы принести вредъ какъ личности, такъ и принадлежащему ей имуществу; при законной же защитѣ имѣется въ виду способной къ самоопредѣленію личности, но находящейся въ виду того или иного основанія въ положеніи неполноправномъ

---

[3]) См. напримѣръ, для римскаго и древне-герм. пр. Rudorff, ц. с. т. 2, §§ 115, 119 и сл. Вообще-же слѣдуетъ сказать, что въ этомъ смыслѣ высказывается большинство цивилистовъ и даже полицеистовъ. Нѣсколько иного взгляда, повидимому, держится Инама-Стернеггъ, см. ц. с. стр. 65, § 18, хотя взглядъ его и не является тутъ обоснованнымъ.

или въ положеніи съ этимъ аналогичномъ, дать возможность относительно мириться съ ея юридической слабостью. Говоря обще: опека возмѣщаетъ отсутствіе свободнаго самоопредѣленія, законная-же защита не возмѣщаетъ, а лишь даетъ примиреніе съ положеніемъ неполноправнаго. Одно это, какъ намъ кажется, не позволяетъ смѣшивать понятія опеки и законной защиты.

Обосновать предлагаемую здѣсь конструкцію идеи патроната въ собственномъ смыслѣ и пересмотрѣть ее на основаніи находящагося въ нашемъ распоряженія матерьяла и является ближайшей задачей дальнѣйшаго изложенія. Второй задачей мы ставимъ себѣ указать примѣненіе предлагаемой конструкціи на практикѣ. Третьей и послѣдней задачей—указать значеніе ея для теоріи нашей науки.

II.

Происхожденіе слова „патронатъ". Идея патроната въ широкомъ смыслѣ извѣстна всѣмъ народамъ. Доказательства этого утвержденія на типическихъ культурахъ. *Библія.* Библія признаетъ неравенство людей и требуетъ помощи слабымъ со стороны сильныхъ; помощь, какъ нравственное правило, и какъ юридическая норма. Границы этой помощи въ понятіи справедливости. Общій выводъ. Библія знаетъ также идею патроната и въ спеціальномъ смыслѣ слова. Пришельцы, поселенцы, наемники. Разница между ними. Характеръ защиты; очеркъ правъ и обязанностей по защитѣ. Значеніе общности культа. Взглядъ на отношеніе первыхъ книгъ Библіи къ Второзаконію по поводу пришельцевъ. Подробности о пришельцахъ и поселенцахъ. Иноземцы. Вольноотпущенные.

Какъ показываетъ этимологія слова „патронатъ", это слово латинское, производное отъ „pater", ближайшимъ образомъ производное отъ „patronus". Въ техническомъ смыслѣ слово patronus употреблялось въ противоположеніи патрона кліенту [1]) и патрона вольноотпущенному [2]); въ смыслѣ же болѣе распространительномъ этимъ словомъ обозначали каждаго покровителя.

Но если слово „патронатъ" римскаго происхожденія, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли основаніе считать мѣсторожденіемъ идеи патроната Римъ. Идея патроната въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. идея помощи со стороны болѣе сильныхъ болѣе слабымъ встрѣчается вездѣ, гдѣ только люди единятся въ общества и гдѣ, стало быть, совершается процессъ приспособленія къ жизни. Какъ и параллельная ей идея индивидуализма, она неразрывна съ стремленіемъ людей

---

[1]) K. Schoell, Leg. XII tab. rel. стр. 149.
[2]) K. Schoell. стр. 131.

къ совмѣстной жизни, и лишь въ виду особенностей культуры народовъ у каждаго народа проявляется по своему.

Едва-ли это утвержденіе нуждается въ особыхъ доказательствахъ, но за то интереснымъ является прослѣдить, какъ, въ зависимости отъ особенностей культуры, слагаются и особенности формъ проявленія идеи. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно, если мы подвергнемъ разсмотрѣнію типическія культурныя формы: еврейскую культуру, какъ она рисуется намъ изъ изученія Библіи; культуру китайскую, на сколько мы можемъ ознакомиться съ ней изъ ученія Конфуція и возникшихъ подъ вліяніемъ этого ученія учрежденій; культуру римскую, эту наиболѣе полную и совершенную выразительницу языческаго міровоззрѣнія и, наконецъ, культуру христіанскую, начиная съ первой христіанской общины, особенно цѣльно отразившей въ жизни ученіе Христа.

Начнемъ съ Библіи. „Почему одинъ день лучше другого,— спрашиваетъ Іисусъ сынъ Сираховъ [1]),—тогда какъ каждый дневный свѣтъ въ году исходитъ отъ солнца? Они раздѣлены премудростью Господа; Онъ отличилъ времена и праздненства; нѣкоторые изъ нихъ онъ возвысилъ и освятилъ, а прочіе положилъ въ число обыкновенныхъ дней. И всѣ люди изъ праха, и Адамъ былъ созданъ изъ земли, но, по всевѣдѣнію Своему, Господь положилъ различіе между ними и назначилъ имъ разные пути: однихъ изъ нихъ благословилъ и возвысилъ, другихъ освятилъ и приблизилъ къ себѣ, третьихъ унизилъ и сдвинулъ съ мѣста ихъ“. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть прямого убѣжденія въ томъ, что люди не равны между собой и что одни находятся подъ покровительствомъ (благословеніемъ) Бога, другіе подъ еще большимъ покровительствомъ (они освящены и приближены къ Богу), а третьи, лишенные этого покровительства, униже-

---

[1]) Библія. Кн. Прем. І. с. С. гл. 33, строфы 7—12.

ны, и, слѣдовательно, страдаютъ. Какъ-же, спрашивается, должно поступать съ послѣдними? У Іисуса-же сына Сирахова мы находимъ слѣдующія мѣста: „Не отдавай другому имѣнья, чтобы, раскаявшись, не умолять о немъ“ [1]), но, говоритъ онъ дальше—„если у тебя есть рабъ, то поступай съ нимъ, какъ съ братомъ“ [2]). Сопоставивъ эти три изреченія, мы получаемъ приблизительно слѣдующее правило: люди не равны между собой, что установлено Богомъ, но для тѣхъ, кто ниже, слабѣе, беднѣе, несчастнѣе тебя, не жертвуй собой; однако, и съ рабомъ поступай, какъ съ братомъ; а рабы, которые какъ видно изъ Библіи-же [3]), находились подъ довольно тяжелымъ гнетомъ, не могли въ понятіи еврея считаться выше, чѣмъ кто-либо изъ племени, хотя бы онъ, униженный и сдвинутый съ мѣста Богомъ, и былъ въ безъисходной нуждѣ или вообще въ горестномъ положеніи.

Библія, впрочемъ, даетъ намъ и болѣе точныя указанія относительно того, какъ слѣдуетъ поступать по отношенію къ тѣмъ, кто бѣденъ, несчастенъ, обездоленъ, а по нашей терминологіи—соціально слабъ. „Кто поддерживаетъ ближняго своей рукой, тотъ соблюдаетъ заповѣди,—говоритъ Библія [4]),—простирай руку къ бѣдному, не устраняйся отъ плачущихъ и съ сѣтующими сѣтуй; не лѣнись посѣщать больного, ибо за это ты будешь возлюбленъ; не пренебрегай человѣка въ старости его [5]), не отвращай очей отъ просящаго тебя; не отказывай въ пропитаніе нищему [6]) и т. д.

Вотъ какъ Іовъ представляетъ отношенія къ ближнимъ человѣка, который имѣетъ власть и вліяніе: „я спасалъ страдальца вопіющаго и сироту безпомощнаго; сердцу вдовы до-

---

1) Ibid. строфа 20.
2) Ibid. строфа 32.
3) См., напримѣръ, разсужденіе о рабахъ въ кн. Прем. Сол.
4) Библія, кн. Пр. І. С. С. гл. 29, строфа 1.
5) Ibid. глава 7, строфы 35, 37, 38; глава 8, строфа 7.
6) Ibid. глава 4, строфы 1—6.

ставляя радость; я былъ глазами слѣпому и ногами хромому, отцемъ я былъ для нищихъ, и говорилъ я себѣ: слава моя не старѣетъ, и лукъ мой крѣпокъ въ рукѣ моей" [1]). А вотъ какъ онъ описываетъ поступки тѣхъ, которые не исполняютъ завѣты народа: „у сиротъ уводятъ осла, у вдовы берутъ въ залогъ вола; бѣдныхъ сталкиваютъ съ дороги, всѣ уничиженные земли должны скрываться [2])".

Библія, однако, содержитъ въ себѣ указанія и на то, что такое дѣятельное покровительство болѣе слабымъ — неимущимъ, сиротамъ, больнымъ, вдовамъ и т. д., — предписывалось не только какъ нравственное правило, но и какъ юридическая норма. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ пятой книгѣ Моисеева Второзаконія: „не обижай наемника, бѣднаго и нищаго и въ тотъ-же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того; не суди превратно сироту и вдову и у вдовы не бери одежды въ залогъ; помни, что и ты былъ рабомъ въ Египтѣ и Господь освободилъ тебя оттуда, потому и я повелѣваю тебѣ дѣлать сіе" [3]). А далѣе идутъ уже прямыя постановленія: „когда будешь жать на полѣ твоемъ и забудешь снопъ на полѣ, то не возвращайся взять его: пусть онъ остается сиротѣ и вдовѣ; когда будешь обирать маслину твою, то не пересматривай за собой вѣтвей; пусть остается сиротѣ и вдовѣ; когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоемъ, не собирай остатковъ за собой: пусть остается сиротѣ и вдовѣ". И тутъ-же опять слѣдуетъ напоминаніе: „и помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ Египетской, посему и я повелѣваю тебѣ сіе" [4]).

Упомянемъ еще о своеобразномъ библейскомъ институтѣ, такъ называемомъ седьмомъ годѣ. „Если купишь раба еврея,

---

[1]) Книга Іова, глава 29.
[2]) Книга Іова, глава 24, строфы 3, 4.
[3]) 5 кн. М. Втор. гл. 24, строфы 14, 15.
[4]) Ibid. стр. 19—22; сравни также: кн. Левитъ, гл. 19, стр. 9, 10.

пусть онъ работаетъ шесть лѣтъ, а въ седьмый пусть выйдетъ на волю даромъ“—такъ объявилъ свой законъ Господь Моисею [1]). „Шесть лѣтъ засѣвай землю твою и собирай произведенія ея, а въ седьмый оставляй ее въ покоѣ, чтобы питались убогіе изъ твоего народа, а остатками послѣ нихъ питались звѣри полевые. Такъ-же поступай съ виноградникомъ твоимъ и съ маслиной твоей“,—повелѣваетъ законъ далѣе [2]. Аналогическій характеръ имѣетъ и законъ объ юбилейномъ, т. е. пятидесятомъ годѣ [3]). Эти постановленія созданы съ прямою цѣлью установить въ видѣ опредѣленной нормы заботу о тѣхъ, кто безпомощенъ, бѣденъ, убогъ. Та-же цѣль приводитъ и къ ряду другихъ законовъ: „если дашь деньги взаймы бѣдному изъ народа Моего, то не притѣсняй его и не налагай на него роста, ибо,—говорится далѣе, - когда бѣдный возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу, ибо Я милосердъ“ [4]). Законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ какъ бы и границы того покровительства, которое надлежитъ оказывать, выражаясь нашимъ терминомъ—соціально слабымъ: не обижай ближняго твоего [5]), люби ближняго, какъ самого себя [6]), но, указываетъ законъ тутъ-же, „не будь лицепріятенъ къ нищему, по правдѣ суди ближняго твоего“ [7]). Другими словами: бѣдность, нищета, убожество заслуживаютъ покровительства, однако, это покровительство не должно вести, такъ сказать, къ культу убожества и нищеты. Покровительство должно быть оказываемо, но лишь въ предѣлахъ справедливаго. И это послѣднее правило проводится весьма послѣдо-

[1]) 2 кн. М. Исх. гл. 21, строфа 2.
[2]) Ibid. гл. 23, строфы 10, 11.
[3]) Кн. Левитъ, гл. 25.
[4]) 2 кн. М. Исх. гл. 21, стр. 25—27.
[5]) Кн. Левитъ гл. 19, строфа 13.
[6]) Ibid. стр. 17.
[7]) Ibid, стр. 15. Ср. также съ Исх, гл. 23. ст. 3, гдѣ сказано: „и бѣдному не потворствуй въ тяжбѣ его“.

вательно: оно въ разныхъ формахъ повторяется неоднократно, а въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова получаетъ уже вполнѣ опредѣленное развитіе. Кого-же Библія понимаетъ подъ словомъ „ближній“? Только тѣхъ, кто позналъ Истиннаго Бога, т. е. только евреевъ, всѣ-же остальные—враги евреевъ; и Господь неоднократно объявляетъ, что истребитъ ихъ, и не разъ предостерегаетъ евреевъ отъ всякой близости и всякаго общенія съ ними. Послѣднее ставится во главѣ велѣній Господа, Который грозитъ отступиться отъ своего народа, если онъ будетъ приходить въ общеніе съ другими народами, являющимися, по словамъ завѣта, сѣтью для евреевъ. Всѣ эти народы будутъ истреблены и должны быть истреблены, хотя и не сразу, „чтобы земля твоя (т. е. евреевъ) не сдѣлалась пуста и не умножились противъ тебя звѣри полевые“ [1]). Эти другіе народы настолько не подходятъ подъ понятіе ближняго, что только изъ ихъ среды и можно добывать себѣ рабовъ. „Когда обѣднѣетъ братъ твой (т. е. еврей) и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской. Онъ долженъ быть у тебя, какъ наемникъ, какъ поселенецъ до юбилейнаго года пусть работаетъ у тебя“ [2]). „Потому что,—объясняется далѣе [3]),—они (т. е. обѣднѣвшій еврей и его дѣти)—Мои рабы, которыхъ я вывелъ изъ земли Египетской; недолжно продавать ихъ, какъ продаютъ рабовъ“. Но, и какъ надъ наемниками, надъ ними законъ запрещалъ господствовать, какъ надъ рабами [4]), „а чтобы рабъ твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себѣ раба и рабыню у народовъ, которые вокругъ васъ“ [5]).

Сведемъ все сказанное къ одному. Самъ Господь избралъ

---

[1]) Исходъ, гл. 23, стр. 29.
[2]) Левитъ, гл. 25, строфы 39. 40.
[3]) Ibid. стр. 42.
[4]) Ibid. стр. 43.
[5]) Ibid. стр. 44.

евреевъ среди другихъ народовъ и отдалъ эти народы въ жертву избранному; слѣдовательно, евреи находятся подъ особымъ покровительствомъ Господа, который Одинъ считаетъ ихъ Своими рабами, а евреи другъ для друга ближніе, и всѣмъ имъ надлежитъ такъ устроиться между собой, чтобы вмѣстѣ представлять одно неразрывное цѣлое. Имъ назначена Господомъ миссія познать истиннаго Бога и, познавъ Его, размножиться и занять извѣстныя земли. Какъ находящіеся подъ особымъ покровительствомъ Господа Бога, они тотъ-же принципъ покровительства проводятъ и по отношенію другъ къ другу: имъ велѣно не только не обижать убогихъ, нищихъ и обездоленныхъ изъ ихъ племени, — а Самъ Господь установилъ фактическое неравенство людей и среди избраннаго народа, — но также велѣно, чтобы болѣе сильные покровительствовали болѣе слабымъ. Правда, это покровительство является, по волѣ Бога, какъ бы коррективомъ къ тому, что Самъ-же Господь установилъ, но противорѣчія тутъ нѣтъ: покровительство людей ничтожно въ сравненіи съ покровительствомъ Бога, и тѣ, кто лишенъ покровительства Божья, на покровительствѣ людей познаютъ, чего они лишены. Самое-же покровительство людей выражается въ заботѣ, помощи и смягченіи тѣхъ правилъ и требованій, которыя могутъ быть проводимы только къ лицамъ не нуждающимся въ покровительствѣ (напримѣръ – правило о ростѣ при займахъ). Границы этого покровительства находятся въ понятіи правды и справедливости; поэтому бѣдность, убожество, сиротство, вдовство и всякій иной видъ безпомощности являются достаточными основаніями для покровительства, но не достаточными основаніями для нарушенія, во имя безпомощности, правды и справедливости. Сохраненіе покровительства Господня—вотъ мотивъ для тѣхъ, кто оказывалъ покровительство; беззащитность всякаго вида, грозившая, въ случаѣ отсутствія покровительства, оторвать беззащитныхъ отъ на-

рода при его стремительномъ поступательномъ движеніи въ земли, назначенныя Господомъ, — таковъ мотивъ у тѣхъ, кто ищетъ покровительства.

Библія, далѣе, знаетъ не только идею покровительства въ широкомъ смыслѣ, но и идею покровительства въ томъ спеціальномъ смыслѣ, когда эта идея является съ характеромъ устанавливаемой закономъ юридической защиты юридически слабыхъ. Мы видимъ доказательства этому въ особомъ институтѣ пришельцевъ и поселенцевъ, о которыхъ довольно много говорится въ Библіи.

Въ первый разъ о пришельцахъ упоминается въ заповѣдяхъ, гдѣ говорится: „а день седьмый — суббота Господу Богу Твоему: не дѣлай въ оный ни какого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ“ [1]). Какъ видно изъ этихъ словъ, пришельцы не были рабами, но кто собственно они были и каковъ точно источникъ происхожденія этого института, ни въ заповѣди, ни въ другихъ мѣстахъ Библіи, гдѣ упоминается о пришельцахъ, указаній нѣтъ. Особенно сложенъ слѣдующій вопросъ: Библія говоритъ о пришельцѣ, какъ о человѣкѣ, который „въ жилищахъ твоихъ“ — слѣдуетъ-ли понимать послѣднія слова, какъ указаніе на то, что пришлецы были подъ защитой всего народа или же они были подъ защитой отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ семей? Такъ какъ вездѣ говорится о жилищахъ во множественномъ числѣ, то первое предположеніе кажется намъ вѣрнѣе. Правда, въ Библіи-же встрѣчаемъ мы, напримѣръ, и такое мѣсто: „не обижай изъ пришельцевъ твоихъ, которые въ землѣ твоей“ [2]), но здѣсь и „твой“ обозначаетъ, какъ мы думаемъ, общее указаніе на еврейскій народъ. Въ пользу нашего предположенія говоритъ и слѣдующее мѣсто Биб-

---

[1]) 2 кн. М. Исх. гл. 20, строфа 10.
[2]) 5 кн. М. Второз. гл. 24, стр. 14.

ліи: „Который (т. е. Господь Богъ) даетъ судъ сиротѣ и вдовѣ, и любитъ пришельца, и даетъ ему хлѣбъ и одежду“ [1]). Точно также въ пользу нашего предположенія говоритъ и то уже цитированное выше постановленіе [2]), которое предписываетъ не возвращаться за забытымъ на полѣ снопомъ, не пересматривать за собой вѣтвей маслины, не собирать остатковъ виноградныхъ плодовъ. Тутъ рядомъ съ сиротой и вдовой, въ пользу которыхъ должны пойти и этотъ снопъ, и плоды маслины, оставшіеся на вѣтвяхъ, и остатки виноградныхъ плодовъ, упоминается и о пришельцѣ. Въ такомъ же родѣ упоминается о пришельцахъ и въ постановленіяхъ о седьмомъ и юбилейныхъ годахъ [3]). Если бы, стало быть, пришлецъ находился подъ защитой отдѣльныхъ лицъ изъ племени, то эти отдѣльныя лица, а не Богъ, давали бы ему одежду и хлѣбъ, и не зачѣмъ было бы устанавливать правила объ остаткахъ на полѣ и въ виноградникѣ. Мы скорѣе могли бы ожидать тогда постановленій, которыя опредѣляли бы отношенія по такой индивидуальной защитѣ, но Библія ихъ не даетъ.

Несомнѣнно слѣдующее: пришлецъ не рабъ, но и не еврей по рожденію. Первое ясно изъ самой заповѣди, приведенной выше; второе подтверждается прямыми указаніями, напримѣръ, вродѣ слѣдующаго: „не обижай наемника, бѣднаго и нищаго изъ братьевъ твоихъ, или изъ пришельцевъ твоихъ“ [4]), или: „если пришлецъ или поселенецъ твой будетъ имѣть достатокъ, а братъ твой предъ нимъ обѣднѣетъ“ [5]) и т. д. Но пришлецъ не былъ также и полноправенъ, что видно уже изъ слишкомъ частыхъ напоминаній

---

1) Ibid. гл. 10, стр. 18.
2) Ibid. гл. 24, стр. 19—22.
3) Кн. Левитъ, гл. 25.
4) 5 кн. М. Второз., гл. 24, стр. 14.
5) Кн. Лев., гл. 25, стр. 47.

любить ихъ, не обижать ихъ, покровительствовать имъ и т. д. [1]) Это видно также изъ прямого указанія Второзаконія, гдѣ, въ главѣ 28, Моисей, заповѣдуя благословеніе Божье, въ случаѣ, если евреи будутъ исполнять законъ Божій, и проклятье, если они не будутъ исполнять законъ, въ числѣ послѣдствій проклятья приводилъ: „пришлецъ, который среди тебя, будетъ возвышаться надъ тобой все выше и выше, а ты будешь опускаться все ниже и ниже“ (ст. 44). „Онъ будетъ давать тебѣ взаймы, а ты не будешь давать ему взаймы (т. е. онъ будетъ достаточнѣе тебя); онъ будетъ главою, а ты будешь хвостомъ (т. е. онъ будетъ обладать большими правами, чѣмъ ты)“. (Ст. 45). Выводя отъ обратнаго, можно опредѣлить и обычное положеніе пришельцевъ: говоря словами Библіи, сыны Израиля—голова, а пришельцы—хвостъ. Это-же самое, наконецъ, слѣдуетъ еще изъ запрещенія пришельцамъ имѣть рабомъ еврея. Вотъ какъ говоритъ законъ [2]): „послѣ продажи (т. е. послѣ того какъ обѣднѣвшій изъ племени продастся пришельцу) можно выкупить его (т. е. еврея); кто нибудь изъ братьевъ долженъ выкупить его; или дядя, или сынъ дяди долженъ выкупить его, или кто нибудь изъ родства его, изъ племени его долженъ выкупить его“; „онъ (т. е. еврей, если не будетъ выкупленъ),—говоритъ законъ далѣе [3]),—долженъ быть у него (пришельца), какъ наемникъ, во всѣ годы (до юбилейнаго); пришелецъ не долженъ господствовать надъ нимъ съ жестокостью въ глазахъ твоихъ“. Изъ этого же закона мы можемъ сдѣлать и другой выводъ: пришелецъ не былъ обязательно нищимъ, что легко предположить въ виду частаго упоминанія о пришельцѣ рядомъ съ сиротой и вдовой; пришелецъ могъ, очевидно, имѣть и достатокъ, разъ ему продавались обѣднѣвшіе изъ племени; точно

[1]) Вт., гл. 10, стр. 19, гл. 24, ст. 14—21 и т. д.
[2]) Кн. Лев. гл. 25, стр. 48, 49.
[3]) Ib., стр. 53.

также имѣлъ, очевидно, и извѣстныя имущественныя права. Но, съ другой стороны, онъ пользовался ими только послѣ того, какъ получалъ покровительство племени. Есть указаніе, что, добившись этого покровительства, онъ принималъ участіе и въ очень важныхъ религіозныхъ торжествахъ. По крайней мѣрѣ, послѣ побѣды одержанной Іисусомъ Навиномъ надъ царемъ Гайскимъ, когда былъ устроенъ Господу жертвенникъ на горѣ Гевалъ, „весь Израиль, старѣйшины его, и надзиратели его, и судьи его стали съ той и съ другой стороны ковчега противъ священниковъ и левитовъ, носящихъ ковчегъ завѣта Господня, какъ пришельцы, такъ и природные жители“ [1]).

Библія знаетъ въ общемъ слѣдующія раздѣленія: 1) избранные, т. е. лица изъ племени, 2) рабы, 3) наемники, 4) поселенцы, 5) пришельцы. Это указано въ постановленіяхъ о седьмомъ годѣ, гдѣ говорится такъ: „и будетъ это (то, что само въ седьмой годъ выростетъ на полѣ и въ виноградникѣ) впродолженіи субботы земли всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ, и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя“ [2]). (О пришельцахъ здѣсь не говорится, что еще разъ подтверждаетъ наше предположеніе, что пришелецъ состоялъ не подъ индивидуальной охраной, а подъ охраной всего народа). Очень возможно, что въ числѣ наемниковъ были и евреи, но главный контингентъ, вѣроятно, составляли не евреи, не братья, по словоупотребленію Библіи, т. е. не полноправные члены общества. Это вытекаетъ изъ уже не разъ цитированнаго нами закона о юбилейномъ годѣ, гдѣ сказано: „когда обѣднѣетъ у тебя братъ твой и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской; онъ долженъ быть у тебя, какъ

---

[1]) Кн. Іис. Нав., гл 8, стр. 33.
[2]) Кн Лев. гл. 25, стр. 6.

наемникъ, какъ поселенецъ, до юбилейнаго года пусть работаетъ у тебя" [1]). Братья, т. е. лица изъ племени, какъ видно изъ этихъ словъ, только могутъ попасть въ положеніе, аналогичное положенію наемника или поселенца. Между-же наемниками и поселенцами, можно предполагать, существовала только та разница, что первые получали опредѣленную плату за труды свои [2]), а поселенцы жили на землѣ лицъ изъ племени и, вѣроятно, работали изъ доли. Что-же касается пришельцевъ, то, какъ уже сказано выше, они, по всей вѣроятности, не входили ни въ семью, ни въ домъ, ни въ землю отдѣльныхъ лицъ изъ племени, а находились подъ покровительствомъ всего народа.

Изъ сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія: при всей замкнутости библейскаго общественнаго строя и при всей правовой исключительности его, на ряду съ лицами изъ племени существовалъ еще рядъ лицъ, которыя, отбившись, по всей вѣроятности, отъ своего народа (а, можетъ быть, бывшіе единственными представителями тѣхъ племенъ, которыя населяли мѣстность между пустыней Синъ и Рефидимомъ [3]), не имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ возможности слиться съ народомъ израильскимъ и не пользовались поэтому всѣми правами, принадлежавшими еврею по рожденію; но они раздѣляли вѣру въ Истиннаго Бога и потому пользовались покровительствомъ [4]). Какъ можно думать на основаніи цитированныхъ выше мѣстъ изъ Библіи, одни изъ нихъ, а именно поселенцы, пользовались покровительствомъ отдѣльныхъ лицъ, другіе—пришельцы—покровительствомъ народа.

---

[1]) Ibid., стр. 30, 40.

[2]) Наемники получали плату, на что имѣется прямое указаніе въ 5 кн. М. Второз., гл. 24, стр. 14.

[3]) 2 кн. М. Исходъ, гл. 17, стр. 1.

[4]) Самъ Господь, по словамъ Библіи, создавъ эту исключительность, повелѣлъ: „не должны они (т. е. чуждые народы) жить въ землѣ твоей, чтобы они не ввели тебя въ грѣхъ противъ Меня". См. кн. Исходъ. гл. 24, ст. 33.

Почему одни дѣлались поселенцами, а другіе пришельцами, это, вѣроятно, вытекало изъ экономическихъ основаній. Едва-ли поселенцы принадлежали къ одному племени, а пришельцы—къ другому. Вѣроятно, тотъ, кто чувствовалъ себя, по своему характеру, положенію, по своимъ вообще индивидуальнымъ особенностямъ, болѣе подготовленнымъ къ процессу приспособленія къ общественной жизни, удовлетворялся и менѣе опредѣленной защитой всего народа, не входилъ въ тѣсныя отношенія ни къ одной семьѣ и жилъ, работая на себя, подъ охраной законовъ о пришельцахъ; другіе-же, кому, въ виду ихъ индивидуальныхъ особенностей, эти общіе законы казались недостаточными, искали еще спеціальной защиты у отдѣльныхъ семей, земли которыхъ обрабатывали или за извѣстную плату или изъ доли, или за пропитаніе, одежду и защиту. Положеніе пришельцевъ, такимъ образомъ, вѣроятно, было независимѣе, чѣмъ положеніе поселенцевъ. Дѣти послѣднихъ, напримѣръ, могли быть покупаемы уже, какъ рабы. Это прямо указывается Библіей: „и изъ дѣтей поселенцевъ, поселившихся у васъ, можете покупать (рабовъ), и изъ племени ихъ, которое у васъ, которое у нихъ родилось въ землѣ вашей, и они могутъ быть вашей собственностью. Можете передавать ихъ въ наслѣдство сынамъ вашимъ по себѣ, какъ имѣніе; вѣчно владѣйте ими, какъ рабами“ [1]). О дѣтяхъ-же пришельцевъ подобныхъ указаній Библія не даетъ. То-же, что поселенцы, въ отличіе отъ пришельцевъ, были подъ защитой отдѣльныхъ семей, можно вывести, хотя бы еще изъ слѣдующаго: „поселившійся у священника и наемникъ не должны ѣсть святыни“ [2]).

Въ чемъ заключалась защита поселенцевъ, опредѣляется приведенными цитатами. Самая исключительность обществен-

---

1) Кн. Лев. гл. 25, стр. 45—46.
2) См. кн. Лев. гл. 22, ст. 10.

наго строя, признававшая полноту правовой сферы достояніемъ только сыновей избраннаго народа, вызывала необходимость этой защиты; съ другой-же стороны, уже одинъ тотъ фактъ, что, не смотря на всю исключительность общественнаго строя, среди евреевъ жили не евреи, и это въ то время, когда Господь заповѣдалъ огнемъ и мечемъ истреблять всѣ народы, одинъ этотъ фактъ является уже вполнѣ нагляднымъ проявленіемъ защиты. Указанныя выше различныя постановленія о состраданіи, милости и необходимости не обижать пришельцевъ и поселенцевъ опредѣляютъ подробности этой защиты, установленной закономъ. Какія же точно были права и обязанности каждой изъ сторонъ возстановить это во всѣхъ подробностяхъ изъ указаній Библіи, постановленія которой въ данномъ отношеніи не отличаются опредѣленностью, представляется невозможнымъ. Несомнѣнно одно: права и обязанности каждой изъ сторонъ (по отношенію къ пришельцамъ—народа, по отношенію къ поселенцамъ—ихъ патроновъ) имѣли не только характеръ моральныхъ предписаній, но и юридическій. Они обезпечивались принужденіемъ; санкціей этихъ предписаній являлся гнѣвъ Господень, обезпечивавшій исполненіе всего завѣта. Кромѣ того, за каждое нарушеніе правилъ завѣта (а отношенія евреевъ къ пришельцамъ и поселенцамъ опредѣлялись завѣтомъ)—виновный подвергался наказанію [1]). Во Второзаконіи-же прямо сказано: „проклятъ, кто превратно судитъ пришельца, вдову или сироту“ [2]).

Вотъ, однако, тѣ подробности, которыя можно возстановить на основаніи Библіи. Мотивомъ защиты, или выражаясь точнѣе—той связи, во имя которой оказывалась защита, было часто повторяющееся въ Библіи напоминаніе о томъ, что

---

[1]) Суд. на аналог. съ кн. Лев., гл. 6, ст. 1, также, гл. 5.

[2]) Второз. гл. 27, ст. 19.

„пришлецами и вы сами, т. е. евреи, были въ землѣ Египетской“ [1]). Но это, такъ сказать, формальная сторона этой связи; ея-же сущностью являлась общность культа. На этотъ счетъ Библія даетъ прямыя указанія: „И если будетъ жить между вами пришлецъ, и принесетъ жертву въ пріятное благоуханіе Господу, то и онъ долженъ дѣлать такъ, какъ вы дѣлаете. Для васъ и для пришельца, живущаго у васъ, уставъ одинъ, уставъ вѣчный въ роды ваши“ [2]). То-же повторяется и въ другомъ мѣстѣ: „Если будетъ жить у васъ пришлецъ, то и онъ долженъ совершать Пасху Господню: по уставу о Пасхѣ и по обряду ея онъ долженъ совершить ее. Одинъ уставъ пусть будетъ у васъ и для пришельца и для туземца [3])“. Наравнѣ съ туземцами они имѣли право приносить жертвы Богу и по обѣту, и по усердію [4]). Общность культа, служившая основой связи и ведшая въ виду этого къ законной защитѣ, давала право пришельцамъ на общій съ туземцами судъ [5]). Однако, даже общность культа не давала пришельцу права ни быть воиномъ, ни получать добычу, ни получать удѣлы. По крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ говорится о сборахъ сыновъ Израиля на землю Ханаанскую, о дѣлежѣ добычи, о назначеніи удѣловъ, – вездѣ говорится очень отчетливо только о сынахъ Израиля. Есть указанія, что въ станѣ были работники и дровосѣки, но были-ли это пришельцы, поселенцы, наемники или рабы, Библія никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій не даетъ [6]).

---

[1]) См. напр., Исходъ гл. 22. ст. 21; гл. 23, ст. 9 и т. д. „Вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами въ землѣ Египетской“. (Исх. гл. 23, ст. 9).

[2]) Кн. числа. гл. 15, ст. 14—15.

[3]) Ibid., гл. 9, ст. 14. Аналогичное постановленіе встрѣчаемъ и въ кн. Второз. гл. 16, ст. 11 и 14.

[4]) Кн. Левитъ, гл. 22, ст. 18.

[5]) Ibid., гл. 24, ст. 22.

[6]) Кн. числа, гл. 1—2, гл. 31; ср. съ Второз. гл. 29, ст. 10.

Тутъ будетъ умѣстно указать еще на слѣдующее обстоятельство: большая часть постановленій, опредѣляющихъ религіозный и юридическій строй общества, не упоминаетъ о пришельцахъ, нѣкоторыя постановленія упоминаютъ о нихъ, нѣтъ ни одного постановленія, которое исключало бы ихъ изъ числа лицъ, для которыхъ эти постановленія обязательны, а кромѣ того, въ книгѣ Левитъ, мы находимъ указаніе такого рода: пришлецъ, поселившійся у васъ, да будетъ то-же, что туземецъ вашъ; люби его, какъ себя" [1]). Казалось бы, что, сопоставивъ всѣ эти данныя вмѣстѣ, мы не можемъ притти къ иному выводу, какъ только предположить, что пришелецъ былъ полноправенъ, и что законы туземцевъ—законы и для пришельцевъ. Но такой выводъ стоялъ бы въ противорѣчіи съ тѣмъ, что, какъ было сказано выше, мы въ Библіи-же находимъ о положеніи пришельцевъ. Противорѣчіе сдѣлается непримиримѣе, если сопоставить такой выводъ съ прямымъ указаніемъ (уже цитированнымъ) Второзаконія: „Пришелецъ, который среди тебя, будетъ (въ случаѣ, если Господь пошлетъ проклятья на еврейскій народъ за нарушеніе завѣта) возвышаться надъ тобой все выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Онъ будетъ главой, а ты будешь хвостомъ". (Втор., гл. 28, ст. 43, 44).

Если бы мы могли допустить, что дѣйствительно пришлецъ былъ полноправенъ, то противорѣчіе со Второзаконіемъ мы объяснили бы такъ: книги Исхода, Левитъ и Числа заключаютъ въ себѣ изложеніе того идеала, который ставился Господомъ евреямъ, а книга Второзаконія, въ общемъ значительно съуживающая этотъ идеалъ, заключаетъ въ себѣ сводъ минимальныхъ требованій, нарушеніе которыхъ вело бы къ полному нарушенію завѣта съ Господомъ. Самый-же фактъ съуженія идеала объясняется введеніемъ въ

---

[1]) Кн. Левитъ, гл. 19, ст. 33, 34.

законъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя порождены были практической жизнью и съ которыми, волей не волей, пришлось мириться. Въ первыхъ книгахъ мы читаемъ то, что передавалъ народу Моисей по непосредственному велѣнію Господа; во Второзаконіи умирающій Моисей повторяетъ уже своими словами эти велѣнія и, какъ бы понуждаемый самимъ ходомъ вещей, скорѣе кодифицируетъ дѣйствительность, чѣмъ устанавливаетъ завѣтъ. Слѣдовательно, если бы идеаломъ служило и полноправіе пришельцевъ, то практика, какъ указываетъ Второзаконіе, не осуществляла этого идеала, и пришельцы были, говоря словами Библіи, не братьями, а подвластными—хвостомъ, въ то время какъ туземцы были головой.

Но мы думаемъ дальше, что въ данномъ случаѣ вообще не было противорѣчія и что даже въ первыхъ книгахъ Библіи пришелецъ не считается полноправнымъ, что даже стихъ изъ книги Левитъ (указанный выше): „пришлецъ, поселившійся у васъ, да будетъ то-же, что туземецъ вашъ" (гл. 19, стр. 34) не указываетъ на полноправность пришельцевъ. „Да будетъ то-же, что туземецъ"—эти слова имѣютъ иносказательный смыслъ и приводятся въ подкрѣпленіе высказываемаго Господомъ желанія, чтобы туземцы не обижали пришельцевъ; это лишь мотивировка такого пожеланія. Общій-же духъ постановленій Библіи даетъ скорѣе возможность предположить, что устанавливаемые законы - законы для Господня общества, т. е. для туземцевъ. Пришельцами же настолько интересуются эти законы, насколько надлежитъ оградить туземцевъ отъ опасности, чтобы пришельцы не оскверняли ихъ чистоты и вѣры. Хотя пришельцы и раздѣляютъ культъ туземцевъ, но они все таки только привзошли въ него, культъ этотъ все таки для нихъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, въ гораздо большей степени условіе защиты, чѣмъ основная потребность души, жаждущей познать истиннаго Бога. И вотъ законъ, не упоминая о пришельцахъ тамъ, гдѣ нѣтъ основаній ожидать, что

пришелецъ можетъ осквернить чистоту культа, непремѣнно вспоминаетъ о нихъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ условіяхъ этой чистоты. Такъ, пришельцу, какъ и туземцу изъ дома Израилева, законъ грозитъ смертью, если пришелецъ заколетъ тельца или овцу, или козу въ станѣ, или если заколетъ внѣ стана и не приведетъ ко входу скиніи собранія, чтобы представить въ жертву Господу предъ жилищемъ Господнимъ [1]); законъ грозитъ смертью и тому пришельцу (какъ и сыну изъ дома Израиля), кто приноситъ всесожженіе или жертву и не приведетъ ко входу скиніи собранія, чтобы совершить ее Господу [2]); смерть и тому изъ пришельцевъ, кто будетъ ѣсть какую нибудь кровь [3]); законъ предписываетъ полное омовеніе одежды и тѣла тому пришельцу, кто будетъ ѣсть мертвечину или растерзанное звѣрями [4]); законъ предписываетъ побить камнями и того пришельца, кто дастъ изъ дѣтей Молоху [5]); смертью наказывается пришелецъ, если будетъ злословить и хулить Бога [6]). Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ о пришельцахъ упоминается рядомъ съ туземцами, и въ этомъ смыслѣ законъ былъ у нихъ равный.

Относительно поселенцевъ мы встрѣчаемъ только одно постановленіе: „никто посторонній не долженъ ѣсть святыни; поселившійся у священника и наемникъ не долженъ ѣсть святыни; если-же священникъ купитъ себѣ человѣка за серебро, то сей можетъ ѣсть ее“ [7]). Отсутствіе спеціальныхъ постановленій о поселенцахъ и молчаніе о нихъ тамъ, гдѣ говорится о пришельцахъ, думаемъ, подтверждаетъ только нашъ

---

[1]) Ibid., гл. 17, ст. 3, 4.
[2]) Ibid., гл. 17, стр. 8, 9.
[3]) Ibid., ст. 12.
[4]) Ibid., ст. 15, 16.
[5]) Ibid., гл. 20, ст. 2.
[6]) Ibid., гл. 24, ст. 16.
[7]) Ibid., гл. 22, ст. 10.

взглядъ, что поселенцы были тѣже пришельцы, но искавшіе защиты у отдѣльныхъ лицъ. Приведенное же постановленіе не могло имѣть въ виду пришельца въ собственномъ смыслѣ, т. е. находившагося подъ защитой всего народа, такъ какъ такіе не селились у священниковъ, а, стало быть, по поводу такихъ не было и опасности, что они станутъ ѣсть святыню [1]).

Упомянемъ еще о своеобразномъ институтѣ—трехгодичной десятинѣ—имѣвшемъ примѣненіе также и по отношенію къ пришельцамъ. „По прошествіи трехъ лѣтъ,—говоритъ Библія [2]),—отдѣляй всѣ десятины произведеній твоихъ въ тотъ годъ, и клади въ жилищахъ твоихъ; и пусть придетъ Левитъ, ибо ему нѣтъ части и удѣла съ тобой, и пришлецъ, и сирота, и вдова, которые въ жилищахъ твоихъ, и пусть ѣдятъ и насыщаются". Благотворительный по существу, этотъ институтъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и одной изъ составныхъ частей той законной защиты, патроната въ собственномъ смыслѣ, который былъ установленъ для пришельцевъ.

---

[1]) По поводу пришельцевъ мы не могли найти ни одной специальной работы, но въ Библейскихъ словаряхъ говорится о нихъ (proselyten) такъ: „были пришлецы вратъ и пришлецы правды—первые не обрѣзанные, вторые обрѣзанные". Но тутъ имѣются въ виду уже пришельцы позднѣйшаго времени. По поводу-же пришельцевъ Пятикнижія, во всѣхъ словаряхъ, начиная съ стариннаго начала прошлаго вѣка) словаря Симона, говорится лишь, что пришельцы находились подъ покровительствомъ законовъ. См. Библейскій словарь Солярскаго, т. 3, стр. 250. Ср. Dictionn. universel. hist. et critique des Moeurs etc , III, 479; Herzogg—Hauk, Real. Encyclop. für protest. Theolog. XII, стр. 293 и сл. Въ подтвержденіе нашему взгляду на пришельцевъ можемъ сослаться на Michaelis, Mosaisches Recht, II, 427; но Michaelis, различая пришельцевъ отъ поселенцевъ, называетъ пришельцами тѣхъ, кто не имѣлъ своей земли, а поселенцами тѣхъ, кто не имѣлъ своего дома. Какъ обобщеніе, намъ представляется это утвержденіе произвольнымъ. См. также Otto Henne—Amrhyn, Allgem. Kulturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenw , 1, 410, гдѣ авторъ высказываетъ мнѣніе о пришельцахъ, вполнѣ подтверждающее наше мнѣніе. Неволинъ, въ своей Энциклопедіи законовѣдѣнія, т. II, 177 и 189 согласенъ, что пришельцы имѣли общій законъ съ туземцами, но дальнѣйшихъ опредѣленій онъ не даетъ.

[2]) Второзак., гл. 14, ст. 29; то-же: гл. 26, ст. 12.

Второзаконіе упоминаетъ еще объ иноземцахъ, о которыхъ говорится слѣдующее: „не ѣшьте никакой мертвечины; иноземцу, который въ жилищахъ твоихъ, отдай ее, онъ пусть ѣстъ ее, или продай ему, ибо ты народъ святый у Господа Бога Твоего“ [1]); „съ иноземца взыскивай, а что будетъ твое у брата твоего – прости“ [2]); „иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай“ [3]). Кого понимаетъ Библія подъ этими иноземцами, сказать трудно, какъ трудно даже опредѣлить, имѣли-ли въ виду эти постановленія настоящее или-же только будущее. Вѣроятнѣе, что послѣднее, такъ какъ какіе иноземцы, кромѣ пришельцевъ и поселенцевъ, могли жить въ жилищахъ евреевъ во времена Моисея? Если-же тутъ имѣются въ виду пришельцы, то эти постановленія уже окончательно устанавливаютъ нашъ взглядъ во первыхъ, на соотношеніе Второзаконія къ первымъ книгамъ Пятикнижія, во вторыхъ, на юридическое положеніе пришельцевъ по Второзаконію.

Библіи извѣстенъ также институтъ отпущенія рабовъ на волю, но, повидимому, отпущеніе на волю не вело къ установленію законнаго патроната. „Когда-же будешь отпускать его (т. е. раба) отъ себя на свободу,—говоритъ Библія [4]), — не отпусти его съ пустыми руками, но снабди его отъ стадъ твоихъ, отъ гумна твоего и отъ точила твоего; дай ему, чѣмъ благословилъ тебя Господь, Богъ твой. Если-же онъ (т. е. отпускаемый на волю) скажетъ тебѣ: не пойду я отъ тебя, потому что я люблю тебя и домъ твой, потому что хорошо ему у тебя, то возьми шило и проколи ухо его къ двери: и будетъ онъ рабомъ твоимъ на вѣкъ. Такъ поступай и съ рабою твоей“. Помощь, оказываемая отпускаемому на волю, являлась

---

[1]) Ibid., гл. 14, стр. 21.
[2]) Ibid., гл. 15, стр. 2.
[3]) Ibid. гл. 23, стр. 20.
[4]) Ibid., гл. 15, ст. 13—17.

лишь съ характеромъ награды за службу; но изъ того, что законъ предписывалъ давать такую награду, не слѣдуетъ еще заключать, чтобы законъ устанавливалъ какія-либо дальнѣйшія отношенія между вольноотпущенникомъ и бывшимъ господиномъ.

III.

Китайская культура. Даосійскія книги. Идея покровительства въ широкомъ смыслѣ, какъ идея помощи познать истинный путь. Конфуціанская философія. Покровительство неба, какъ точка отправленія для остальныхъ покровительственныхъ сферъ. Покровительственныя сферы, какъ онѣ выясняются изъ источниковъ. Весь общественный строй Китая есть выраженіе идеи законной защиты. Отсутствіе спеціальныхъ институтовъ законной защиты. Добровольное рабство, вслѣдствіе безграмотности. Покровительство бѣжавшимъ отъ притѣсненія власти. Почему эти два вида покровительства не могутъ быть принимаемы за выраженіе идеи законной защиты.

Обращаемся къ Китаю. Китайская культура интересуетъ насъ не только потому, что такъ велико то множество людей, жизнь которыхъ устроается по основнымъ ея принципамъ, а потому еще, что эти принципы представляются самобытными, стало быть, и самая культура является типической. Тутъ, кстати, оговоримся, что въ строѣ китайской жизни мы различаемъ два параллельныя теченія—даосизмъ, питающій, на сколько можно это вывести изъ чтенія священныхъ книгъ, религіозное міровоззрѣніе, и конфуціанство, которымъ запечатлѣно законодательство. И то, и другое теченіе одинаково рекомендуютъ идею покровительства, какъ коренную идею, какъ идею, долженствующую руководить всѣми дѣйствіями, поступками и отношеніями истиннаго, совершеннаго человѣка и благоустроеннаго общества. Подтвержденіе этой мысли, какъ увидимъ сейчасъ, мы находимъ въ священныхъ книгахъ, въ сборникахъ нравственныхъ правилъ и въ законодательныхъ памятникахъ Китая, а также и въ выводахъ наиболѣе авторитетныхъ синологовъ. Послѣдніе отмѣчаютъ эту черту китайской культуры съ тѣмъ болѣе говорящимъ въ нашу пользу единогласіемъ, что по-

поводу многихъ иныхъ вопросовъ моральной и правовой жизни Китая мнѣнія ихъ рѣзко между собой расходятся [1]).

„Исправляйте сердце, чтобы хорошо обращалось оно къ ближнимъ; имѣйте жалость къ сиротѣ и вдовѣ; помогайте каждому, кому понадобится; расточайте добро и дѣла ваши, не разсчитывая непремѣнно на награду; подавайте милостыню, не сожалѣя о томъ, что вы даете; и такого челорѣка я называю добродѣтельнымъ",—говоритъ даосійская книга сочиненія Лао-цзы [2]). Человѣкъ долженъ отвращаться отъ порочности, - говоритъ эта книга далѣе [3]),—а въ числѣ признаковъ порочности занимаетъ не маловажное мѣсто угнетеніе низшихъ лицъ и неблагодарность къ тѣмъ, кто оказываетъ защиту [4]). За нарушеніе этихъ правилъ книга грозитъ наказаніемъ: „каждый разъ, когда кто либо несправедливо обогащается или возвеличивается на счетъ другихъ, духи, перечисливъ его женъ или дѣтей, постепенно однихъ за другими умерщвляютъ и этимъ подводятъ итоги его старымъ долгамъ" [5]). Люди не равны между собой и не могутъ быть равными, потому что „одни въ состояніи постигнуть Дао (истинный путь), а другіе не въ состояніи постигнуть Дао, но постигшій Дао долженъ и другимъ показывать истинный путь". Такъ говоритъ книга Чанъ-цинъ-цзанъ-цзинъ, напи-

---

[1]) J. H. Gray, China т. I и II; Williams, The middle Kingdom; G Pautier, Les livres sacrés de l'orient; Васильевъ, Религіи Востока; Георгіевскій, Принципы жизни Китая; И. Захаровъ—Поземельная собственность въ Китаѣ (Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. II, стр. 1 96); его—же, Историческое обозрѣніе народонаселенія Китая (Т. ч. р. д. м. въ П., т. I стр. 247—361); Васильевъ—Свѣдѣнія о Маньчжурахъ во времена династій Юань и Минъ; Іакинфа—Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана (пер. съ кит.); Описаніе Тибета (пер. съ кит.); записки о Монголіи. Въ послѣдней работѣ находится монгольское уложеніе. См. указанныя ниже китайскія сочиненія.

[2]) Кань-инъ-бянь, соч. Лао-цзы. Перев. съ кит. Т. Watters, см. Hand-book of the Chin. Lang. by Doolitle, II, стр. 247, §§ 14, 15, 20, 29—31. Пользуясь, какъ этимъ переводомъ, такъ и указанными ниже, мы руководствовались также и указаніями „Исторіи Библіи на Востокѣ", т. I, сост. О. іерем. Алекс. Виноградовымъ.

[3]) Ibid. § 40.

[4]) Ibid. §§ 54 и 56.

[5]) Ibid. § 103.

санная Мяо-мо-юань [1]). Блаженство, этотъ идеалъ человѣка, вѣнчаетъ его только тогда, когда онъ исполнитъ все, что повелѣваетъ добродѣтель—дэ. А вотъ что повелѣваетъ добродѣтель: „Я больше всего любилъ выручать людей изъ всякаго рода несчастій; и чистое, голубое небо узрѣло меня". Такъ говоритъ книга Инь-чжи-вэнь [2]), сочиненная Ди-цзюнь. „Помогай несчастнымъ,—говоритъ эта же книга,—даже рыбу, которая попала на сушу, опускай въ воду. Освобождай всякаго, кто въ опасности, и даже птицу, если она въ сѣтяхъ, отпускай на волю. Имѣй жалость къ сиротѣ, имѣй состраданіе ко вдовѣ; почитай старцевъ, помогай добросердечно бѣднымъ; собирающимся въ дорогу давай платье и пищу; хорони трупъ, оставшійся безъ погребенья; доставляй лѣкарства и врачуй бѣдныхъ больныхъ; не думай, что богатство даетъ тебѣ право угнетать бѣдныхъ. Награда, которую ты прежде всего увидишь,—ты самъ; кромѣ того, ты будешь имѣть большое потомство. Сто блаженствъ, въ тебѣ соединившись и въ тебя вселившись, увѣнчаютъ тебя славой; ты будешь находиться подъ сѣнью тысячи счастливыхъ облаковъ". Аналогичныя постановленія, правила и совѣты находимъ мы и въ книгѣ Шэнъ-ю Хуанъ-сюнь [3]), въ книгѣ весьма почитаемой въ Китаѣ, такъ какъ она представляетъ изъ себя наставленія императора Кангъ-ги китайскому народу.

Но едва-ли слѣдуетъ приводить дальнѣйшія выписки. Дао, соотвѣтственно этому міровоззрѣнію, есть истинный путь, который одинъ ведетъ къ блаженству, и люди, не познавшіе Дао, вредятъ себѣ и своему потомству. Дао-же дѣлитъ людей на болѣе совершенныхъ и менѣе совершенныхъ, при чемъ первые должны направлять вторыхъ къ познанію Дао. Жизнь знаетъ также фактическое неравенство людей, и корректи-

---

[1]) См. переводъ Жюльена, Journal Asiat. IV, стр. 84, пункты 26—30.
[2]) См. перев. въ Annales de Philosophie Chretienne, XIV.
[3]) См. Chin. Recorder, 78 г., № 4.

вомъ этого является помощь и покровительство, какъ пріемы, при посредствѣ которыхъ во первыхъ, самъ помогающій вѣрнѣе достигаетъ блаженства, а во вторыхъ, и облегчается то зло, которое неизбѣжно, какъ слѣдствіе фактическаго неравенства. Приведенныя выписки показываютъ также, что помощь и покровительство понимаются священными книгами весьма широко: не возвышаясь до идеи самопожертвованія, эти книги тѣмъ не менѣе даютъ такое перечисленіе видовъ помощи, которое обязываетъ ко многимъ заботамъ на пользу ближнихъ и требуетъ, дѣйствительно, активнаго участья въ дѣлѣ облегченія и улучшенія судьбы тѣхъ, кто фактически слабѣе.

Вся жизнь человѣка въ обществѣ, по міровоззрѣнію китайцевъ, представляетъ изъ себя не что иное, какъ совокупность и взаимодѣйствіе различныхъ сферъ покровительства: небо покровительствуетъ всему государству вообще, императору въ особенности; императоръ покровительствуетъ народу; власти покровительствуютъ подчиненнымъ; самая власть есть лишь обязанность покровительства; каждая семья находится подъ покровительствомъ духовъ умершихъ предковъ; каждая отрасль человѣческой дѣятельности находится подъ покровительствомъ какого нибудь духа-патрона; отецъ покровительствуетъ сыну, и самая отцовская власть является лишь покровительствомъ; мужъ покровительствуетъ женѣ; господинъ рабу. Такое широкое значеніе идеи покровительства признаетъ и даосизмъ, насколько мы судимъ объ этомъ еще изъ указанныхъ выше священныхъ книгъ, но полнѣе овладѣло этой идеей конфуціанство: оно сдѣлало ее фундаментомъ всей моральной и юридической жизни.

По словамъ Вильямса [1]), китайскій императоръ отвѣтственъ въ каждомъ своемъ дѣйствіи передъ высочайшей властью не-

---

[1]) Williams, The middle Kingdom, I, стр. 262 и слѣд.

ба, которое ему покровительствуетъ и которое наказываетъ его, если онъ не покровительствуетъ своимъ подданнымъ. Въ Шу-цзинѣ на этотъ счетъ сказано: „чистосердечный царь Вань славился заботами о народной экономіи и своимъ покровительствомъ простому народу; онъ отечески относился къ народу“. Шу-цзинь замѣчаетъ далѣе: „императоръ есть отецъ и мать народа“. По словамъ Вильямса, въ манифестахъ не рѣдко встрѣчаются такія фразы: „небо любитъ и покровительствуетъ императору, императоръ любитъ и покровительствуетъ народу“. Однородныя указанія встрѣчаемъ мы и въ классическомъ китайскомъ сборникѣ Цзя-юй [1]), гдѣ собраны наставленія Конфуція. Тѣ-же черты мы можемъ замѣтить и въ формулахъ покаянія, приносимаго императорами въ случаѣ какого нибудь бѣдствія. „О, царственное небо!— восклицаетъ императоръ.—Если бы имперія не была поражена чрезвычайными измѣненіями, я не осмѣлился бы совершать молебствія не въ указанное время“ [2]). Небо, по словамъ проф. Георгіевскаго [3]), представляется китайцу опредѣляющимъ сущность и формы человѣческихъ отношеній, способнымъ вразумлять людей и ждать ихъ исправленія, способнымъ выражать свою любовь и свой гнѣвъ, однимъ словомъ,—обладающимъ такими-же качествами, какія свойственны человѣку вообще и человѣку правителю въ особенности. Какъ смотрятъ китайцы на отношеніе императора къ власти, это видно въ особенности изъ 5-й части Шу-цзинь Хоунъ-фань [4]), гдѣ сказано, что Хуанъ цзи или высочайшее совершенство императора заключается въ пяти благословеніяхъ, которыми онъ пользуется для щедраго надѣленія ими

---

[1]) См. перев. Легга „The Family Sayings of Confucius“. Ср., между прочимъ, Неволинъ, ц. с., § 587.

[2]) Георгіевскій, ц. с., стр. 206—207.

[3]) Ibidem., стр. 206.

[4]) Müller The Sacr. Books of the East, т. III, стр. 138—148.

подвластнаго народа, а народъ долженъ подражать ему, за что пользуется отъ императора свойственнымъ покровительствомъ. Отдѣльные-же правители распредѣляютъ благость императора по своимъ отдѣльнымъ частямъ и потому они должны всѣмъ покровительствовать, никого не угнетать, не должны держать себя такъ, чтобы отъ нихъ никому не было пользы. То-же повторяется и во второмъ отдѣлѣ книги Джунъ-юнь [1], гдѣ, напримѣръ, сказано: „управлять императоръ долженъ, покровительствуя подданнымъ и охраняя ихъ, какъ дѣтей; не долженъ дозволять себѣ разнузданности, а пусть подаетъ простому народу совѣты и наставленія, которые приводили бы къ добру; пусть онъ будетъ доступенъ и тѣмъ, кто далеко отъ него, а не только тѣмъ, кто близко отъ него; пусть онъ добросердечно обращается и съ ленными князьями, за что всѣ будутъ почитать его въ имперіи“.

Конфуцій представляетъ все управленіе не иначе, какъ въ рукахъ людей искреннихъ и добродѣтельныхъ, которымъ было бы поручено наставлять людей лично или чрезъ агентовъ. „Обставивъ такимъ образомъ управленіе, — говоритъ онъ —намъ нечего будетъ бояться непріятелей, намъ не понадобятся готовыя войска, не нужно будетъ укрѣплять города стѣнами и рвами [2])“. Но во имя чего, спрашивается, долженъ такъ именно относиться управитель къ своимъ обязанностямъ? Во имя того-же, чѣмъ каждый человѣкъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ ближнимъ,—отвѣчаетъ Конфуцій. „Во имя сыновняго благочестія,—говоритъ онъ [3]), во имя уваженія къ своимъ предкамъ и къ общему предку“. Конечную цѣль человѣческаго бытія на землѣ Конфуцій по-

---

[1]) Переводъ Легга въ Müller'овскихъ свящ... кн. вост. т. XXVIII, стр. 300 – 329; отд. 2, § 15 и слѣд.

[2]) Георгіевскій, ц. с. стр. 294 и сл.

[3]) Ibid., стр. 294, 327 и 455.

лагаетъ въ эгоизмѣ, въ личномъ благоденствіи, но достиженіе этой цѣли возможно лишь въ томъ случаѣ, когда практически человѣкъ будетъ являться всего менѣе эгоистомъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ. Кромѣ того, если всякій усопшій вправѣ требовать отъ сыновей и потомковъ надлежащихъ жертвоприношеній и надлежащаго почитанія, то, конечно, тѣ люди, которые приносили пользу далеко за предѣлами ихъ семействъ, по смерти будутъ чествоваться не только ихъ потомками, но и лицами посторонними, чуждыми родственности.

Развитіе этихъ положеній мы встрѣчаемъ во многихъ книгахъ конфуціанцевъ. Особенно-же подробно изложены эти начала въ уже цитированной Джунъ-юнь, самое заглавіе которой переводится: „обязанности каждаго человѣка". Эта книга указываетъ на нравственное и фактическое неравенство людей и требуетъ отъ каждаго, кто болѣе совершененъ помогать дѣлаться болѣе совершенными тѣмъ, кто менѣе совершененъ. И правитель до императора включительно, и частный человѣкъ въ предѣлахъ семьи своей и по отношенію къ друзьямъ и знакомымъ долженъ помнить это мудрое правило и поступать сообразно съ нимъ. И пусть каждый помнитъ также свои обязанности по отношенію къ предкамъ, духи которыхъ покровительствуютъ тѣмъ, кто, согласно законамъ, почитаетъ ихъ, и наказываютъ тѣхъ, кто забываетъ правила сыновняго благочестья [1]).

Даже отдѣльныя спеціальности, отдѣльныя отрасли человѣческой дѣятельности имѣютъ своихъ патроновъ. Такъ, напримѣръ, ремесленники, занимающіеся производствомъ гончарной посуды имѣютъ своего патрона, лица, занимающіяся судоходствомъ по рѣкамъ, имѣютъ своего патрона [2]); патро-

---

[1]) Доказательству этого положенія посвящено все изслѣдованіе проф. Георгіевскаго „Принципы жизни Китая".

[2]) J. Gray, ц. с. т. I, стр. 160—163, т. II, стр. 236, 270—271 и др.

новъ имѣютъ актеры, музыканты, любители верховой ѣзды, цвѣтоводы и т. д.[1]). Патронамъ и патронессамъ воздвигаются храмы; благословенія патроновъ испрашиваютъ при различныхъ начинаніяхъ; ассоціаціи лицъ, занимающихся одной профессіей, обыкновенно начинаютъ засѣданія обращеніями къ патрону или патронессѣ; установленъ также извѣстный порядокъ служенія патронамъ[2]).

Казалось бы, что именно въ Китаѣ, гдѣ до такой степени въ глубь и въ ширь проникаетъ весь общественный строй идея патроната въ широкомъ смыслѣ, мы не должны были бы встрѣтить никакихъ затрудненій, отыскивая также и отдѣльныя проявленія идеи патроната въ ея спеціальномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ законной защиты. Но ни законодательные сборники, ни даоскія книги, ни конфуціанскіе философы, ни описанія Китая, сдѣланныя различными путешественниками, ни изысканія синологовъ не даютъ намъ права приходить къ подобному выводу: отдѣльныхъ проявленій, т. е. спеціальныхъ институтовъ законной защиты Китай не знаетъ. Но за то весь общественный строй Китая есть не что иное, какъ осуществленіе идеи законной защиты.

Какъ справедливо замѣчаетъ Неволинъ[3]), а это его положеніе вполнѣ согласно съ Ли[4]), гдѣ изложены нормы права о состояніяхъ, и съ изысканіями спеціалистовъ[5]),—у китайцевъ вообще нѣтъ потомственныхъ состояній; только лица, принадлежащія къ царственному дому и къ семейству Конфуція, пользуются нѣкоторыми правами потомственно.

---

[1]) Георгіевскій, ц. с., стр. 185.

[2]) Ц. с. О. іер. Ал. Виноградовъ, стр. 793 и слѣд., а также см. главу о китайскомъ календарѣ.

[3]) Неволинъ, ц. с. § 601.

[4]) См. главу о китайскихъ законахъ въ ц. с. о. А. Виноградова, стр. 969.

[5]) Parker „Comparative Chinese family law“, China Rewiew, т. VIII, стр. 67 и сл. Здѣсь можно найти сводъ мнѣній всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ синологовъ по этому вопросу.

Чины и должности никогда не бываютъ наслѣдственны, и важныя какія-либо заслуги чиновника награждаются не возведеніемъ его дѣтей въ дворянство, а облагороживаніемъ его предковъ. Слѣдовательно, каждый можетъ заняться въ Китаѣ всѣмъ и достигать всѣхъ почестей общественныхъ. Правда, какъ увидимъ ниже, такое юридическое равноправіе далеко не ведетъ еще и къ фактическому равноправію; мало того—есть случаи, когда фактъ получаетъ всѣ особенности правового основанія и, такимъ образомъ, фактическая слабость превращается, по существу, въ слабость юридическую,—но Китайцы не признаютъ и въ такихъ случаяхъ той серединной, какъ бы примиряющей области между индивидуализмомъ и рабствомъ, каковой являются отношенія по законной защитѣ: или человѣкъ предоставляется самому себѣ, или-же ему одинъ путь—рабство. Но и это все не противорѣчитъ нашему утвержденію, такъ какъ китайскій индивидуализмъ и есть собственно патронатъ въ спеціальномъ смыслѣ слова.

Мы уже видѣли до какой степени строй Китая проникнутъ началомъ покровительства. Каждый истинный китаецъ, если онъ домовладыка, находится подъ покровительствомъ неба, императора, всей іерархической лѣстницы властей, духовъ предковъ и патрона его спеціальности; если-же онъ къ тому-же и не домовладыка, а только одинъ изъ семьи, то и подъ покровительствомъ домовладыки. Это покровительство является для китайца первоисточникомъ его правъ въ семьѣ по отношенію къ тѣмъ, кто подъ его властью, внѣ семьи,—по отношенію къ тѣмъ, кто подчиненъ ему, какъ начальнику. И права эти носятъ строго юридическій характеръ, такъ какъ ихъ можно защищать принужденіемъ. Достаточно пепересмотрѣть уголовный кодексъ Китая, чтобы убѣдиться въ этомъ [1]). Законъ, напримѣръ, караетъ смертной казнью вся-

[1]) Ц. с. о. А Виноградова, § 82, стр. 972 и слѣд.

кое неуваженіе къ верховной власти, даже ошибки при вложеніи докладовъ въ конвертъ; смертной-же казнью караетъ неуваженіе къ родителямъ (подъ неуваженіемъ понимается: поношеніе дѣда, бабки, отца, матери, свекра, свекрови; раздѣлъ отъ нихъ и перемѣна родины; отказъ въ пропитаніи отца и матери; женитьба во время траура по отцѣ и матери и т. д.); смертная-же казнь полагается за преступленія жены противъ чести мужа; суровы и наказанія за всякое неуваженіе, оказанное начальнику или вообще власти. Съ другой стороны, и обязанности, налагаемыя на управомоченнаго во имя того-же начала покровительства, носятъ юридическій характеръ, хотя онѣ и обезпечены далеко не такими суровыми наказаніями, и хотя даже самое разсмотрѣніе этихъ обязанностей только отчасти отнесено къ уголовному кодексу (гораздо подробнѣе разсматриваются онѣ въ уже не разъ цитированныхъ даоскихъ и конфуціанскихъ книгахъ). Такъ, китайскій императоръ обладаетъ властью неограниченной, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ и мать народа и руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ примѣрами тѣхъ государей, которые общимъ мнѣніемъ признаны за государей самыхъ мудрыхъ, справедливыхъ и добрыхъ [1]). Кромѣ того, всѣ чиновники имѣютъ право въ пристойныхъ выраженіяхъ дѣлать государю представленія, относящіяся къ его управленію государствомъ [2]). Наконецъ, не только удерживающимъ отъ произвола, но и постоянно контролирующимъ дѣйствія императора органомъ является прокурорскій приказъ, который занимается, кромѣ всякаго вообще надзора за соблюденіемъ законовъ, за нравственностью и проч., еще и тѣмъ, что указываетъ императору, что было бы хорошо и справедливо дѣлать и отъ чего слѣдуетъ воздерживаться. Приводя образчи-

---

[1]) Неволинъ, ц. с. § 590.
[2]) Ibid. § 598.

ки такихъ цензорскихъ представленій, проф. Георгіевскій, напримѣръ, прямо называетъ этихъ цензоровъ своего рода Дамокловымъ мечемъ и сомнѣвается, чтобы, въ виду существованія такой цензуры, можно было бы считать китайскаго императора безконтрольнымъ повелителемъ [1]). „Цензоры гремятъ,—говоритъ проф. Георгіевскій,—въ защиту того, что, являясь исходнымъ пунктомъ ученія Конфуція (начало покровительства, какъ мы видѣли,—также одинъ изъ исходныхъ пунктовъ), въ тоже время служитъ коренной основой строя семейнаго, общественнаго и государственнаго". Цензорскіе доклады къ тому-же не остаются въ тайнѣ, но путемъ печати доводятся до всеобщаго свѣдѣнія, такъ что это одно является уже весьма серьезнымъ препятствіемъ для произвола и злоупотребленія властью [2]). Тѣмъ большее значеніе, конечно, имѣетъ прокуратура для чиновниковъ правителей: цензоръ контролируетъ областныхъ чиновниковъ и сельскихъ правителей и докладываетъ о тѣхъ изъ нихъ, которые должны быть отставлены отъ должности [3]). Уже цитированная нами книга „Джунъ-юнь" (Kung-Jung) опредѣляетъ если не самыя обязанности правителей по отношенію къ подчиненнымъ, то характеръ этихъ обязанностей [4]), а откло-

---

[1]) Георгіевскій. ц. с. стр. 424.

[2]) Ibidem, ц. с, стр. 429. Вотъ образчикъ такого цензорскаго представленія: Я, нижайшій подданный Вашего Величества не могу долѣе молчать. Съ тѣхъ поръ, какъ вы находитесь на тронѣ, времена года замѣтно утратили свою правильность, свѣтила движутся какъ бы по новымъ путямъ, поля не удовлетворяютъ насущнымъ потребностямъ нашимъ, чиновники—правители не являются болѣе ни отцами народа, ни защитниками невинности, злодѣи становятся смѣлѣе и составляютъ заговоры противъ общественнаго спокойствія... Значитъ-ли это царствовать? Вотъ чѣмъ Вы безчестите Вашихъ предковъ и въ чемъ не слѣдуете ихъ примѣру и т. д.

[3]) Ibidem, стр. 424, ср. Неволинъ, ц. с. § 598.

[4]) Переводъ Легга, уже ц. выше. Вотъ, напримѣръ, характерное для даннаго случая постановленіе (§ 8, II): „мудрый начальникъ пусть заботится о собственномъ характерѣ, а кто хочетъ воспитать характеръ, тотъ пусть не пренебрегаетъ служеніемъ родителямъ; кто хочетъ служить родителямъ, тотъ пусть

неніе чиновника отъ „обычнаго пути“, какъ только это доходитъ до свѣдѣнія высшей власти, карается по уголовному кодексу, какъ нарушеніе сыновняго благочестія. Точно также и въ предѣлахъ семьи власть ограничивается закономъ [1]): книги философовъ требуютъ отъ домовладыки разумнаго и нравственнаго управленія семьей; прокурорскій приказъ строго слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ этихъ правилъ, и если ждетъ смертная казнь сына, забывшаго сыновнее благочестье [2]), то, съ другой стороны, не будетъ оставленъ безъ наказанія и отецъ, управляющій домомъ противъ правилъ конфуціанской морали, въ отступленіи отъ примѣровъ благочестивыхъ предковъ своихъ, духамъ которыхъ онъ покланяется, отъ покровительства которыхъ ждетъ для себя всякихъ благополучій.

Можно-ли, спрашивается, въ виду всего этого, понимать подъ индивидуализмомъ китайцевъ тотъ индивидуализмъ, картину господства котораго, положимъ, представляетъ современная жизнь Европы? Правда, въ Китаѣ очень развито стремленіе обособляться лицу отъ семьи [3]), правда и то, что ничто такъ не заботитъ китайца, какъ желаніе добиться личнаго благопо-

---

заботится, чтобы его узнали другіе, а его узнаютъ другіе, если онъ не забудетъ, чѣмъ былъ всегда обязанъ Небу (пусть не теряетъ изъ виду познаніе неба,—какъ переводитъ почему-то о. Виноградовъ, ц. с. стр. 1122).

[1]) По 319 ст. уголовн. кодекса (Лю) дѣтоубійство считается преступленіемъ, хотя, по словамъ лицъ, жившихъ въ Китаѣ, и совершается довольно часто. (О. Виноградовъ, ц. с. стр 961). Власть отца ограничена и семейнымъ совѣщаніемъ.

[2]) Правила сыновняго благочестія всѣхъ его видовъ изложены въ уже цитированномъ нами сборникѣ Сяо-цзинъ (пер. Легга). Особенный интересъ представляетъ глава XII и дополненіе къ ней „Ней-цзѣ“. гдѣ изложены правила, регулирующія отношенія дѣтей къ родителямъ. Сыновнее благочестіе сына неба, т. е. его обязанности гл. II; сыновнее благочестіе ленныхъ князей—гл. III; сыновнее благочестіе чиновниковъ—гл. V.

[3]) Подтвержденіе этого нашего взгляда мы отчасти находимъ въ извѣстномъ утвержденіи Мэна, что только съ прогрессомъ совершается переходъ отъ семьи къ индивиду. Китай, какъ кажется, лишь недавно началъ переживать процессъ такого перехода.

лучія, хотя бы оно и стоило большихъ жертвъ обществу, съ другой-же стороны, законъ устанавливаетъ всеобщее равенство и не знаетъ ни кастъ, ни подчиненія однихъ сословій другимъ, но среди указанныхъ общественныхъ условій нѣтъ уже потому почвы для развитія индивидуализма, что, въ сущности, всѣ одинаково безправны передъ небомъ и той высшей конфуціанской мудростью, которыя связываютъ каждаго по рукамъ и ногамъ и въ его семьѣ, и въ его канцеляріи, какъ правителя, и на тронѣ связываетъ самого императора. Китаецъ прикрытъ какъ стекляннымъ колпакомъ цѣлымъ рядомъ наслоенныхъ другъ на друга покровительственныхъ сферъ и, не будучи рабомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, и не господинъ своихъ дѣйствій. Онъ безправенъ, но онъ не болѣе безправенъ, чѣмъ всѣ остальные, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и глава своего дома, и глава порученной его управленію области, и глава имперіи, если онъ императоръ. Короче говоря: онъ можетъ быть господиномъ милліоновъ, но онъ не господинъ самому себѣ.

Такимъ образомъ, однимъ изъ основныхъ принциповъ китайской культуры является сознаніе фактической несостоятельности всѣхъ и каждаго въ процессѣ приспособленія къ жизни: безъ охраны и покровительства неба, императора, властей, духовъ и предковъ и домовладыки—для однихъ, неба, императора, властей и духовъ предковъ—для другихъ, неба, императора и духовъ предковъ—для третьихъ, неба и духовъ предковъ—для императора,—это приспособленіе невозможно. Послѣдствіемъ такого признанія всеобщей фактической слабости является безправность, какъ показатель юридической слабости, а слѣдствіемъ всего этого является идея защиты, установленію которой въ различныхъ отношеніяхъ и развѣтвленіяхъ и посвящено, въ сущности, все законодательство. Руководящимъ-же принципомъ такой защиты является познаніе истиннаго совершенства и истинной

мудрости, какъ та и другая изложены въ книгахъ Конфуція и его учениковъ [1]).

Очень возможно, что жизнь идетъ совершенно въ разрѣзъ съ той идеей законной защиты, которая, какъ мы видѣли, вырисовывается передъ нами при изученіи даосійскихъ и конфуціанскихъ книгъ и законодательства; очень возможно, что, наоборотъ, жизнь находится въ полной гармоніи съ этой идеей [2]),—наша задача не въ томъ, чтобы изложить фактическое состояніе Китая, а въ томъ, чтобы только на основаніи законодательства и міровоззрѣнія китайцевъ провѣрить правильность нашей конструкціи. Поэтому мы совсѣмъ оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о послѣдствіяхъ примѣненія идеи законной защиты на практикѣ. Примѣняется она, или не примѣняется, и какъ она примѣняется,—это не можетъ служить предметомъ нашей работы. Но мы думаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, если идея законной защиты, при примѣненіи ея на практикѣ, и ведетъ къ тѣмъ отрицательнымъ послѣдствіямъ, о которыхъ такъ много говорятъ противники китайской культуры, то вина этого не въ идеѣ законной защиты, а въ различныхъ привходящихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, къ послѣднему вопросу мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

Остается теперь точнѣе выяснить наше положеніе о томъ, что Китай, представляя всѣмъ своимъ строемъ выраженіе

---

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе такому взгляду мы находимъ въ недавно вышедшей въ свѣтъ книгѣ проф. De-Lanessan „La morale des philosophes chinois“, гдѣ сказано: „китайскіе философы никогда не представляютъ человѣка изолированнымъ индивидомъ, способнымъ быть счастливымъ или несчастнымъ, радоваться или страдать въ одиночку. Они не понимаютъ его внѣ семьи, селенія, общества, большого или малаго, которыхъ онъ часть, какъ и націи, къ которой принадлежитъ, какъ и управленія, которое руководитъ страной“. (Стр. 7). Выводъ этотъ основанъ авторомъ на изученіи и сравненіи цитированныхъ выше книгъ, по переводу Потье, а не Легга, какимъ пользовались мы.

[2]) Срав., напримѣръ, рѣзкое осужденіе Китая въ статьѣ Н. М. Пржевальскаго „Современное положеіе Центральной Азіи“ (Р. В. 86, 12, стр. 476—485) съ мнѣніями, напримѣръ, Вилльямса въ его „Middle Kingdom“, Грая въ его „China“, Георгіевскаго и др.

идеи законной защиты, вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ примѣровъ отдѣльныхъ институтовъ или учрежденій, которые выражали бы собой идею законной защиты. Такъ какъ вся общественная и личная жизнь китайца есть, въ сущности, то своеобразное полунесвободное состояніе, которое составляетъ содержаніе законной защиты, то уже это одно какъ бы подсказываетъ, что нѣтъ и не было никакой надобности создавать еще какіе бы то ни было специальные институты такой защиты. Каждый пользуется законной защитой, а если человѣкъ не умѣетъ или не хочетъ пользоваться общей для всѣхъ и спеціальной по его общественному, государственному и семейному положенію защитой, то онъ безжалостно предоставляется самому себѣ; иначе сказать—исторгается изъ подъ охранительнаго дѣйствія покровительственныхъ сферъ (отсюда и такая суровость уголовнаго кодекса), или-же ему одинъ путь — рабство.

Вотъ два случая, которые, хотя и не являются собственно выраженіемъ идеи законной защиты, но, въ виду отдѣльныхъ сходныхъ чертъ, могутъ обсуждаться по аналогіи: 1) случаи добровольнаго рабства, вслѣдствіе безграмотности и 2) покровительство, оказываемое крупными землевладѣльцами лицамъ, бѣжавшимъ изъ сосѣднихъ провинцій отъ произвола намѣстниковъ и ихъ чиновниковъ. Оба эти вида случаевъ, какъ можно думать, имѣютъ въ жизни Китая весьма частое примѣненіе; въ особенности-же первый.

Какъ мы уже знаемъ, въ Китаѣ, по буквѣ закона, всѣ равноправны, но, съ другой стороны [1]), только тотъ китаецъ—китаецъ въ истинномъ смыслѣ слова, т. е. пользуется всѣми правами гражданина, кто удовлетворяетъ хотя-бы минимальнымъ

---

[1]) Parker „The educational curr. of the Chinese“ China Rew. т. IX. Здѣсь мы находимъ не только описаніе процедуры экзаменовъ, но и описаніе юридическаго положенія лицъ, соотвѣтственно степени образованности.

требованіямъ относительно умѣнія читать и писать и пониманія книгъ. Тотъ, кто такимъ требованіямъ не удовлетворяетъ, обреченъ на всю жизнь прозябать въ ничтожествѣ: ему недоступны никакія должности, онъ лишенъ „почитанія", т. е. того уваженія отъ окружающихъ, безъ котораго жизнь является тяжелой и несносной. Само собой разумѣется, что люди, въ виду тѣхъ или иныхъ причинъ не получившіе элементарнаго образованія, ставятся въ сравнительно очень невыгодное положеніе даже и по отношенію къ добыванію средствъ къ существованію: имъ кусокъ хлѣба достается труднѣе, чѣмъ тѣмъ, кто получилъ это элементарное образованіе.

Жизнь, между тѣмъ, не ждетъ, и въ такихъ случаяхъ выбирать не приходится: одни берутся за унизительныя ремесла, т. е. такія, занятія которыми лишаютъ до третьяго колѣна права выступать конкурентомъ на ученыхъ испытаніяхъ (домашняя прислуга, мясники, фокусники, актеры, мусорщики и т. д. [1]), другіе-же продаются въ рабство. Въ первыхъ случаяхъ положеніе китайца, собственно говоря, еще болѣе усложняется: онъ идетъ на унизительное ремесло, чтобы завоевать себѣ хоть какую нибудь независимость, но онъ покупаетъ эту независимость очень дорогой цѣной. Теперь уже не только онъ, но и его потомки до третьяго колѣна обречены на такое-же жалкое существованіе. Въ томъ же случаѣ, когда онъ продается въ рабство, его положеніе мѣняется значительно къ лучшему: правда, онъ рабъ, но онъ рабъ далеко не въ самомъ ужасномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ отношенія господина къ рабу закономъ обсуждаются совершенно такъ же, какъ отношенія отца къ дѣтямъ [2]). А отношенія

---

[1]) О. А. Виноградовъ, ц. с., стр. 818.

[2]) Неволинъ, ц. с., стр. 82, говоритъ такъ: „отношенія между родителями и дѣтьми должны по китайскимъ законамъ служить образцемъ и для отношеній между господами и рабами". А вотъ какъ говоритъ объ этомъ изучаемая въ школахъ, какъ обязательное руководство, книга Гъсяо-цзинъ, въ главѣ 12:

отца къ дѣтямъ и дѣтей къ отцу, до мельчайшихъ подробностей изложенныя въ уже цитированной книгѣ Гьяо-цзинъ, всецѣло покоится на развитіи понятія „почтенія“. Другими словами, отдаваясь въ рабство, китаецъ перестаетъ быть sui juris, но онъ получаетъ за то обезпеченный кусокъ хлѣба и не теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежды, что если не онъ, то хоть кто-нибудь изъ сыновей его выступитъ конкурентомъ на экзаменѣ, открывающемъ широкій путь къ должностямъ. Правда, доступъ на экзамены закрытъ для лицъ, находящихся подъ чужой властью, и отъ такихъ лицъ требуется прежде всего отпускное свидѣтельство [1]), но, во первыхъ, и самая продажа въ рабство можетъ быть срочной, во вторыхъ, рабу, согласно цитированному уже выше 4 Ли, не слѣдуетъ ставить препятствій, если онъ желаетъ учиться и путемъ экзаменовъ добиваться должностей, чтобы приносить потомъ пользу обществу.

Въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, мотивомъ для возникновенія такого добровольнаго рабства [2]), является фактъ безграмотности, какъ источникъ столь жалкаго существо-

„старшій братъ долженъ по отношенію къ младшему дѣлать все угодное; также точно долженъ поступать и господинъ въ отношеній къ домочадцамъ“. Переводъ см. въ Müller'овомъ сбор. т. III, стр. 465—488, пер. Легга „The Hsiao-King“. Особенно подробно говоритъ объ этомъ книга Да-сюэ-дзинъ, гдѣ излагаются общія соображенія о томъ, что представляетъ изъ себя благоустроенный домъ и домъ плохо устроенный. Въ послѣднемъ господинъ жестокъ съ дѣтьми, родными, слугами и рабами, а въ первомъ онъ со всѣми одинаково разуменъ. См. ц. с. О. А. Виноградова, стр. 1136 и слѣд. Ср. пер. въ Müller'овомъ сборн. т. XXVIII. стр. 411—424, пер. Легга. Такого-же взгляда на рабство въ Китаѣ держатся и Henne Amrhyn, ц. с. I, стр. 151 и сл., также—Klemm, ц. с. VI, стр. 160.

[1]) Виноградовъ, ц. с., стр. 817.

[2]) Іерингъ, напримѣръ, допускаетъ аналогію между добровольнымъ рабствомъ и законной защитой, что видно изъ примѣч. 130 в. къ его „Geist des römischen Rechts“, т. I, стр. 236, гдѣ онъ говоритъ объ общей распространенности отношеній по защитѣ и указываетъ на аналогію между римской кліентеллой и добровольнымъ рабствомъ въ южной Африкѣ. Но и Іерингъ не отождествляетъ этихъ видовъ защиты, говоря: „Derartige Schutzverhältnisse wenn auch nicht durch die rechtliche, sondern die factische Schutzlosigkeit gewisser klassen der Geselschaft hervorgerufen“ и т. д.

ванія, когда дѣлается выгоднымъ промѣнять фиктивное полноправіе и ничего не дающую свободу на рабство. Правда, эта сама по себѣ фактическая слабость имѣетъ въ данномъ случаѣ всѣ признаки юридической слабости (все равно, какъ напримѣръ, если бы слѣпота вела гдѣ нибудь къ ограниченію въ правахъ: слѣпота — слабость фактическая, но она обсуждалась бы въ такомъ случаѣ какъ юридическая слабость), но эта юридическая слабость не ведетъ къ законной защитѣ уже по одному тому, что самыя отношенія создаются не закономъ, а соглашеніемъ лицъ; кромѣ того, защита дается не во имя юридической слабости, а во имя купли, какъ основанія рабства. Другое дѣло, если бы было возможно доказать, что лица юридически болѣе сильныя, тутъ—болѣе образованныя, давали лицамъ юридически менѣе сильнымъ установленную закономъ защиту. Но доказать это, какъ намъ кажется, нельзя.

Еще менѣе подходитъ къ патронату въ собственномъ смыслѣ покровительство, оказывавшееся крупными землевладѣльцами лицамъ, бѣжавшимъ отъ притѣсненій властей. Покровительство такого типа извѣстно китайской исторіи съ весьма древнихъ временъ да, кажется, имѣетъ мѣсто и понынѣ. Побуждаемые самыми беззастѣнчивыми притѣсненіями со стороны начальниковъ областей и смущаемые полной неурядицей въ управленіи, многіе небогатые землевладѣльцы видѣли единственную защиту въ покровительствѣ знатныхъ и богатыхъ, а потому бросали земли, хотя эти земли и принадлежали имъ на правахъ полной собственности, и, возлагая на себя службу у богатыхъ и знатныхъ, дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ арендаторами участковъ, принадлежавшихъ покровителямъ [1]). Что это явленіе было постояннымъ и что оно упорно держалось, не смотря на самыя разнообразныя

---

[8]) См. указан. выше работы И. Захарова.

правительственныя мѣры, это видно изъ того, какъ часто правительство издавало специальные законы съ цѣлью удержать жителей отъ подобныхъ переходовъ съ собственной земли на чужую [1]). Что богатые и знатные не охотно выдавали правительству такихъ бѣглыхъ, а, слѣдовательно, охотно оказывали имъ покровительство, это мы заключаемъ изъ манчжурскаго уложенія, гдѣ имѣется не мало статей, понуждающихъ выдавать бѣглыхъ [2]). Но какія въ точности были отношенія между покровителями и покровительствуемыми сказать трудно. Есть указанія, что иногда аренда вела къ полной кабалѣ; есть, съ другой стороны, указанія, что богатые и знатные переводили такихъ бѣглыхъ къ себѣ въ домъ и дѣлали ихъ приближенными людьми [3]).

Но и этотъ типъ покровительства мы не можемъ разсматривать какъ выраженіе идеи законной защиты, такъ какъ, конечно, законъ не могъ устанавливать защиту для тѣхъ, кто, убѣгая съ своей земли, этимъ самымъ нарушалъ законъ [4]).

---

[1]) И. Захаровъ, Ист. обозр. народонас. Китая. стр. 292 и слѣд.

[2]) О. Іоакинфъ, Монголія, стр. 229, Манчжурское улож., отд. IX.

[3]) И. Захаровъ, Поземельн. соб. въ Китаѣ.

[4]) Упомянемъ также объ особомъ классѣ военно-поселенцевъ, находившихся, въ виду ихъ специальной службы, подъ специальнымъ покровительствомъ государства. Отсылая читателя за подробностями къ цитированнымъ уже статьямъ И. Захарова, къ брошюрѣ проф. Васильева и къ книгамъ О. Іоакинфа, скажемъ только, что каждый воинъ (а набирались они изъ добровольцевъ) получалъ участокъ земли, орудія, сѣмена, домъ, жалованье, но за это оберегалъ границы; особое-же покровительство состояло тутъ въ томъ, что военно-поселенцы не вѣдались обще-гражданскими и обще-военными управителями. (См. также Описаніе Чжунгаріи О. Іоакинфа, стр. 241, гдѣ помѣщено положеніе о китайскихъ военно-поселенцахъ).

IV.

Римъ. Кліентелла; содержаніе этого института, отношенія патрона и кліента по законной защитѣ; юридическая слабость, какъ основаніе кліентеллы. Либертинатъ; содержаніе этого института, отношенія патрона и либертина по законной защитѣ; юридическая слабость, какъ основаніе патроната надъ либертинами. Трибуны. Defensores. Содержаніе и сущность этой должности и отношенія по ней. Аналогичные кліентеллѣ институты у разныхъ народовъ. Вопросъ о колонатѣ.

Римъ даетъ намъ два вполнѣ типичные образца проявленій законной защиты: институтъ кліентеллы и институтъ либертината [1]). Хотя въ литературѣ предмета существуютъ мнѣнія, по которому эти оба института отождествляются [2]), но мы будемъ разсматривать каждый изъ нихъ отдѣльно. Кромѣ того, мы будемъ разсматривать эти институты по двумъ періодамъ: до законовъ XII таблицъ и послѣ законовъ XII таблицъ.

Вопросъ о томъ, какимъ именно образомъ возникъ институтъ кліентеллы, является до сихъ поръ весьма спорнымъ [3]).

---

[1]) Іерингъ, Духъ Римскаго права I; Нибуръ, Römische Geschichte I; Моммсенъ, Römische Vorschungen, т. I; Швеглеръ, Römische Geschichte im Zeitalter der Könige, I, 1; Фюстель де Куланжъ La cité antique; Ланге, Römische Alterthümer, § 43; Voigt, Ueber die Clientel und Libertinat; Карлова Römische Rechtsgeschichte, I; Азаревичъ, Патриціи и плебеи; Боголѣповъ, учебникъ исторіи Римскаго права; Муромцевъ, Право города Рима; Ефимовъ—лекціи.

[2]) Напримѣръ: Фойхтъ, ц. с.

[3]) „Это такой quaestio vexata въ исторіи римскаго права,—говоритъ проф. Ефимовъ,—надъ которымъ работали очень много, а еще не добились точныхъ результатовъ; а это отъ того, что сохранилось очень мало свѣдѣній отъ самихъ римлянъ“ (ц. с. стр. 119). „Римскіе источники,—говоритъ онъ далѣе,—почти ничего не объясняютъ намъ по этому предмету (о происхожденіи кліентеллы); вслѣдствіе скудости достовѣрныхъ свѣдѣній предположенія отдѣльныхъ ученыхъ не привели къ желаемымъ результатамъ“. (Стр. 124).

Іерингъ [1]) думаетъ, что кліентелла произошла отъ hospitium; Нибуръ [2]) производитъ кліентовъ отъ покоренныхъ жителей Италіи; Швеглеръ [3]) и Ланге [4]) идутъ дальше Нибура и пытаются даже возстановить точную картину такого происхожденія кліентеллы; Фойхтъ [5]) думаетъ, что источникомъ происхожденія кліентеллы были: 1) adplicatio ad patronum и manumissio, 2) переселеніе и 3) переходъ по наслѣдству; Фюстель де Куланжъ [6]), наконецъ, видитъ происхожденіе кліентеллы въ томъ особомъ преимуществѣ, которое получали отдѣльные слуги, въ виду участья ихъ въ обще-семейномъ культѣ. Въ нашу задачу не входитъ, конечно, анализъ этихъ теорій, тѣмъ болѣе, что при всей спорности вопроса, каждая изъ нихъ устанавливаетъ твердо два положенія: 1) содержаніе института кліентеллы заключалось въ защитѣ и 2) защита эта имѣла юридическій характеръ. Въ какомъ-же видѣ представляются взаимныя отношенія патрона и кліента? На этотъ счетъ, за исключеніемъ Фюстель де Куланжа, всѣ названные ученые сходятся въ томъ, что юридическая слабость кліентовъ, порожденная исключительностью права древняго Рима, находила себѣ въ патронатѣ дѣйствительную, а не мнимую только зашиту и вовсе не вела поэтому къ кабалѣ, какъ думаетъ Фюстель де Куланжъ. Какъ справедливо выражается Фойхтъ [7]), кліентъ только при посредствѣ личности патрона вступалъ въ единеніе съ государствомъ; мы впрочемъ, сказали бы—съ правомъ.

Фюстель де Куланжъ [8]) рисуетъ положеніе кліента въ семьѣ

---

[1]) Іерингъ, ц. с., стр. 236—245.

[2]) Нибуръ, ц. с., стр. 184. Это мнѣніе, повидимому, раздѣляетъ и проф. Боголѣповъ (ц. с., стр. 17).

[3]) Швеглеръ, ц. с. стр. 640.

[4]) Ланге, ц. с. стр. 240.

[5]) Фойхтъ, ц. с. стр. 6.

[6]) Фюстель де Куланжъ, ц. с. 7 ed. libre IV.

[7]) Фойхтъ, ц. с. стр. 17.

[8]) Фюстель де Куланжъ, l. c. Цитируемъ по рус. пер. Е. Корша, стр. 346.

и относительно патрона въ довольно мрачномъ свѣтѣ. „Если судить по той картинѣ первобытнаго кліенства въ Римѣ, какую рисуютъ намъ писатели,—говоритъ онъ,—оно подлинно было учрежденіемъ золотого вѣка. Есть-ли что человѣчнѣе этого патрона, заступающаго своего кліента на судѣ, помогающаго ему деньгами, когда онъ бѣденъ, и озабоченнаго воспитаніемъ его дѣтей? Что трогательнѣе этого кліента, который, въ свою очередь, поддерживаетъ обѣднѣвшаго патрона, платитъ за него долги, отдаетъ послѣднее на его выкупъ? Но въ законахъ древнихъ народовъ замѣтно гораздо менѣе чувствительности. Безкорыстная любовь и преданность никогда не были положительнымъ уставомъ. Намъ должно создать себѣ совсѣмъ другое понятіе о кліенствѣ и патронатѣ“. И авторъ создаетъ его: кліентъ не можетъ ни отойти отъ патрона, ни избрать себѣ новаго; кліентъ работаетъ на патрона и не является собственникомъ того, что пріобрѣлъ; кліентъ находится въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ средневѣковаго крѣпостного; патронъ не только господинъ, но и судья кліента и можетъ осудить кліента на смерть; безъ патрона ему нѣтъ суда, а противъ патрона нѣтъ прибѣжища. Можно предполагать,—говоритъ авторъ далѣе,—что съ весьма раннихъ поръ между патрономъ и кліентомъ существовала ненависть, а, если потомъ отношенія и улучшились, то потому,—думаетъ онъ,—что кліенство, какъ институтъ, вообще было предназначено къ уничтоженію, и за это освобожденіе изъ подъ власти патроновъ кліенты вели слишкомъ ожесточенную борьбу.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Фюстель де Куланжа, кліентелла возникла изъ общности культа, но привела къ ненависти; кліентъ былъ почти крѣпостнымъ, но путемъ борьбы добылъ себѣ свободу. Намъ представляются здѣсь два вопроса: во первыхъ, трудно доказать, что кліентъ находился въ столь зависимомъ положеніи отъ патрона, и можно, какъ увидимъ

ниже, указать на нѣсколько иной характеръ отношеній между патрономъ и кліентомъ [1]). Во вторыхъ, авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ, которыя подтверждали бы его мнѣніе о борьбѣ, бывшей между патронами и кліентами, которая будто бы кончилась побѣдой кліентовъ. Кліенты, дѣйствительно, впослѣдствіи исчезаютъ, но объясняется это вовсе не борьбой, а тѣмъ, что рухнула связь между патронами и кліентами, поддерживавшая послѣднихъ, и кліенты, оторванные теченіемъ времени и распаденіемъ семейнаго начала отъ воздѣйствія на нихъ идеи патроната, стали, дѣйствительно, вполнѣ свободными, чтобы составить первые кадры столь грознаго впослѣдствіи пролетаріата.

Іерингъ смотритъ на сущность этихъ отношеній гораздо мягче Фюстель де Куланжа. „Исключительность государства и права привела Римъ,—говоритъ онъ, въ его внутреннемъ строѣ къ образованію особаго класса лицъ, правовое положеніе которыхъ являлось вполнѣ аналогичнымъ положенію hostis и, какъ этотъ получалъ правовую защиту только путемъ hospitium, такъ и они—только путемъ поступленія въ кліенты къ римскому гражданину". Кліенство,—говоритъ онъ далѣе,—имѣло главной цѣлью защиту негражданина на судѣ, осуществляемую патрономъ, а главнымъ слѣдствіемъ—отсутствіе у кліента юридически признаваемой собственности. У него есть только peculium [2])—имущество, которое фактически принадлежитъ ему, но юридически—патрону. За то онъ живетъ въ Римѣ подъ покровительствомъ, а не внѣ

---

[1]) „Связь между патронами и кліентами была очень тѣсная и охранялась религіей"—говоритъ, напримѣръ, проф. Боголѣповъ, ц. с., стр. 16. Неволинъ смотритъ на кліентовъ, какъ на крѣпостныхъ патрона, ц. с., стр. 290.

[2]) Самое слово peculium (мелкій скотъ) указываетъ на то, что имущество кліента разсматривалось, какъ часть большого имущества патрона. Но эта часть находилась скорѣе подъ покровительствомъ юридическихъ правъ патрона, чѣмъ въ его дѣйствительной собственности, и патронъ не смѣшивалъ свое имущество съ peculium кліента.

закона. Выясняя отношенія между кліентами и патронами Іерингъ думаетъ, что эти отношенія были выгодны для обѣихъ сторонъ. Патронъ имѣлъ много земли, но мало рабочихъ рукъ; прекарно раздавалъ онъ землю кліентамъ и этимъ увеличивалъ свое благосостояніе [1]). И ему не было разсчета злоупотреблять своими правами, такъ какъ кліентъ могъ отойти отъ него [2]), а кліенту не было разсчета не исполнять своихъ обязательствъ, такъ какъ онъ терялъ тогда защиту. Обычай и религія, съ своей стороны, придавали этимъ обоюдовыгоднымъ отношеніямъ еще большую крѣпость.

Нибуръ [3]) очерчиваетъ характеръ отношеній патрона къ кліенту слѣдующимъ образомъ: патронъ на прекарномъ основаніи отдавалъ кліенту землю; патронъ обязывался отцовскимъ покровительствомъ; обязывался помогать въ нуждѣ; защищалъ на судѣ; опекалъ юридически и нравственно. Съ своей-же стороны, кліентъ обязывался: почитать и уважать патрона; помогать ему въ уплатѣ долговъ; помогать ему трудомъ; выкупать изъ плѣна и принимать участье въ составленіи приданнаго дочерямъ. Швеглеръ, вполнѣ соглашаясь съ Нибуромъ, рѣшается даже утверждать, согласно показанію Катона, что кліентъ былъ патрону ближе кровнаго родственника. Ланге, повторяя это-же указаніе Катона, прибавляетъ, что отношенія патрона къ кліенту были такія-же, какъ отношенія отца къ дѣтямъ, но нѣсколько болѣе опредѣленныя, въ виду болѣе юридическаго ихъ характера. Моммсенъ [3]) выясняетъ сущность отношеній кліента и

---

[1]) Объ арендѣ этой,—говоритъ Іерингъ,—не упоминаютъ источники, но о ней можно догадываться по аналогіи съ подобными-же отношеніями у другихъ народностей.

[2]) Прямое противорѣчіе съ тѣмъ, что утверждаетъ Фюстель де Куланжъ, который, впрочемъ, также опирается на то-же мѣсто изъ Діонисія. См. Нибуръ, ц. с. стр. 183.

[3]) Нибуръ, между прочимъ, отождествляетъ положеніе кліентовъ съ положеніемъ вассаловъ въ средніе вѣка.

патрона путемъ аналогіи съ hospitium, а сущность hospitium, по его мнѣнію, сводилась не только къ тому, что хозяинъ обезпечивалъ гостя отъ возможнаго вреда, но и что доставлялъ ему помощь въ достиженіи имъ дозволенныхъ цѣлей [1]). Но право гостепріимства устанавливалось между римляниномъ и имѣвшимъ отечество чужестранцемъ, а отношенія патроната—между римляниномъ и не имѣвшимъ родины чужестранцемъ [2]). Такимъ образомъ, кліентелла и право гостепріимства такія-же противоположности (по юридическому обоснованію) какъ родина и отсутствіе родины, но по существу—тутъ тѣ-же отношенія изъ защиты. Моммсенъ особенно оттѣняетъ юридическую сторону этой защиты, и основанія къ такому утвержденію видитъ въ заступничествѣ патрона за кліента на судѣ: „въ позднѣйшемъ процессѣ, – говоритъ онъ,—уже несомнѣнно, что истцемъ и отвѣтчикомъ былъ не патронъ, а кліентъ, и что, слѣдовательно, патронъ оказывалъ только помощь, когда приходилось добиваться правосудія; но первоначально судебная роль патрона могла быть значительнѣе. Однако, достаточное-ли это основаніе,—продолжаетъ онъ,—чтобы выводить такую роль патрона изъ простого соображенія о его большей, сравнительно, опытности, знатности, и т, д.? Если бы это былъ такъ, то почему-же та-же опытность и знатность не приходили на помощь всякому старику, бѣдному, больному и проч., которые не менѣе могли нуждаться въ нихъ, и не было бы никакого основанія называть нуждающагося въ такой помощи именно кліентомъ? А потому это,—отвѣчаетъ онъ,—что вступленіе патрона въ процессъ являлось ближайшимъ образомъ не въ силу практическаго, а въ силу юридическаго основанія, и было не случайно, но необходимо“. Попытку подробнѣе опредѣлить

---

[1]) Моммсенъ, ц. с. стр. 355–390.
[2]) Ibid., стр. 348.

права и обязанности кліента и патрона до законовъ XII таблицъ мы находимъ также и у Фойхта [1]. Кліентъ,—говоритъ онъ,—не былъ рабомъ, но не для него было патриціанское гражданское право, а отсюда вытекаютъ уже многія слѣдствія: кліенту закрытъ доступъ въ сенатъ, къ магистратурѣ, къ жреческимъ должностямъ, въ трибы и куріи и ко всѣмъ правамъ и обязанностямъ политическимъ и культа, напримѣръ, къ участію въ военной службѣ и въ sacra popularia; точно также онъ не могъ проявлять личнаго господства по отношенію къ тремъ развѣтвленіямъ частнаго права: connubium, commercium и legisactio; особенно-же это отсутствіе личнаго господства было чувствительно въ запрещеніи для кліентовъ имѣть въ полной собственности землю. Мало того: кліентъ не имѣлъ права и на національный костюмъ гражданина: онъ не имѣлъ jus togae, его жена не имѣла jus longae vestis, т. е. jus togae institae, а несовершеннолѣтній не имѣлъ права носить lorum. Въ общемъ, слѣдовательно, положеніе кліента было бы самое безпомощное, если бы недостатокъ столь необходимыхъ правъ не былъ восполняемъ законной защитой со стороны патрона. Патронъ признается какъ бы родственникомъ кліента, дѣлается его обязательнымъ представителемъ и защитникомъ на судѣ, предоставляетъ ему, если не dominium, то какъ бы dominium,—прекарную собственность; въ домашнихъ, хозяйственныхъ и всякихъ другихъ дѣлахъ стоитъ рядомъ съ нимъ, какъ другъ и совѣтникъ. Кліентъ и патронъ не свидѣтельствуютъ другъ противъ друга на судѣ; ихъ отношеніями руководитъ принципъ: „patronus si clienti fraudem faxit, sacer esto"; между ними—fides, понятіе, которое дѣлаетъ ненужнымъ всякія дальнѣйшія перечисленія со стороны закона; для кліента патронъ—живой источникъ существованія среди народа, который знаетъ право

---

[1]) Фойхтъ, ц. с., стр. 17 и сл.

только для себя; для патрона кліентъ — и работникъ, и помощникъ и вообще какъ бы родственникъ, который вмѣстѣ съ другими кліентами способствуетъ блеску и могуществу семьи, дома, рода.

Съ теченіемъ времени, юридическое положеніе кліентовъ по отношенію къ праву мѣнялось: кліенты начали получать нѣкоторыя права [1]). Это-же, въ свою очередь, отразилось и на взаимныхъ отношеніяхъ патроновъ. Законы XII таблицъ предоставили кліентамъ jus commercium и вмѣстѣ commercium agrorum, также legis actio и accusatio, —теперь поэтому fides патрона перестала уже касаться и охватывать всю жизнь и благосостояніе кліента, и послѣдній получилъ возможность лично защищать и осуществлять извѣстные свои жизненные интересы и вести свои дѣла, не искалъ уже столь многаго въ патріархальной заботливости и fides патрона, какъ искалъ раньше. Какъ суммируетъ все это Фойхтъ [2]), на мѣсто нарушенія вѣрности теперь на первый планъ ставится нанесеніе имущественнаго вреда (fraudem facere), и прежній строй отношеній находитъ теперь отголосокъ только въ обязанности патрона быть кліенту патрономъ на судѣ.

Съ нашей точки зрѣнія, такія перемѣны въ отношеніяхъ только лишній разъ доказываютъ правовое основаніе института римской кліентеллы: если съ постепеннымъ полученіемъ правъ кліентъ постепенно освобождался отъ воздѣйствія на его личность личности патрона, то, слѣдовательно, не потому кліентъ былъ юридически слабъ, что пользовался защитой, а потому и пользовался законной защитой, что былъ юридически слабъ среди народа, право котораго носило характеръ исключительности.

---

[1]) Первый шагъ въ этомъ отношеніи сдѣлала реформа Сервія Туллія, устройство котораго, охвативъ патриціевъ, плебеевъ и кліентовъ, создало двоякую организацію—по трибамъ и по центуріямъ, и дало вмѣстѣ съ тѣмъ право кліентамъ на должности curator tribus и magister vici. Фойхтъ, ц. с., стр. 25.

[2]) Фойхтъ, ц. с., стр. 29.

Для нашей цѣли достаточно сказаннаго, и нѣтъ уже надобности слѣдить за тѣмъ, какъ шло постепенное развитіе правового положенія кліентовъ[1]). Скажемъ только, что, совершая свой неуклонный путь къ сравненію кліентовъ въ правахъ съ римскими гражданами, правовой ростъ этотъ имѣлъ своимъ непремѣннымъ слѣдствіемъ и разрушеніе основъ законной защиты; и въ той мѣрѣ, и въ томъ отношеніи разрушались эти основы, въ какой мѣрѣ и въ какомъ отношеніи совершалось уравненіе въ правахъ кліентовъ съ римскими гражданами[2]).

Остается прибавить, что въ аналогичныхъ отношеніяхъ изъ законной защиты стояли къ Риму, а иногда и къ отдѣльнымъ римскимъ патриціямъ цѣлые города[3]). Какъ опредѣляетъ эти отношенія Моммсенъ[4]), можно думать, что содержаніе ихъ сводилось къ законной защитѣ, устанавливавшейся въ виду юридической слабости жителей этихъ городовъ, не пользовавшихся правами гражданства.

Аналогичными являются и отношенія между господиномъ и вольноотпущенникомъ[5]). Развилось-ли отпущеніе на волю изъ кліентеллы, какъ думаютъ одни, создался-ли этотъ институтъ самостоятельно, какъ думаютъ другіе, или-же, наоборотъ, отпущеніе на волю было только однимъ изъ источниковъ происхожденія кліентеллы, какъ думаютъ третьи,—отношенія по защитѣ возникли въ виду все той-же исключительности римскаго правового строя. Рабъ, такъ какъ онъ считался вещью, не нуждался ни въ какомъ особомъ покровительствѣ; онъ оберегался и защищался постолько, посколь-

---

[1]) Подробности см. § 7 ц. с. Фойхта.

[2]) Во что обратилась кліентелла во времена принципата, можно видѣть изъ „Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms", Фридлендера, т. III, стр. 358 и сл.

[3]) Нибуръ, ц. с., Швеглеръ, ц. с., Моммсенъ, ц. с.

[4]) Моммсенъ, ц. с., стр. 365 и слѣд.

[5]) См. Leist, Das Römische Patronatrecht, т. I и II.

ко оберегается каждая вещь, если хозяинъ желаетъ проявлять обычную хозяйскую предусмотрительность. Но вольноотпущенный, съ одной стороны, переставалъ быть вещью [1]), съ другой-же, онъ не становился и полноправнымъ. Не устанавливай законъ патроната надъ вольноотпущеннымъ, послѣдній, въ виду двусмысленности его положенія, неминуемо испыталъ бы на себѣ всю тяжесть обратной стороны своей свободы, самый фактъ которой мало говорилъ римлянину, въ сравненіи съ клеймомъ рабскаго происхожденія, тяготѣвшимъ на вольноотпущенномъ. Содержаніе патроната, такимъ образомъ, заключалось здѣсь въ томъ, что, налагая на вольноотпущеннаго извѣстныя обязанности [2]), патронъ соглашался не прерывать съ нимъ нравственной и юридической связи; эта-же связь, ведшая къ защитѣ, вела также и къ тому, что вольноотпущенникъ, освободясь отъ гнета рабскаго состоянія, получалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность пользоваться новымъ для себя состояніемъ свободы сравнительно шире и полнѣе, чѣмъ онъ пользовался бы внѣ этой связи и защиты.

Чѣмъ далѣе въ глубь римской исторіи, тѣмъ серьезнѣе ограниченія въ правахъ вольноотпущенника, но за то тѣмъ тѣснѣе нравственная и юридическая связь съ нимъ патрона, тѣмъ живѣе и дѣйствительнѣе оказываемая со стороны патрона защита.

Вольноотпущенникъ получалъ отъ господина свободу—величайшее благо, по мнѣнію римлянъ, а это такой даръ, который обязывалъ къ постоянной благодарности, къ постоянному почтенію (reverentia) [3]). Вѣроятно, исходя именно изъ этого соображенія, римское законодательство обставляло отпущеніе на волю такими обязательствами со стороны вольно-

---

[1]) Leist, цит. с., стр. 314, т. I.

[2]) Патронъ считался законнымъ опекуномъ и наслѣдникомъ въ случаѣ, если не оставалось завѣщанія (Ulp. XXVII, 1: libertorum intestatorum heredi-

отпущенника, особенно въ имущественномъ отношеніи, что, какъ справедливо говоритъ Лейстъ [1]), у вольноотпущенника отнимался всякій импульсъ увеличивать свое благосостояніе, но фактически отношенія были значительно мягче законодательства и устанавливались обыкновенно такимъ образомъ: вольноотпущенникъ оставался жить у патрона [2]), получалъ отъ него пожизненно alimenta et cibaria, пользовался отъ него подарками, не рѣдко получалъ въ наслѣдство участки земли и вообще былъ обезпечиваемъ отъ случайностей свободной жизни, а послѣдняя, какъ было уже сказано выше, далеко не всегда могла его такъ обезпечить, какъ это ограниченно свободное, но за то и болѣе прочное состояніе.

Такимъ образомъ, въ основѣ этой защиты лежало съ одной стороны сознаніе извѣстныхъ обязанностей [3]) по отношенію къ тому, кто, и уходя изъ подъ власти, оставался какъ бы въ кровной общности, а, съ другой стороны, чувство безпредѣльной благодарности [4]), которая юридически вы-

---

tas primum ad suos heredes pertinet; deinde ad eos, quorum liberti sunt, velut patronum, patronam liberosve patroni). Лейстъ опредѣляетъ это наслѣдованіе въ виду консангвинитета, признаваемаго правомъ, между патрономъ и его семьей и вольноотпущенникомъ. Слово „patronus", говоритъ онъ, въ историческомъ смыслѣ, не древнее, но создалось оно по аналогіи съ очень древнимъ словомъ „pater". Подобно тому какъ pater (отецъ), patruus (дядя) и дѣти отца (consanguinei) должны обозначать кровную связь, такъ по аналогіи толкуется связь вольноотпущенника и патрона (patris loco) и его дѣтей (Leist. 346). Тутъже отмѣтимъ, что, хотя reverentia и считалась naturalis ratio, но юристы знали и civilis ratio, почему противъ либертина, въ случаѣ его неблагодарности давалось ingrati accusatio. (Leist, стр. 383).

[1]) Leist., стр. 608.

[2]) Leist, §§ 99—113.

[3]) Очень характерна, напримѣръ, слѣдующая черта: часто патронъ въ завѣщаніи обязывалъ наслѣдника платить за вольноотпущеннаго вкупъ въ трибу. См. Leist., стр. 588. Этимъ патронъ выражалъ какъ бы актъ передачи трибѣ своихъ отношеній покровительства, исходя изъ соображенія, что послѣ его смерти вольноотпущенный остается безъ покровителя.

[4]) Это чувство благодарности за свободу, какъ за beneficium презумировалось даже и тогда, когда рабъ отпускался на волю и necessitate. См. Leist, 352.

ражалась въ признаніи извѣстныхъ правовыхъ ограниченій, а нравственно—въ почтеніи и послушаніи. Для патрона оказывать эту защиту было не безвыгодно, могло быть даже и очень выгодно [1]), такъ какъ въ лицѣ вольноотпущенниковъ онъ пріобрѣталъ благодарныхъ и вѣрныхъ людей, которые къ тому-же были отчасти и работниками на него Вольноотпущеннику-же, какъ мы уже сказали выше, свобода еще не давала всѣхъ правъ гражданства (онъ не имѣлъ jus honorum, jus suffragii (Lex Visellia) [2]) при чемъ, если либертинъ выдавалъ себя за свободнорожденнаго, онъ подвергался civiliter—de operis, a criminaliter—ex lege Visellia [3]); вообще онъ долженъ былъ переносить всѣ невыгоды тяготѣвшаго надъ надъ нимъ рабскаго происхожденія [4]) и, подобно рабу, не могъ имѣть dominium, такъ какъ dominium—привиллегія свободнорожденнаго.

Съ теченіемъ времени и патронатъ надъ вольноотпущенниками потерпѣлъ какъ въ общемъ, такъ и въ подробностяхъ не маловажныя измѣненія [5]), но насъ не могутъ интересовать

---

[1]) Особенно тяжело доставалось либертинамъ такъ называемое obsequium, т. е. то, что опредѣляется въ источникахъ словами: liberto et filio semper honesta et sancta persona patris ac patronis videri debet (D. I. 9 de obsequiis parentibus et patr. praest. XXXVII, 15) или: honori parentium ac patronorum tribuendum est (ibid. l. 2). При требовательномъ патронѣ эти положенія могли дѣлать либертина жертвой мнимой свободы. Ср. Leist., стр. 20 и сл., II т.

[2]) Lex Visellia libertinae condicionis homines persequitur, si ea quae ingenuorum sunt circa honores et dignitates ausi fuerint attemptare vel decurionatum adripere, nisi jure aureorum annulorum impetrato a principe sustentantur Cod. l. 9. XXI.

[3]) Qui autem libertinus se dicit ingenuum, tam de operis civiliter quam etiam lege Visellia criminaliter poterit perurgueri.

[4]) „Рабское происхожденіе оставляло на человѣкѣ пятно, которое смывалось лишь чрезъ нѣсколько поколѣній", говоритъ Муромцевъ. См. гражданское право города Рима, стр 438; см. также: лекціи Ефимова, стр. 228.

[5]) Началось съ предоставленія внукамъ вольноотпущенниковъ полныхъ правъ гражданства (при цензорѣ Ап. Клавдіѣ, 442 г.), затѣмъ въ 505 г. мы уже встрѣчаемъ Клавдія Глиція, сына вольноотпущенника, въ званіи диктатора и т. д. (См. подробности у Фойхта, ц. с. §§ 9, 10). Исторія Рима, можетъ быть, болѣе всякой другой, особенно въ ея позднѣйшіе періоды, показываетъ до

эти измѣненія, такъ какъ наша цѣль — конструкція отношеній, а не историческое ихъ развитіе. Тѣмъ не менѣе и здѣсь повторяется уже отмѣченное выше явленіе: защита теряетъ интензивность по мѣрѣ уравненія вольноотпущенниковъ въ правахъ съ гражданами, но не наоборотъ. Другими словами, мы имѣетъ тутъ еще одно подтвержденіе тому, что ограниченія въ правахъ были не слѣдствіемъ, а причиной установленія защиты.

Какъ на особый видъ законнаго патроната мы можемъ указать въ Римской исторіи на должности: трибуна, если принимать во вниманіе только тотъ характеръ этой должности, какой она имѣла при своемъ учрежденіи, и такъ называемаго defensor civitatis — должность позднѣйшаго, императорскаго періода. Трибуны лишь впослѣдствіи получили значеніе государственной власти; по lex sacrata назначеніемъ трибуновъ, избиравшихся плебеями, было auxilii latio противъ распоряженій консуловъ, и помощь эта подавалась по поводу отдѣльныхъ случаевъ, отдѣльнымъ плебеямъ [1]). Явившись результатомъ борьбы патриціевъ и плебеевъ [2]), должность трибуна была вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы коррективомъ юридической слабости плебеевъ.

Трибунъ, слѣдовательно, не потому оказывалъ защиту, что онъ былъ властью, а потому и облекался властью, что ина-

---

какого полнаго общественнаго разложенія въ состояніи довести либертинатъ, оторванный отъ нормальной связи съ патронатомъ и при существованіи въ обществѣ убѣжденія, что и полноправность не смываетъ клейма рабскаго происхожденія. Въ такомъ обществѣ и такимъ вольноотпущенникамъ нечего терять, и, презираемые, они пользуются, естественно, своими правами въ ущербъ государственному и общественному порядку. Другимъ примѣромъ можетъ служить Византійская имперія. Ср. Henne—Am-Rhynn., ц. с. т. II, стр 467; т. III, стр. 91 и слѣд. Довольно полную картину либертината позднѣйшаго періода даетъ Фридлендеръ, ц. с., стр. 371—376. Впрочемъ, онъ, основываясь на словахъ Ювенала, считаетъ, что въ общемъ либертины представляли болѣе здоровый общественный элементъ, чѣмъ ихъ бывшіе патроны.

[1]) Проф. Боголѣповъ. ц. с., стр. 74—75.

[2]) Муромцевъ, ц. с., стр. 42.

че онъ не могъ бы оказывать защиту. Трибунъ долженъ былъ быть къ тому-же не защитникомъ интересовъ государства, какъ цѣлаго, а защитникомъ отдѣльныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, онъ не былъ властью въ истинномъ смыслѣ словѣ [1]: эта должность вытекала не изъ идеи государственнаго индивидуализма, а изъ идеи патроната [2]. Что-же касается второй должности – defensor civitatis, то, не смотря на нѣкоторые контроверсы по вопросу объ ихъ функціяхъ, можно все таки думать, что самая должность была вызвана необходимостью давать защиту плебсу провинціальныхъ городовъ противъ жестокости и насилія проконсуловъ и ихъ чиновниковъ, а также въ виду сравнительнаго неполноправія плебса въ этихъ городахъ [3]. Впослѣдствіи дефензоры получили юрисдикцію и сдѣлались вообще представителями власти въ тѣхъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ не было императорскихъ правителей [4], но даже и тогда, какъ это видно и изъ кодекса Юстиніана [5], и изъ кодекса Ѳеодосія [6], ихъ основной функціей было служить корректи-

---

[1]) Впослѣдствіи должность трибуна значительно измѣнила свой характеръ, но въ обсужденіе этого вопроса мы конечно входить не будемъ. См. Karlowa, ц. с., I, стр. 221 и сл.

[2]) Подтвержденіе такому взгляду на должность трибуна мы находимъ у Roth'a въ его статьѣ De re municipali Romanorum, стр. 102, пр. 180, гдѣ онъ говоритъ: „ut olim Romae tribunos plebis, non civitatis jussu, sed ultro a plebe, auxilium aliquod contra gravissimos miserias, poscente, primum constitutos" и т. д.

[3]) См. Roth., ц. с., стр. 102 и сл.; ср. Готофредъ, Codex Theodosianus, стр. 67, de defensoribus civitatum. Савиньи говоритъ, что до 365 г. defensores устанавливались по поводу отдѣльныхъ городскихъ дѣлъ и только послѣ 365 г. они дѣлаются постоянной должностью. Если это вѣрно, то тѣмъ болѣе, слѣдовательно, справедливо считать, что возникновеніе этого института явилось результатомъ необходимости въ установленіи законной защиты. См. Савиньи, Geschichte des Römischen Rechts, т. I, стр. 88 и слѣд. Такого-же мнѣнія и Неволинъ, ц. с., стр. 388; такого-же мнѣнія, напр., и въ „Real-Encyclop. der clas. Alterthümm." Pauly, II, стр. 889.

[4]) Савиньи, ц. с., стр. 90 и 91. Аналогичный характеръ имѣла, кажется, и должность экдиковъ. См. толкованія Вальсамона на 76 правило Карѳагенскаго собора.

[5]) Cod., кн. I, гл. LV, leg. 1—11.

[6]) Cod. Th , кн. I, гл. XI, (по изданію Венка: 1825 г.—гл. XX), leg. 1—3.

вомъ сравнительнаго неполноправія провинціальнаго плебса [1]); первоначально въ дефензоры могли избираться только плебеи, и декуріоны, и когорталіи совсѣмъ исключались изъ числа лицъ, имѣвшихъ право быть выбранными въ эту должность [2]). Тутъ, стало быть, повторяется тоже самое, что и при учрежденіи должности трибуновъ: по leges sacratae, трибуны избирались исключительно изъ плебеевъ [3]).

Остается еще сказать, что отношенія по законной защитѣ, подобныя римской кліентеллѣ, наблюдаются и у Грековъ, напримѣръ,—метеки въ Афинахъ. (Но едва-ли правъ Фойхтъ, если думаетъ, что съ кліентами слѣдуетъ отождествлять пенестовъ, илотовъ, киллиріевъ и т. д.) [4]). Точно также и у латинянъ и сабинянъ [5]). Мы встрѣчаемъ аналогичныя отношенія и у германцевъ. Хотя Тацитъ [6]) и не говоритъ ниче-

---

[1]) См. Cod. I, 55, lex 4 (ut imprimis parentis vicem plebi exhibeas); Cod. Th. I, 11, lex 2 (plebem tantum ab omni improborum insolentia et temeritate tueantur).

[2]) C. I, LV, lex 2. „Olim decuriones omnino exclusos significat lex",—говоритъ Roth. ц. с., стр. 105, пр. 197.

[3]) См. Karlowa, ц. с., стр. 221.

[4]) „Въ Аргосѣ они назывались gimnetes или gimnesioi, въ Лакедемонѣ—илотами, въ Ѳессаліи—пенестами, въ Сиракузахъ—калликирійцами, въ Гераклеѣ— маріандинами, на Критѣ—афаміотами и т. д. Это были первоначальные жители, которые находились по отношенію къ побѣдителямъ въ особыхъ отношеніяхъ: господинъ не имѣлъ права ни убивать ихъ, ни продавать за границу, они пользовались землей, но платили частью продуктовъ, сопровождали господина на войну". Hermann. Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer, стр. 55. Совсѣмъ въ иномъ положеніи были теты, упоминаемые Гомеромъ. „Erant tenuioris fortunae homines, qui operam suam locupletioribus pacta mercede addixerant et in possessionibus eorum agebant quasi quiddam clientes, quae tamen clientela non fere perpetua sed temporaria tantum esse solebat". Antiquitates juris publici graecorum, Schoeman, стр. 70—71. Первые—крѣпостные, а вторые—кліенты. Ср: также кн. Трубецкаго, Рабство въ древней Греціи. Врем. Дем. Юр. Лицея. XL, стр. 49 и сл. и 75 и сл.

[5]) Ланге, ц. с. § 22. стр. 62—66.

[6]) Правда, Тацитъ упоминаетъ въ An. 1, 57 о томъ, что Германикъ освободилъ Сегеста „magna cum propinquorum et clientum manu"; о кліентахъ-же онъ говоритъ и у Херусковъ, точно также въ An., 2, 45 и An., 12, 30; но можно думать, что подъ кліентами онъ подразумѣваетъ военную свиту, кото-

го о кліентеллѣ у германцевъ, но существованіе у германцевъ особаго класса летовъ, литовъ [1] (тоже, кажется, что у франковъ - фиски) [2]), отношенія которыхъ къ патронамъ было аналогично отношенію кліентовъ, – внѣ сомнѣнія [3]). У Тацита мы встрѣчаемъ за то указанія на существованіе патроната надъ вольноотпущенниками [4]). Въ частности, литы или леты [5]) не были полноправными, что видно изъ прямого указанія закона: [6]) „si liber homo spontanea voluntate, vel forte necessitate coactus, nobili seu libero, seu etiam lito in personam et servitium liti se subdiderit". Слова „in personam et servitium" уже предопредѣляютъ характеръ этихъ отношеній; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ словъ „seu etiam lito" можно заключать, что литъ не былъ и рабомъ, такъ какъ имѣлъ право обладать собственнымъ имуществомъ. Литъ имѣлъ также право самостоятельно защищаться на судѣ [7]), имѣлъ право присягать [8]), имѣлъ право носить оружіе [9]). Но онъ, въ отличіе отъ ingenui, не имѣлъ jus connubium, и права его личности обезпе-

---

рая, въ сущности, не была кліентеллой, какъ доказываетъ F. Thudichum, Der altdeutsche Staat, стр. 12 и сл. Литы, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія.

[1]) Schulte, Lehrbuch der deutschen Reichs und Rechtsgeschichte, стр. 36.

[2]) Огюстенъ Тьерри, „Разсказы о временахъ меровинговъ", стр. 2.

[3]) Фойхтъ, п. с., стр. 4.

[4]) Тацитъ, ц. м., говоритъ, что каждый германецъ самъ управлялъ своимъ домомъ и самъ велъ свое хозяйство; рабовъ онъ представляетъ какъ бы арендаторами; точно также и вольноотпущенниковъ

[5]) Еще lazzi, см. Waitz, Das alte Recht der Salischen Franken, стр. 288. Еще: aldi, aldiones, см. Schulte, ц. с., стр. 130. Какъ указываетъ Фойхтъ, Jus naturale, II, стр. 893, литы были извѣстны еще Римской имперіи. Онъ думаетъ, что ихъ положеніе было весьма отлично отъ положенія крѣпостныхъ и рабовъ и именно имѣло сходство съ положеніемъ кліентовъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на тотъ фактъ, что Магненцій былъ литомъ. Стр. 898.

[6]) L. Frisionum, Tit. XI, de lito, I. Изд. Walter, Corpus iuris germanici antiqui, т. I, ч. I, стр. 359.

[7]) Ibid., tit. I—III.

[8]) „Si (litus) negaverit, cum viginti tribus sacramentalibus juret". L. Fr. tit I de homic., l. 9.

[9]) См. Шульте, ц. с., стр, 131.

чивались половиннымъ вергельдомъ [1]). Чтобы литъ былъ вполнѣ свободнымъ, требовался отъ патрона извѣстный актъ освобожденія [2]). Въ аналогичномъ положеніи были и упоминаемые въ lex Salica pueri regis [3]). Въ аналогичномъ положеніи съ литами были taeog у кельтовъ [4]). Нѣсколько своеобразный характеръ имѣли подобнаго-же рода отношенія по защитѣ у сѣверныхъ народовъ, населявшихъ теперешнія Швецію, Норвегію и Данію. Тамъ отпущеніе рабовъ на волю дѣлало раба совершенно свободнымъ, но только, если онъ уходилъ изъ того мѣста, гдѣ былъ рабомъ; иначе надъ бывшимъ рабомъ устанавливался патронатъ и такого рода, что самая свобода вольноотпущеннаго (leysingi) являлась какъ бы фикціей. Такъ, безъ позволенія патрона вольноотпущенный не могъ мѣнять мѣстожительства; патронъ наслѣдовалъ его имущество, если либертинъ умиралъ бездѣтнымъ; если же патрономъ былъ человѣкъ, который самъ когда-то былъ рабомъ, то наслѣдовалъ патронъ этого патрона; патронъ, кромѣ того, былъ представителемъ вольноотпущеннаго на судѣ; наконецъ, только третье поколѣніе вольноотпущеннаго пользовалось всѣми правами гражданства [5]). Что-же касается кліентеллы, то такого института въ точномъ смыслѣ сѣверные народы, можно думать, не знали, но у нихъ всякій поступавшій къ кому нибудь въ качествѣ слуги или работника, тѣмъ самымъ выключалъ себя изъ числа полноправныхъ гражданъ и потому надъ нимъ устанавливалась законная защита до тѣхъ поръ, пока онъ служилъ [6]). Судя по leges Wisigotto-

---

[1]) Lex Salica, XLII, de hom. in cont., 3. Ср. Шульте, ц. м., Вайцъ, ц. с., стр. 100.

[2]) L. Sal. XXVI, de libertis dimissis. 1, 1.

[3]) L. Sal. XIII, 7, и въ припискѣ къ 1. 4, tit. XLII, Вайцъ предполагаетъ, что это были отпущенники короля, до отпущенія находившіеся въ личной отъ короля зависимости.

[4]) Фойхтъ, Ueber Client. u. Lib., стр. 4. пр. 8.

[5]) См. Weinhold, Altnordisches Leben., стр. 438 и слѣд.

[6]) Подробности см. ibid., стр. 429 и слѣд.

rum [1]), институтъ кліентеллы былъ знакомъ и вестготамъ въ его полномъ развитіи [2]). Разбирая t. 3, l. V, de patronorum donationibus, приходится думать, что кліентъ имѣлъ право мѣнять патроновъ [3]), но основой отношеній была та-же древне-римская fides [4]), а мотивомъ отношеній, какъ и во всѣхъ почти указанныхъ выше видахъ патроната, была необходимость въ защитѣ и землѣ [5]). Leg. Visig. знаютъ также и патронатъ надъ вольноотпущенными [6]), что видно уже изъ lex X, гдѣ разсматривается si libertus injuriam faciat manumissori и гдѣ постановляется, что патронъ имѣетъ въ такихъ случаяхъ право вновь обратить либертина въ рабское состояніе [7]). Edictum Rotharis [8]) даетъ намъ возможность утверждать, что понятіе закономъ устанавливаемой защиты было извѣстно и лангобардамъ. Item qui fulfreal [9]) fecerit,—говоритъ эдиктъ Ротари [10]), — et quatuor vias ei dederit et amund a se, id est extraneum

---

[1]) Walter. C. j. g. ant., т. I. ч. II.

[2]) См. Dahn, Die Könige der Germ nen, VI, стр. 131. Авторъ думаетъ, что кліентелла вестготовъ, а особенно институтъ даренія со стороны патрона кліенту были первыми начатками развившихся впослѣдствіи феодальныхъ отношеній.

[3]) „Si vero alium sibi patronum elegerit", L. V. l. V. t. 3, lex. 1.

[4]) „Si ei inveniatur infidelis", ibid, l. 3.

[5]) „Ille, cui se commendaverit det ei terram". ibid, l. 4.

[6]) Ibid., l. V, tit. 7, de libertatibus et libertis.

[7]) Si libertus manumissori suo injuriosus fuerit, aut si patronum suum pugno aut quolibet ictu percusserit, vel eum falsis accusationibus impetierit, unde ipsi capitis periculum comparetur, addicendi eum ad servitutem habeat potestatem; ita tamen ut apud judicem probet caussas superius comprehensas. Дальнѣйшее развитіе этого-же см. lex XI. Вольноотпущенные и не могли обходиться безъ патрона, такъ какъ и по leg. Vis. повторяется то, что мы уже имѣли случай наблюдать раньше: отпущеніе на волю не давало еще всѣхъ правъ. См. напр. lex XII: ne testificent manumissi (тутъ-же: excepto in aliquibus causis, ubi ingenuitas deesse cognoscitur, sicut permissum est et de servis). Особенно-же, см. lex XXI: saepe audivimus multosque cognovimus libertos, relinquentes manumissores suos, quos et dominos esse testamur, quia voluptuosa voluntate, dum relaxato freno servitutis errumpunt, aequales se dominis suis vel eorum successoribus esse affirment" и т. д.

[8]) Изданіе Walter'а, т. I, ч. II.

[9]) Еще: fulfrear, fulfrea, fulfreald; см. пр. с), стр. 723, Walter, ц. с. т. I, ч. 2.

[10]) Edict. Rotharis, CCXXVI.

non fecerit, talem legem patronus cum ipso habeat, tanquam cum fratre, aut cum aliis parentibus liberis Longobardis: id est, si filios aut filias, qui fulfreal factus, non dimiserit, patronus ejus illi succedat, sicut supra scriptum est. И далѣе [1]): si libertus qui fulfreal factus est, filios dereliquerit legitimos, sint illi heredes и т. д. Et si casu faciente sine heredibus mortuus fuerit, et antea judicaverit res suas proprias se vivente, id est andehaverit, et arigaverit secundum legem Longobardorum, habeat cui donaverit. Nam quantum de rebus benefactoris sui per donum habuerit, si eas non obligaverit, ad ipsum patronum aut heredes revertantur. Какъ, на нашъ взглядъ, правильно толкуетъ эти статьи проф. Виноградовъ [2]), тутъ термины свободный и независимый человѣкъ не покрываютъ другъ друга: можно сдѣлать раба или альдія свободнымъ и не предоставить ему независимости (amund). Выдѣляется разрядъ свободныхъ людей, подчиненныхъ извѣстному патрону, и законодательство указываетъ, какъ они въ отношеніи наслѣдства уступаютъ совершенно независимымъ людямъ. Но это было не единственное различіе между двумя разрядами вольноотпущенныхъ: самое понятіе патроната или mundium'a, примѣненное къ власти отпускающаго на волю, предполагаетъ нѣчто большее, нежели простое зачисленіе патрона по наслѣдству непосредственно вслѣдъ за дѣтьми вольноотпущеннаго, предполагаетъ покровительство съ одной стороны, и извѣстное подчиненіе— съ другой. Размѣры этого покровительства и подчиненія опредѣлить на основаніе эдикта Рот. невозможно. Одно можно сказать: fulfreal, это разрядъ людей, хотя вполнѣ свободныхъ,

---

[1]) Ibid., CCXXVIII.

[2]) Проф. Виноградовъ, *Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Италіи*, Ж. М. Н. П. 80 г., ч. CCX, стр. 225. Слѣдуетъ, между прочимъ, замѣтить, что мы цитируемъ Ed. Roth. по изданію Walter'a, почему у насъ и замѣчается нѣкоторое несоотвѣтствіе текста и цифровыхъ обозначеній, сравнительно съ ц. м. проф. Виноградова. (CCXXVI эдикта тамъ обозначено 224, CCXXVIII—225; fulfreal—fulfree и fulcfree, и т. д.). Ср. ц. м. пр. 1.

но находящихся подъ покровительствомъ и защитой другихъ свободныхъ людей.

Здѣсь-же, кажется, намъ слѣдуетъ остановиться и на вопросѣ о такъ называемомъ колонатѣ и отношеніяхъ аналогичныхъ ему. Такъ какъ ни одинъ институтъ не слагается сразу въ готовомъ видѣ и, кромѣ того, такъ какъ обыкновенно одни и тѣ-же институты у различныхъ народностей имѣютъ и своеобразныя особенности, то поэтому у насъ не можетъ быть основаній ни утверждать, что колонатъ или аналогичныя колонату отношенія являлись отношеніями по законной защитѣ, ни, наоборотъ, отрицать, что эти отношенія когда-либо имѣли подобный характеръ. Вопросъ лишь въ томъ, о какой разновидности колоната идетъ рѣчь, о какой эпохѣ, о какомъ народѣ.

Вопросъ о происхожденіи колоната—вопросъ весьма спорный [1]), но въ чемъ была сущность колоната,—на этотъ счетъ, кажется, сомнѣній нѣтъ [2]): по кодексу Θеодосія и Юстиніана, колонами считаются прикрѣпленные къ землѣ, которые за пользованіе этой землей платятъ извѣстный оброкъ или арендную плату землевладѣльцу [3]). Они не могли переходить къ другому землевладѣльцу, но и ихъ нельзя было отдѣлять отъ занимаемаго ими участка [4]). Такимъ образомъ, колоны являлись какъ бы частью земли (membra terri, agrorum juris pars, какъ говоритъ кодексъ) [5]). Ихъ личное положеніе обсуждалось, какъ quadam

---

[1]) Савиньи называлъ его очень спорнымъ (Ueber den Römishen Col nat), называютъ его спорнымъ и теперь. См., напр. пр. Виноградовъ, ц. с., см. Heisterberk „Die Enstehung des Kolonats“.

[2]) Виноградовъ, ц. с., стр. 156, Ж. М. Н. П., т. CCVII.

[3]) Что они были прикрѣплены къ землѣ—см. C. J. XI, 48, l. 2: qui enim colonos utiles credant, aut cum prediis eos tenere debent aut profuturos aliis derelinquere, si ipsi sibi praedium prodesse desperant. См. также: C. J. XI, 52, l. un; C. J. XI, 48, l. 15; C. J. XI, 51, l. un. Что они платили оброкъ и въ какой мѣрѣ—см. C. J. XI, 50, l. 2, такъ-же XI, 48, l. 20.

[4]) C. J. XI, 48, l. 21.

[5]) C. J. XI, 48, l. 23; C. Th., V, 10, l. un.

dediti servitute [1]), но они, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не вполнѣ рабы [2]). Такъ, при попыткѣ къ бѣгству на нихъ налагались оковы [3]), противъ господина они не имѣли гражданскаго иска [4]), но, съ другой стороны, они имѣли противъ господина уголовный искъ [5]), имѣли jus matrimonium [6]), они имѣли право имѣть собственное имущество [7]). Со стороны-же патрона было установлено, что оброкъ онъ беретъ по обычаю [8]). Но это, въ сущности, одно, о чемъ мы знаемъ точно, что оно относится ко всѣмъ колонамъ вообще [9]). Остальныя-же опредѣленія, какъ можно думать, имѣютъ въ виду разные виды колоната. Такъ, уже C. J. [10]) указываетъ на два вида колоновъ: одни, дѣлаясь колонами, остаются свободными, другіе-же не имѣютъ свободы. Сообразно съ этимъ, слѣдуетъ думать, опредѣлялся и характеръ зависимости, вѣрнѣе—степень этой зависимости. Къ тому-же выводу приводитъ и сопоставленіе тѣхъ мѣстъ кодексовъ, гдѣ законодатель какъ бы настаиваетъ на извѣстной независимости колоновъ отъ господина, съ другими мѣстами, гдѣ, наоборотъ, законодатель какъ бы подчеркиваетъ зависимое положеніе колоновъ [11]). Къ сказанному остается добавить, что, кромѣ оброка господину, колоны вносили еще подать казнѣ, собирать которую поручалось

---

[1]) C. J. XI, 50, l. 2.

[2]) C. J XI, 52, l. un.: ipsi quidem originario jure teneantur et licet condicione videantur ingenui, servi tamen terrae ipsius cui nati sunt aestimentur и т. д.

[3]) C. Th. V, 9, l. 1.

[4]) Sed ut in causis civilibus hujus modi hominum generi adversus dominos vel patronos et aditum intercludimus и т. д.; C. J. XI, 50, l. 2.

[5]) Ibidem., l. 2, § 4.

[6]) C. J., XI, 48, l. 24.

[7]) C. Th., XI. 1, l. 14.

[8]) C. J., XI, 50, l. 1.

[9]) Виноградовъ, ц. с., стр. 160—161.

[10]) XI, 48, l. 9.

[11]) Ср., напримѣръ, c. Th., V, 4, l. 3. съ C. J., XI, 50, l. 2 или XI, 48, l. 21. Точно также см. нов. Valentiniani, 30, § 6 и нов. Maioriani, 7, 1, §§ 2, 4, 5.

господину[1]) (онъ и отвѣчалъ за эту подать); кромѣ того, колоны, въ отличіе отъ рабовъ, несли и воинскую повинность[2]).

Въ общемъ, слѣдовательно, это были отношенія не защиты, слѣдствіемъ которой являлась извѣстная подчиненность, а отношенія подчиненности, слѣдствіемъ которой являлась извѣстная защита. Мотивомъ-же возникновенія такихъ отношеній являлась не юридическая беззащитность, а или фактъ рожденія колономъ, или принужденіе власти, или-же необходимость въ землѣ,—по крайней мѣрѣ, таковы главнѣйшіе способы вступленія въ колонатъ[3]). За исключеніемъ случаевъ рожденія отъ колона, въ разрядъ колоновъ вступалъ человѣкъ свободный, полноправный или-же, если и не полноправный, какъ напримѣръ, при принудительномъ обращеніи въ колоновъ побѣжденныхъ варваровъ[4]),—то такое лицо, которое, не будь оно обращено въ колона, было бы обращено въ раба. Другими словами: колонатъ, уменьшая личную свободу въ однихъ случаяхъ, устанавливался, какъ слѣдствіе экономической слабости (и обыкновенно по договору), въ другихъ случаяхъ тогда, когда онъ, въ сущности, только увеличивалъ объемъ возможной для данныхъ лицъ свободы, устанавливался, слѣдовательно, какъ политическая мѣра. Но ни тамъ, ни здѣсь онъ не устанавливался съ цѣлью дать возможность юридически слабому индивиду развивать его силы. Далѣе: если колонъ и не былъ рабомъ, если по отношеніи къ нему на господина и возлагались нѣкоторыя юридическія обязанности, то обязанности

---

1) C. J., XI, 48, l. 4.

2) C. Th., V, 4, l. 3.

3) См. Karlowa, ц. с., стр. 921—922.

4) Scyras, barbaram nationem, maximis Hunnorum, quibus se conjunxerant, copiis fusis, imperio nostro subegimus. Ideoque damus omnibus copiam ex praedicta gente hominibus agros proprios frequetandi, ita ut omnes sciant, susceptos non alio jure quam colonatus apud se futuros и т. д. C. Th., V, 4, l. 3. Если бы они не были обращены въ колоновъ, они были бы сдѣланы рабами.

эти вытекали не изъ защиты со стороны господина, а изъ защиты со стороны государства. Это были обязанности не во имя идеи законнаго патроната, а во имя идеи государственнаго индивидуализма: господинъ былъ какъ бы своего рода властью, посредствовавшей между государствомъ и колономъ. Тѣ-же отношенія, которыя устанавливались между господиномъ и колономъ по поводу этой власти, во первыхъ, и по поводу земельнаго участка, во вторыхъ, были не отношеніями по защитѣ, а отношеніями по подчиненности. Проф. Виноградовъ [1]) предполагаетъ, что существовалъ еще способъ вступленія въ колонатъ: отпущеніе на волю съ оставленіемъ въ колонатной зависимости. Если такой способъ существовалъ, то онъ, дѣйствительно, могъ рождать отношенія по защитѣ, но, какъ разумѣется само собой, колонатъ такого рода не былъ уже колонатомъ въ типичной его формѣ.

Но, съ другой стороны, не имѣя, въ виду сказаннаго выше, данныхъ признавать типичную форму колоната проявленіемъ идеи патроната, мы, тѣмъ не менѣе, готовы признать, что существовали и такія формы колоната, которыя по формѣ отношеній являлись, уже въ большей мѣрѣ проявленіемъ идеи патроната. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что можно указать даже формы рабства, которыя по сущности отношеній вполнѣ аналогичны законной защитѣ: напримѣръ, рабство у Вестготовъ [2]). Мы бы очень отклонились отъ прямой задачи нашей работы, если бы остановились на разсмотрѣніи этого

---

[1]) Ц. с., стр. 175.

[2]) См. Dahn, Westgotische Studien, стр. 62 и слѣд. По вестготскому праву, рабы не являлись субъектами права, но, съ другой стороны, принятіе вестготами христіанства смягчило это общее постановленіе на столько, что отношенія между рабомъ и господиномъ отчасти могутъ обсуждаться, какъ юридическія отношенія по защитѣ. Напримѣръ: si quis proprium servum extra provincias nostras и т. д. L. Vis. IX, 1. l. 10. См. также Leg. Vis. VI, 1, l. 5: si servus in aliquo crimine accusatur.

вопроса подробно, но вотъ нѣсколько примѣровъ [1]): не желая платить подати, которыя въ Римской имперіи V вѣка были довольно значительны, свободные люди обращались къ покровительству крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ всякаго рода юридическія привиллегіи и, такимъ образомъ, устанавливая для себя положеніе, среднее между положеніемъ колоната и патроната, они спасались отъ платежа податей [2]). Впослѣдствіи это серединное положеніе, вѣроятно, приводило къ полному закрѣпощенію, но пока послѣднее не наступало, можно было говорить о патронатѣ [3]). Такія-же серединныя отношенія создавались и при веденіи процессовъ, когда при помощи сильнаго покровителя желали производить давленіе на судей. Но и противъ этихъ и имъ подобныхъ примѣровъ можно справедливо возразить, что здѣсь отношенія патроната устанавливались не закономъ, а въ обходъ закона. Здѣсь патронатъ частныхъ лицъ являлся прямо направленнымъ противъ законодательства [4]), получая значеніе не столько корректива къ идеѣ государственнаго индивидуализма, сколько противовѣса ей. Но мы вѣдь и не имѣемъ въ виду доказывать, что колонатъ въ своихъ переходныхъ формахъ былъ и по существу проявленіемъ идеи патроната: съ нашей точки зрѣнія, эти переходныя формы создавали отношенія, только близкія къ отношеніямъ по законной защитѣ.

---

[1]) Мнѣніе о происхожденіи колоната изъ кліентеллы и аналогію между отношеніями по колонату и кліентеллѣ приводитъ, напримѣръ, Laferriere во 2 томѣ „Histoire du droit francais“, но уже Гейстербергкъ, ц. с., стр. 25, доказалъ, что аналогія эта не находитъ себѣ подтвержденія.

[2]) C. J. XI, 54, 1, 1.

[3]) См. Roth., Feudalität und Unterthanverband. 285 и сл.

[4]) См. Виноградовъ, ц. с., стр. 212, пр. 1.

V.

Христіанство. Общія положенія. Смѣна идей. Церковная организація и отсутствіе въ ней проявленій идеи патроната въ спеціальномъ смыслѣ. Будетъ-ли патронатомъ защита со стороны епископа или его экдика? Что такое церковный азилитетъ? Церковный патронатъ. Папскій патронатъ.

Христіанство внесло въ міръ завѣтъ полнаго равенства людей; вербуя своихъ первыхъ адептовъ среди бѣдняковъ, которыхъ такъ много было тогда въ Іудеѣ [1]), христіанство провозгласило всѣхъ людей братьями и потому, конечно, не могло признавать ни фактическихъ, ни юридическихъ между ними различій. Съ точки зрѣнія нашей конструкціи, абсолютное равенство людей должно было бы совершенно исключать изъ общественнаго оборота идею покровительства. Но признавать абсолютное равенство не значитъ еще сдѣлать людей въ дѣйствительности равными; тѣ условія, вліянія и причины, которыя устанавливаютъ фактическое неравенство, устанавливали его и тогда [2]). Высокій подъемъ нравственной силы, выразившійся въ томъ, что самая дѣятельная и самоотверженная борьба съ послѣдствіями такого фактическаго неравенства была объявлена первой обязанностью христьянина, отчасти параллизовалъ впечатлѣніе этого неравенства, но самая наличность подобной самоотверженной борьбы показываетъ ясно, что идея покровительства въ широкомъ смыслѣ являлась, такъ сказать, органической идеей и даннаго періода человѣческой культуры. Дѣйствительное равенство повело бы къ исключительному господству идеи индивиду-

---

[1]). Ренанъ, Les apôtres, изд. 67, стр. 94.

[2]) Ренанъ, L'antechrist, 3 изд. стр. 48.

ализма, первыя-же христьянскія общины каждымъ своимъ шагомъ, каждой мелочью своей организаціи были какъ бы воплощеннымъ протестомъ противъ идеи индивидуализма. Если же мы встрѣчаемся тутъ съ проявленіемъ идеи взаимопомощи, то и она, какъ увидимъ сейчасъ, только по названію и отчасти по формѣ напоминала взаимопомощь; по содержанію же она была ни чѣмъ инымъ, какъ одной изъ разновидностей идеи покровительства въ широкомъ смыслѣ. Но если устранить фактическое неравенство людей люди не властны, то за то въ ихъ власти устранить всякое юридическое неравенство, особенно когда они, если можно такъ выразиться, начинаютъ общественную организацію съ начала,—а такъ именно и поступили первыя христьянскія общины. Поэтому, само собою разумѣется, пока привходящія начала не разрушили основъ первоначальнаго порядка, идеѣ законной защиты въ христьянскомъ міровоззрѣніи не было мѣста.

Въ общемъ, обращаясь къ разсмотрѣнію видовъ идеи покровительства, осуществлявшихся въ этотъ періодъ, приходится установить слѣдующее: пока христьянская община не нуждалась въ организаціи, пока не надо было управленія въ точномъ смыслѣ слова и любовь другъ къ другу замѣняла право управленія—идея патроната проявлялась въ видѣ идеи самопожертвованія, а взаимопомощь была, по существу, взаимнымъ самопожертвованіемъ; когда-же община разрослась, и потребовалась организація—идея покровительства въ предѣлахъ этой церковной организаціи стала проявляться въ видѣ идеи благотворительности или помощи въ собственномъ смыслѣ; постепенно къ послѣдней стала привходить идея попечительства, какъ видъ идеи патроната въ собственномъ смыслѣ. Наконецъ, христьянство сдѣлалось господствующей религіей: признавая равенство людей передъ Богомъ, стараясь отчасти смягчить послѣдствія неравенства людей на землѣ, церковь, тѣмъ не менѣе, не рѣшалась во имя своего

авторитета объявить открытую войну юридическимъ неравенствамъ. Поэтому церковь, сама въ себѣ, въ своей церковной организаціи не признавала надобности въ проявленіяхъ идеи законной защиты, но это нисколько не препятствовало законной защитѣ, какъ одному изъ слѣдствій юридическаго неравенства, существовать въ свѣтской христіанской организаціи.

Начнемъ съ церковной организаціи. Помощь со стороны болѣе приспособленныхъ къ процессу приспособленія къ жизни организмовъ организмамъ менѣе приспособленнымъ въ формѣ-ли благотворительности, въ формѣ-ли попечительства была извѣстна, какъ мы уже видѣли, и Библіи. Такая помощь извѣстна и Китаю. Благотворительность и попечительство были извѣстны и Риму, хотя въ литературѣ и существуютъ мнѣнія, по которымъ эта благотворительность представляется въ весьма незначительномъ размѣрѣ и въ формахъ, которыя какъ бы даже не соотвѣтствуютъ нашему понятію о благотворительности [1]). Какъ показываютъ специ-

---

[1]) Эти мнѣнія высказываются, главнымъ образомъ, на основаніи: 1) того унизительнаго обращенія съ бѣдняками, которое дозволяли себѣ знатные патриціи (основаніемъ этому служатъ сатиры Ювенала); 2) суроваго обращенія римлянъ съ рабами; 3) факта отсутствія въ Римѣ даже организованной медицинской помощи; 4) увеселительнаго характера коллегій (collegia tenuiorum) (основаніемъ этому служитъ толкованіе устава коллегій, который напечатанъ въ приложеніи къ изслѣдованію Моммсена: De collegiis et sodalitiis romanorum) и т. д. Не вдаваясь въ специальное изложеніе этого, во всякомъ случаѣ, спорнаго вопроса, не можемъ, тѣмъ не менѣе, не высказать, что: 1) толкованіе устава дѣлается сторонниками этого мнѣнія тендеціозно; 2) медицинская помощь въ Римѣ была гораздо болѣе организована, чѣмъ думаютъ (ср. Duruy, Histoire des romains, т. V, стр. 422—428); 3) сатиры Ювенала, какъ и вообще сатиры, сгущаютъ краски, а, кромѣ того, сатирики нерѣдко имѣютъ въ виду лишь частныя явленія; 4) суровое обращеніе съ рабами могло уживаться какъ съ частной, такъ и съ организованной благотворительностью. Напомнимъ, кстати, о lex Falcidia, самая необходимость въ изданіи котораго показываетъ, что отказы на содержаніе бѣдныхъ дѣтей были весьма распространеннымъ обычаемъ. Во всякомъ случаѣ, однако, и сторонники этого мнѣнія не отрицаютъ, что благотворительность была извѣстна Риму. Не безъ интереса читается по этому вопросу также диссертація Bure-

альныя изслѣдованія, благотворительность и попечительство были извѣстны вообще всѣмъ языческимъ народамъ, о которыхъ мы имѣемъ хоть какія-нибудь свѣдѣнія [1]). Но за самыми незначительными исключеніями, благотворительность и попечительство эти, насколько можно прослѣдить, исходилй въ гораздо большей степени изъ формулы „дай, помоги, чтобы исполнить законъ"; христіанство же выступило съ совершенно иной формулой: „отдай все, самого себя, чтобы быть съ Господомъ". Другими словами: здѣсь самъ собой создавался культъ страждущаго, слабаго, нищаго, обездоленнаго.

„Іудея,—говоритъ Ренанъ [2]),—въ силу естественныхъ условій была страной, не обѣщавшей изобилія средствъ къ существованію. Въ этой странѣ безъ промышленности благосостояніе почти исключительно зависѣло или отъ правительственныхъ милостей, или отъ церковныхъ учрежденій, обладавшихъ большими имуществами, а богатства храма были достояніемъ незначительнаго числа знатныхъ. Ироды и ихъ предшественники увеличивали роскошь и благосостояніе только извѣстнаго класса общества, а истинный еврей—теократъ, поворачивавшій спину къ римской цивилизаціи, становился все бѣднѣе и бѣднѣе. И постепенно среди этихъ людей, вынужденныхъ, чтобы не умереть съ голода, работать на пользу той языческой цивилизаціи, отъ которой они отворачивались, складывалось убѣжденіе, что они—жертвы побѣды

---

tel de Chassey, Des associations religieuses, (гл. I, стр. 1—36) и отчасти книга Фукара, Les associations religieuses chez les grecs, гдѣ, впрочемъ, только къ слову говорится объ ассоціаціяхъ благотворительнаго характера, такъ какъ книга изслѣдуетъ вопросъ о тіазахъ, эранахъ и оргеонахъ, едва-ли занимавшихся благотворительностью.

[1]) См. ц. с. Henne Am-Rhyn. т. I. объ Индіи—стр. 255—259; о Египтѣ—стр. 344; о финикіянахъ - стр. 443; объ ассиріянахъ—стр. 485; о мидянахъ—и персахъ—стр. 547. Безусловно-отрицательнаго взгляда на благотворительность языческихъ народовъ держится, напримѣръ, Ratzinger, Geschichte der Kirchlichen Armenpflege, стр. 3 и слѣд.

[2]) Ренанъ, Les apotres, стр. 95.

злыхъ, развратныхъ богачей, измѣнившихъ истинному Богу. Для такихъ людей христьянская община должна была казаться раемъ: семья другъ другу преданныхъ братьевъ—туда стремились всѣ, кто чувствовалъ себя измученнымъ и недовольнымъ, и съ собой всякій приносилъ, что имѣлъ, получая за это братство и любовь". „Обычаемъ было,—говоритъ Ренанъ далѣе [1]),—обращать все имущество въ деньги и ничего не скрывать отъ общины, такъ какъ каждый пользовался общей кассой, сообразуясь съ тѣмъ, что ему нужно, а не съ тѣмъ, сколько онъ внесъ. Такимъ образомъ, это не былъ коммунизмъ, какъ его понимаютъ въ наши дни; это была общность имуществъ, основой которой являлась религія, и весь этотъ порядокъ покоился на безусловно искреннемъ отреченіи отъ собственности и на горячей вѣрѣ въ религіозный идеалъ".

„У нихъ было одно сердце и одна душа",—говорится въ дѣяніяхъ Апостольскихъ [2]),—и никто ничего изъ своего имѣнія не называлъ своимъ. Это не было искусственно созданное общество людей, не знающихъ, что такое любовь; здѣсь жили одной общей вѣрой и одними общими надеждами [3]). Каждый жертвовалъ всѣмъ, готовъ былъ жертвовать и собой для другого, но не потому, что онъ разсчитывалъ на отвѣтную помощь, а потому, что такова была его вѣра. Другіе жертвовали всѣмъ и самими собой для него, но опять таки только потому, что такова была и ихъ вѣра. Идея самопожертвованія, такимъ образомъ, была лишь выраженіемъ вѣры, а вѣра являлась всѣмъ, началомъ и концомъ существованія членовъ первыхъ христьянскихъ общинъ.

Силой обстоятельствъ и самымъ ходомъ вещей отторгнутые отъ политической жизни языческаго міра, христьяне

---

[1]) Ibid., стр. 96.
[2]) Д. Ап., гл. 4, строфа 32.
[3]) Ренанъ, ц. с., стр. 104.

первыхъ вѣковъ тѣмъ съ большей сосредоточенностью ушли въ міръ внутренней жизни и предавались нравственному само-совершенствованію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они желали сдѣлать себя infructuosi in negotiis, котъ говоритъ Тертулліанъ [1]). Наоборотъ. Какъ отвѣчаетъ тотъ-же Тертулліанъ на подобный вопросъ одного язычника, „мы (т. е. христіане) не тунеядцы и не гимнософисты Индіи и не обитатели лѣсовъ, уклоняющіеся отъ жизни. Мы твердо помнимъ, какой благодарностью обязаны мы Господу, Творцу нашему. Мы не пренебрегаемъ Его дарами, мы только умѣряемъ наше пользованье ими, оберегаемъ себя отъ злоупотребленій. Живя поэтому съ вами (т. е. съ язычниками) въ этомъ мірѣ, мы пользуемся и рынками, и ярмарками, банями и ремесленными заведеніями, и прочимъ, что есть въ жизни. Мы участвуемъ съ вами въ судоходствѣ и въ военной службѣ, и въ земледѣліи, и въ торговлѣ“ [2]). Но, раздѣляя съ язычниками практическую жизнь, христьяне освящали ее той любовью, всепобѣждавшей любовью другъ къ другу, которая приводила язычниковъ въ несказанное удивленіе и даже заставляла подозрѣвать въ ней недоброе. „То, что мы любимъ другъ друга, — говоритъ Тертулліанъ [3]),—внушаетъ вамъ (язычникамъ) въ особенности опасенія. Смотрите, говорятъ, какъ они любятъ другъ друга. Да, это и должно удивлять васъ, потому что вы ненавидите другъ друга. И они готовы умереть другъ за друга. Да, это и должно удивлять васъ, потому что вы скорѣе готовы убить другъ друга“. Христьяне первыхъ вѣковъ, проводя жизнь въ братствѣ и любви другъ къ другу, постепенно должны были притти къ культу нищеты, слабости, обездоленности и несчастья [4]), а основной

1) Tertullian, Apol. c. 42.
2) Tertullian, Apol. c. 38.
3) Tertullian, Apol. c. 39.
4) См. Ренанъ, ц. с., стр. 108. См. также ц. с. Ратцингера, ст. 13 и слѣд.

идеей такого культа не могла быть никакая другая идея, какъ только идея самопожертвованія, и она понималась ими неограниченно. Примѣровъ этому мы могли бы привести множество [1]), но достаточно и одного. Какъ говоритъ св. Діонисій Александрійскій [2]), во время моровой язвы въ Александріи, въ III вѣкѣ, язычники, сдѣлавшись безчеловѣчными вслѣдствіе крайности, выгоняли изъ своихъ домовъ тѣхъ, которые подвергались заразѣ, покидали своихъ самыхъ близкихъ друзей и т. д. Христьяне, напротивъ, видя въ этомъ несчастьи, какъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ жизни, искушеніе, посланное свыше для испытанія ихъ терпѣнія и укрѣпленія вѣры, встрѣчали его со спокойствіемъ и мужествомъ. „Движимые пламенной любовью и забывая всякую заботу о себѣ, - говоритъ св. Діонисій далѣе,—большая часть ихъ день и ночь посѣщали больныхъ и ходили за ними по любви къ Христу. Пресвитеры, діаконы, міряне умирали жертвами заразы, радуясь, что отдавали жизнь за братьевъ и друзей“.

Мы не можемъ себѣ представить никакой организаціи для идеи самопожертвованія, и ея, конечно, не было и въ первыхъ христьянскихъ общинахъ, если не считать, что идея эта проявлялась во имя Евангелія, учившаго любить ближняго, какъ самого себя, и учившаго, что вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертва. Но рядомъ съ дѣятельностью во имя любви къ ближнему отдѣльныхъ членовъ общины постепенно нарождалась дѣятельность всей общины, какъ совокупности вѣрующихъ. Такая дѣятельность съ первыхъ же шаговъ возымѣла необходимость въ организаціи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая дѣятельность, естественно, должна была мало по малу вносить извѣстныя ограниченія въ евангель-

---

[1]) См. статью А. Лебедева. „Попеченіе древней церкви о бѣдныхъ и нуждающихся“, Прав. Обозр. 63, 3; см. также Haeser, Geschichte christlicher krankenpflege und Pflegerschaften; см. также Bauer, Geschichte der christlicher Kirche, т. I, стр. 478, 481, 510—513 и т. д.; см. также Ratzinger, ц. с.

[2]) Цитируемъ по статьѣ А. Лебедева, стр. 219.

ское понятіе о любви къ ближнему. Какъ мы знаемъ, первыя должности въ христьянской общинѣ (дьяконы) были созданы апостолами для цѣлей благотворенія [1]), а когда во главѣ общинъ становятся епископы, на обязанности которыхъ лежало оказывать помощь многимъ (нельзя забывать, что христьянскія общины первыхъ вѣковъ выростали среди міра невообразимой нищеты) [2]), то является уже потребность въ опытной распорядительности и разсчетливости [3]). Другими словами: приходилось дѣлать выборъ, приходилось разсчитывать, а ни то, ни другое, конечно, не гармонируетъ уже съ идеей самопожертвованія въ точномъ смыслѣ, въ томъ, по крайней мѣрѣ, въ какомъ еще и тогда понимали ее отдѣльные члены христьянскихъ общинъ.

Попытки организовать помощь, знаменовавшія собой указанную смѣну идей, ведутъ и къ другому послѣдствію: сознанію обязанностей и на сторонѣ того, кому помогаютъ. Уже апостолъ Павелъ учитъ тому, чтобы умѣть жить и въ скудости [4]). Апостолъ-же Павелъ писалъ [5]): „если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь; но слышимъ, что нѣкоторые у васъ поступаютъ безчинно, ничего не дѣлаютъ, а суетятся; таковыхъ увѣщеваемъ и убѣждаемъ, чтобы они, работая въ безмолвіи, ѣли свой хлѣбъ". Затѣмъ, какъ мы знаемъ [6]), были введены реестры, куда вписывались имена нуждающихся, при чемъ, въ случаѣ обнаруженія обмана, имена выключались изъ реестра. Постепенно появляются лица, помощь которымъ связывалась съ суммой опредѣленныхъ обязанностей по отношенію къ данной организаціи. Такими бы-

---

[1]) Д. Ап., гл. 6, строфы 1—3.

[2]) Проф. Суворовъ, „Христьянская благотворительность въ языческой римской имперіи", ст. 42.

[3]) Ibid., стр. 43.

[4]) Посл. къ Филип., гл. 4, строф. 12.

[5]) Посл. къ Өессал., гл. 3, ст. 10—12.

[6]) Бесѣда 21 св. Златоуста на посл. къ Коринө., гл. 7.

ли сироты дѣвицы, воспитанныя епископами, если онѣ не желали впослѣдствіи выйти замужъ: онѣ получали право жить отъ алтаря, но несли рядъ обязанностей за это [1]). Такими были еще раньше вдовы церковныя, о которыхъ говорится еще въ Апостольскихъ посланіяхъ и въ постановленіяхъ Апостольскихъ и о которыхъ есть цѣлый рядъ специальныхъ нормъ въ постановленіяхъ вселенскихъ соборовъ и правилахъ святыхъ отцевъ [2]). Ко времени-же четвертаго вселенскаго халкидонскаго собора мы встрѣчаемся уже съ прямымъ опредѣленіемъ того, во первыхъ, что и благотворительность церкви имѣетъ свои границы и, во вторыхъ, что полученіе помощи сопряжено съ требованіемъ безукоризненнаго поведенія со стороны нуждающихся [3]). Еще раньше, въ постановленіяхъ анкирскаго собора, состоявшагося прежде перваго вселенскаго собора, мы уже встрѣчаемъ указаніе на цѣлый рядъ проступковъ (служеніе идоламъ, хотя бы и по принужденію, вкушеніе пищи въ капищѣ, хотя бы и принесенной съ собой и т. д.), за которые провинившіеся извергались на время изъ церкви [4]). Очевидно, что такіе и не пользовались правомъ на церковную помощь. Въ правилахъ помѣстнаго карѳагенскаго собора говорится, что оставившая отца ради дѣвства и, стало быть, живущая на средства церкви, должна быть поручена честнѣйшимъ женамъ [5]). Какъ толкуетъ этотъ канонъ Зонара [6]), такія дѣвы были въ полной отчетности у епископовъ, а гдѣ ихъ не было—у пресвитеровъ [7]).

---

[1]) Постановл. Ап., IV, 2, 295. См. также въ прав. Св. Вас. Велик., кан. 60, см. толк. Вальсамона.

[2]) Напр. въ правил. св. Вас. Велик., канонъ 24, см. толк. Зонары; первоначальное положеніе этихъ вдовъ—см. Ренанъ. ц. с., стр. 99 и слѣд.

[3]) Правила 4 собора, кан. 11, толков. Занары.

[4]) См. постановленія Анкирскаго собора.

[5]) Канонъ 44.

[6]) Правила помѣстныхъ соборовъ, изд. чт. въ об. л. д. пр., стр. 1406.

[7]) Сопоставляя это правило (44) съ правиломъ 127, можно, конечно, утвер-

Появляются также опредѣленныя обязанности и на сторонѣ тѣхъ, кто завѣдуетъ дѣломъ церковной благотворительности. Такъ, въ правилахъ Кирилла, арх. Александрійскаго [1]), мы находимъ выраженіе сожалѣнія по поводу того, что отъ епископа требуютъ отчета въ расходованіи имъ церковнаго имущества (а мы уже знаемъ, что главной статьей расхода была помощь бѣднымъ). Отсюда мы можемъ вывести, что уже тогда существовали попытки связать благотворительную дѣятельность епископовъ съ извѣстными обязанностями. То-же самое мы встрѣчаемъ и въ правилахъ св. Апостоловъ [2]), но правило присовокупляетъ, что епископы не могутъ ничего изъ церковныхъ вещей обращать въ свою собственность и принадлежащее бѣднымъ не могутъ употреблять какъ собственное или давать въ даръ родственникамъ [3]). Правила-же св. Апостоловъ устанавливаютъ еще и обязанность епископа (пресвитера и дьякона) непремѣнно (подъ угрозой отлученія и изверженія) помогать нуждающимся клирикамъ [4]), при чемъ Зонара толкуетъ это правило такъ: „если предстоятели церкви должны удовлетворять другихъ нуждающихся, сколько возможно, то сколько болѣе должны удовлетворять подчиненныхъ имъ клириковъ, находящихся въ бѣдности“? Помѣстный соборъ Антіохійскій [5]) опредѣляетъ уже обязанности епископа по раздачѣ бѣднымъ помощи гораздо точнѣе:

ждать, что основой такой отчетности было то, что посвятившая себя дѣвству являлась какъ бы принадлежавшей къ клиру. Но, съ другой стороны, если принять во вниманіе посланіе къ Коринѳ., гл. 7, ст. 34—40, дѣва уже потому пользовалась особымъ покровительствомъ, что она, какъ дѣва, заботилась о Господнемъ, какъ угодить Господу. Слѣдовательно, и 44 канонъ имѣетъ цѣлью установленіе извѣстныхъ обязанностей (болѣе детально проведенныхъ, чѣмъ общее положеніе—служить Господу) за это особое покровительство.

[1]) Канонъ 2-й. Правила св. отцовъ, изд. чт. въ О. Л. Д. Пр., стр. 567.

[2]) Канонъ 38. изд. чт. въ О. Л. Д. Пр., стр. 73.

[3]) Ibid., толкованіе Зонары.

[4]) Канонъ 59.

[5]) Канонъ 24.

требуется отъ епископа распоряжаться съ разсужденіемъ, требуется, чтобы ничто принадлежащее церкви не было епископомъ скрыто отъ окружающихъ его пресвитеровъ и дьяконовъ. Тотъ-же соборъ опредѣлилъ: епископу имѣть власть надъ церковнымъ имуществомъ и пусть распоряжается имъ со всякой осмотрительностью и со страхомъ Божьимъ, на пользу всѣхъ нуждающихся. Но если онъ обратитъ что на свои домашнія надобности и употребитъ доходы церкви или плоды ея полей безъ согласія пресвитеровъ и дьяконовъ, то долженъ представить отчетъ собору области. Соборъ обсуждаетъ этотъ вопросъ и въ случаѣ доноса на епископа съ пресвитерами и дьяконами въ томъ, что они пользуются церковными доходами съ утѣсненіемъ убогихъ [1]). На эту-же тему говоритъ и 26 канонъ карѳагенскаго помѣстнаго собора. Еще точнѣе выясняетъ всѣ эти обязанности епископа седьмой вселенскій соборъ [2]), который, суммируя всѣ предъидущія постановленія, даетъ имъ дальнѣйшее развитіе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что идея самопожертвованія, которая проникала собой первоначальную покровительственную дѣятельность христьянъ (покровительственную въ смыслѣ помощи со стороны болѣе сильныхъ болѣе слабымъ), какъ только эта дѣятельность получила организацію, смѣнилась идеей благотворительности или помощи въ собственномъ смыслѣ, а затѣмъ постепенно начала принимать характеръ попечительства. Но ни эта благотворительность, ни это попечительство не могутъ еще обсуждаться, какъ отношенія по законной защитѣ, такъ какъ обязанностямъ, налагавшимся на епископовъ, соотвѣтствовали права соборовъ на контроль и судъ, а не права бѣдныхъ на помощь: это были обязанности по управленію церковнымъ имуществомъ, характеризующія за-

[1]) Кан. 25.
[2]) Кан. 12.

мѣну идеи самопожертвованія идеей благотворительности, но не обязанности по помощи и защитѣ, характеризующія идею патроната въ спеціальномъ смыслѣ этого слова.

Здѣсь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть еще ту сторону дѣятельности епископа, которая выражалась въ признаваемомъ закономъ правѣ ихъ на защиту тѣхъ изъ паствы, кто въ такой защитѣ нуждался. Это та сторона дѣятельности, которая скоро спустя составила содержаніе нѣкоторыхъ изъ функцій должности экдика[1]).

Еще по кодексу Юстиніана епископы имѣли полномочія, вродѣ тѣхъ, которыя связывались съ должностью уже извѣстныхъ намъ дефензоровъ, что въ литературѣ предмета породило даже мнѣніе, будто дефензорами были всегда епископы[2]). Послѣдующее законодательство[3]) окончательно связало съ епископствомъ права и обязанности по дефензорской защитѣ, а постановленія соборовъ сдѣлали въ этомъ смыслѣ дальнѣйшія подтвержденія. Но епископъ, во первыхъ, не могъ удѣлять много времени на осуществленіе такой защиты; кромѣ того, по сану его, ему не всегда было удобно, какъ видно изъ тѣхъ же соборныхъ постановленій[4]), предстательствовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Поэтому часть функцій по защитѣ исполняли сначала дьяконы[5]), а затѣмъ эти функціи были возложены на экдиковъ, которые вскорѣ получили уже характеръ вполнѣ самостоятельной, состоящей

[1]) Мы говоримъ—нѣкоторыя функціи, такъ какъ другія функціи экдиковъ состояли въ веденіи въ свѣтскихъ судахъ судныхъ дѣлъ по хозяйству церковныхъ учрежденій. Суворовъ, Церковное право, стр. 47.

[2]) Опроверженіе этого, дѣйствительно, неосновательнаго мнѣнія представлено Galtier (Du role des evêques, стр. 68 и слѣд.). Отмѣтимъ также, что авторъ, повидимому, смотритъ на сущность должности дефензоровъ, подобно намъ, не какъ на органы власти, а какъ на органъ законной защиты. Стр. 63 и сл.

[3]) Новелла 86-я.

[4]) См. кан. 7-й св. пом. сардикійскаго собора.

[5]) Ibidem.

при епископствѣ, должности. Что экдики несли эти обязанности, видно изъ посланія африканскаго собора къ Келестину, папѣ римскому [1]). Какія именно были эти обязанности, это мы видимъ изъ правилъ халкедонскаго вселенскаго собора [2]). „Для защиты лицъ,—сказано тамъ,—которымъ особенно нужно оказать церковную помощь, каковы ищущія убѣжища во святой церкви изъ страха передъ сильными людьми, отъ которыхъ терпятъ несправедливости, или, можетъ быть, и учинившія какой-либо проступокъ, но ищущія заступничества церкви, также несправедливо увлекаемые въ рабство и другіе подобные—для защиты такихъ лицъ существуютъ экдики".

Но можно-ли считать какъ эти функціи епископа по защитѣ, такъ и должность экдиковъ, по аналогіи съ дефензорами, одной изъ формъ проявленія идеи законнаго патроната? Намъ кажется, что отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный. Во первыхъ, мы нигдѣ не находимъ въ источникахъ указанія на обязанность епископа оказывать такую защиту и только знаемъ о правѣ его оказывать ее. Если-же экдики были обязаны защищать, то во имя ихъ подчиненности епископу и насколько епископъ желалъ пользоваться своимъ правомъ. Во вторыхъ, мы не находимъ также указаній, чтобы защита эта налагала обязанности на того, кто ею пользуется. Лица, пользовавшіяся убѣжищемъ церкви, несли обязанности, но это были не обязанности изъ защиты, а изъ убѣжища; лица, получавшія защиту иного рода, могли нести обязанности (быть благодарными, оказывать поддержку епископу во время его споровъ со свѣтской властью или съ другими епископами) [3]),

---

[1]) „Но многочисленный соборъ нашъ нашелъ столь многія и столь великія беззаконія Акіерія, что они превозмогли дѣйствія выше названнаго Фаустина, каковыя были скорѣе покровительствомъ, нежели судомъ и ходатайствомъ, экдику свойственнымъ, чѣмъ справедливостью, приличной изслѣдователю". Пр. пом. соб. стр. 1671—1672.

[2]) Канонъ 3-й; ср. толк. Зонары.

[3]) Косвенное доказательство этому мы находимъ во 2 правилѣ Сардикій-

но это были обязанности нравственныя, а не юридическія [1]). Наконецъ, если говорить не о правѣ убѣжища, а о защитѣ въ видѣ предстательства за подвергающагося гоненію или несправедливости, то она устанавливалась лишь, какъ одна изъ формъ контроля верховной власти надъ должностями [2]); если-же говорить о тѣхъ формахъ защиты, гдѣ епископъ выступалъ, какъ рѣшающая инстанція, то тутъ онъ осуществлялъ лишь свою епископскую власть [3]). Остается та форма защиты, которая въ источникахъ называется азилитетомъ. Можно-ли признать азилитетъ проявленіемъ идеи законной защиты? Намъ думается, что утвердительный отвѣтъ дать нельзя. Возникнувъ на почвѣ законодательныхъ попытокъ ослабить кровную месть, азилитетъ первоначально имѣлъ свое содержаніе въ томъ, чтобы дать возможность неумышленному убійцѣ спастись отъ кровной мести, пока не будетъ выясненъ вопросъ, какого рода убійство онъ совершилъ: убійца оберегался въ случаѣ, если убійство оказывалось не предумышленнымъ, отъ мести. По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ выясняетъ этотъ институтъ Библія [4]). Слѣдовательно, тутъ азилитетъ имѣлъ значеніе от-

---

скаго и въ 64 правилѣ кароагенскаго помѣстныхъ соборовъ. И тамъ, и тутъ говорится о епископахъ, мнящихъ видѣть свою твердость въ народѣ, который окутанъ ими искательствомъ, неумѣстной защитой, подкупомъ и т. д. Можно думать, слѣдовательно, что то или иное отношеніе епископа или его экдика къ указаннымъ обязанностямъ по защитѣ отражалось на настроеніи народа по отношенію къ епископу.

[1]) Интересно, между прочимъ, прослѣдить, какъ постепенно свѣтская власть начинала все болѣе и болѣе съуживать это право епископовъ на защиту отъ несправедливости и гоненій со стороны судей, правителей иноблей. См., напр., Capitul. Reg. Franc. (ad leg. Langob.) XIV, изд. Walter'a т. III, стр. 161.

[2]) Nov. LXXXVI особенно въ этомъ смыслѣ характерна. Здѣсь, между прочимъ, говорится: „iubemus sanctissimum", но едва-ли тутъ обязанность, а не право.

[3]) Напр. C. J., I, 4, l. 12, l. 14, l. 33. Здѣсь рядомъ съ religiosissimi episcopi упоминаются и clarissimi provinciarum rectores или прямо магистраты; епископъ, слѣдовательно, дѣйствуетъ здѣсь во имя своей власти, а не во имя спеціальныхъ отношеній по защитѣ.

[4]) Исх. 21, ст. 14; Числа 35, ст. 9—35; Второз. 19, ст. 1—10. Ср. Michaelis, ц. с. т. II, стр. 419 и сл., т. VI., стр. 58. Что Библія именно такъ по

части мѣры безопасности: сохранялась жизнь обвиняемаго до суда надъ нимъ. Послѣ же суда надъ нимъ, азилитетъ пріобрѣталъ характеръ своего рода наказанія, которое было несомнѣнно покровительствомъ, если сравнивать съ тѣмъ, чѣмъ грозила кровная месть, но само по себѣ имѣло все таки полное значеніе изгнанія. По Библіи (Ч. 35, 28) непредумышленный убійца долженъ былъ находиться въ убѣжищѣ до смерти главнаго священника и только послѣ смерти его могъ возвратиться въ свою землю, при чемъ изгнаніе отягчалось и отнятіемъ свободы передвиженія, такъ какъ пользующійся убѣжищемъ могъ быть убитъ мстителемъ, если выйдетъ за предѣлъ города убѣжища (ст. 26). У грековъ и римлянъ, на сколько можно думать[1], азилитетъ хотя уже и не служилъ средствомъ обезопасить личность до суда надъ ней, но, по существу, являлся также своего рода наказаніемъ: лицо, прибѣгавшее къ святынѣ, объявляло себя sacer, внѣ закона, и, находясь въ безопасности въ мѣстѣ убѣжища, объявляло себя внѣ закона, если покидало убѣжище. Слѣдовательно, и тутъ можетъ итти рѣчь о покровительствѣ лишь сравнительно съ тѣмъ наказаніемъ, страхъ передъ которымъ заставлялъ человѣка искать убѣжища въ храмѣ или у святыни. Позднѣйшее законодательство, во избѣжаніе злоупотребленій, значительно ограничило сначала число мѣстъ, служившихъ убѣжищами[2],

---

нимаетъ институтъ убѣжища видно изъ сопоставленія: „выберите себѣ города, которые были бы у васъ городами для убѣжища, куда бы могъ убѣжать убійца, убившій человѣка неумышленно" (Ч. 35, 11); въ случаѣ преднамѣреннаго убійства „общество должно разсудить между убійцей и мстителемъ за кровь" (24); въ случаѣ, если общество признаетъ непредумышленность, „должно возвратить его въ городъ убѣжища его, куда онъ убѣжалъ" (25).

[1] Подробности см. Dann, Asylrecht, Z. f. d. R. III, стр. 327 и сл. Также Wallon, Droit d'asyle; Osiander, De asylis gentium, Gronow's Thesaur., VI. По новѣйшимъ даннымъ, которыя мы находимъ въ Parerga Перниче, можно предполагать, что исторія азилитета у грековъ шла инымъ путемъ, чѣмъ у римлянъ. Впрочемъ, это вѣдь не мѣняетъ сущности идеи. См. Z. der Savigny — Stift., т. XVII, Romanist. Ab. стр. 177 и сл.

[2] При Каракалѣ, см. Pauly, Real-Encyclopaedie, стр. 1947.

а затѣмъ—и число случаевъ, которые допускали замѣну наказанія (а также уплаты долга, подати) заключеніемъ въ убѣжищахъ [1]). Это показываетъ, что пребываніе въ убѣжищѣ по поводу нѣкоторыхъ категорій укрывавшихся считалось наказаніемъ очень легкимъ, не совмѣстимымъ съ государственными задачами, но это же показываетъ, что государство, мирясь съ азилитетомъ, исходило совсѣмъ не изъ идеи патроната: государство видѣло въ азилитетѣ во первыхъ, одну изъ формъ контроля надъ должностями, во вторыхъ, желательное для идеи государственнаго индивидуализма ограниченіе частнаго суда и расправы, этихъ во всякомъ случаѣ, центробѣжныхъ, а не центростремительныхъ элементовъ [2]). Другими словами: законъ устанавливалъ азилитетъ во имя идеи индивидуализма, а не во имя идеи патроната; самое-же пребываніе въ азилѣ для пользовавшагося имъ являлось защитой не потому, что имѣло цѣлью создать условія для развитія его силъ, а потому лишь, что спасало отъ болѣе тяжелаго наказанія. Если съ распространеніемъ христьянства во главѣ азилитета стали представители духовной власти, то это понятно само собой, такъ какъ мѣстами убѣжища считались храмы, а впослѣдствіи и все, что принадлежало къ храмамъ до во-

---

[1]) Ограничительныя постановленія эти шли въ двоякомъ направленіи: 1) ограничивались случаи азиля вообще и 2) исключались тѣ случаи, когда преступленіе такъ или иначе нарушало государственные интересы. Ср. Dann. ц. с., стр. 337 и сл. Впрочемъ, самъ законодатель считаетъ азилитетъ покровительствомъ, что видно хотя бы изъ словъ: templorum cautela non nocentibus sed laesis d tura lege et non erit possibile utrumque tueri cautela sacrorum locorum et laedentem et laesum. (Nov. 17, 7). Но здѣсь законодатель имѣетъ въ виду только тѣ случаи азиля, когда послѣдній являлся видомъ контроля надъ государственной и частной юрисдикціей.

[2]) Своеобразный видъ азиля встрѣчаемъ мы у сѣверныхъ народовъ, а также и у нѣкоторыхъ славянъ, напр.,—чеховъ: спасающійся у женщины (у чеховъ—у груди женщины) считается въ полной безопасности. „Flüh ein Wolf (тутъ бѣжавшій преступникъ) zur Frouwen man soll in lazen leben“—такъ говорили на сѣверѣ. (Dann, ц. с., стр. 334). О такомъ-же азилѣ разсказываетъ и Гильфердингъ въ его путевыхъ замѣткахъ о Босніи.

ротъ включительно. По характеру-же даваемой защиты азилитетъ и въ христьянское время сохранилъ то-же содержаніе, какъ и въ языческую эпоху, причемъ, подобно азилитету Библіи, служилъ иногда мѣрой охраненія безопасности преступника до суда надъ нимъ [1].

Такимъ образомъ, мы можемъ снова вернуться къ тому, съ чего начали: признавая людей равными, церковь и не могла въ предѣлахъ своей организаціи чувствовать потребность въ установленіи законной защиты въ собственномъ смыслѣ. Но по отношенію къ церкви мы встрѣчаемъ въ исторіи (этотъ видъ патроната существуетъ и въ наши дни) вполнѣ выраженное проявленіе этой идеи. Мы говоримъ о такъ называемъ церковномъ патронатѣ (der Kirchliche Patronat) [2]. Этотъ патронатъ возникъ въ силу необходимости для епископа имѣть при себѣ мірянина, который защищалъ бы на свѣтскомъ судѣ права и преимущества церкви [3]. Такой мірянинъ назывался фогтомъ или адвокатомъ [4]. Когда-же основывался новый храмъ, новое аббатство и т. д., то на волю основателя предоставлялось отдать охрану правъ и

---

[1]) Проф. Суворовъ („Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви"), стр. 368, думаетъ, что право убѣжища выработалось изъ права епископскаго ходатайства за осужденныхъ. Авторъ отрицаетъ сродство христьянскаго азилитета съ языческимъ и придаетъ первому значеніе покровительства въ полной мѣрѣ.

[2]) Вопросъ о церковномъ патронатѣ возбуждаетъ въ спеціальной литературѣ не мало споровъ и потому разсмотрѣнію его посвящено не мало изслѣдованій. Указанія на литературу см. Richter (8-е изданіе), Lehrbuch d. kath. und. evang. Kirchenrechts, примѣч. къ § 186, стр. 665. Для нашей цѣли было достаточно собрать только тѣ положенія, которыя считаются наиболѣе установленными.

[3]) Leg. Lang. Car. Magni, cap. C.. изд. Вальтера, VI.

[4]) Capit. imperat. Cap. Hlotar. tit. III, VII. Но эту защиту слѣдуетъ отличать отъ той защиты, которую давалъ церкви въ силу своей власти король или по его порученію графъ (Schirmvogtei). См. Eichgorn, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte, т. I, стр. 727. Тутъ мы видимъ новое подтвержденіе нашей мысли, что защита, даваемая во имя власти, не является проявленіемъ идеи патроната въ собственномъ смыслѣ.

преимуществъ основаннаго имъ храма или аббатства королю, епископу или-же оставить эти обязанности за собой и своими наслѣдниками. Въ первомъ случаѣ, т. е., если охрана правъ представлялась королю, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда основателемъ храма или монастыря являлся самъ король, фогтомъ вновь основаннаго учрежденія назначалось лицо по выбору короля или, по меньшей мѣрѣ, съ его утвержденія, и за епископомъ оставалось лишь право надзора за управленіемъ имуществомъ [1]). Во второмъ случаѣ, т. е. если охрана правъ предоставлялась епископу, вновь учрежденное аббатство и проч. подпадало подъ непосредственную защиту епископа или его фогта [2]). Что же касается послѣдняго случая, то тамъ, гдѣ рѣчь шла о вновь учрежденномъ монастырѣ, аббатствѣ или храмѣ епископскомъ, основатель дѣлался фогтомъ, а тамъ, гдѣ рѣчь шла объ обыкновенныхъ храмахъ, основатель дѣлался патрономъ. Едва-ли разница названій вела къ разницѣ по существу, но разницу количественную, кажется, все таки можно отмѣтить: фогтъ болѣе охранялъ, чѣмъ укрѣплялъ, патронъ болѣе укрѣплялъ, чѣмъ охранялъ. Судя по капитуларіямъ, патронъ относился къ патронируемой церкви и ея имуществу, какъ къ своей собственности [3]), неся обязанность поддерживать церковныя строенія и доставлять содержаніе клиру [4]); онъ имѣлъ право даже отчуждать и передавать другимъ собственность церкви и церковное имущество, при чемъ законъ ставилъ одно ограниченіе „tantumodo ut Ecclesia non destruatur“ [5]); онъ наконецъ вліялъ на назначеніе духовныхъ лицъ, а иногда и замѣщалъ духовныя должности по своему произволу [6]). Съ

---

1) См. Eichgorn, ц. с. стр. 730.
2) Ibid., стр. 728, прим. b.
3) Cap. Car. M., LIV; Leg. Hlotari. tit. III. II.
4) Richter, ц. с. стр. 670.
5) Eichgorn, ц. с., стр. 731, пр. г.
6) Richter, ц. с. стр. 671.

теченіемъ времени, однако, наступила реакція противъ правъ патрона въ такомъ объемѣ [1]), и его права свелись къ jus praesentandi по отношенію къ имуществу (Dingliche Patronate). Правда, у патрона оставалось еще право предложенія, т. е. право рекомендовать духовное лицо на вакантную должность, но это право давалось уже только въ видѣ благодарности за оказанныя церкви услуги [2]). Въ общемъ-же, права церковнаго патрона свелись къ слѣдующему: 1) jus praesentandi seu nominandi, о которомъ мы сейчасъ говорили: 2) jura honorifica, состоявшіе въ почетныхъ преимуществахъ патрона, сравнительно съ другими прихожанами; 3) jura commodi—въ правѣ на помощь, въ случаѣ его обѣдненія. Обязанности-же патрона выражались въ advocatia seu protectio—въ обязанности содержать церковь и клириковъ и принимать участіе въ управленіи [3]). Аналогичное значеніе имѣетъ и такъ называемый духовный патронатъ, когда права патрона сосредоточиваются въ рукахъ духовнаго лица или монастыря, но мы затрудняемся причислить этотъ видъ къ проявленіямъ идеи законнаго патроната въ точномъ смыслѣ, такъ какъ тутъ весьма трудно отличить какія права и обязанности вытекаютъ изъ идеи власти (духовный надзоръ, контроль и проч.) и какія—изъ идеи законной защиты [4]).

Не трудно видѣть, гдѣ основанія, вызвавшія установленіе церковнаго патроната. Идея законной защиты находитъ осуществленіе при наличности юридической слабости, но послѣдняя, какъ мы уже не разъ имѣли случай говорить, состоитъ не только въ отсутствіи тѣхъ или иныхъ правъ, а въ

---

[1]) Подробное изложеніе этого историческаго процесса см. Kaim, Das Kirchenpatronatrecht, т. I, II.

[2]) Richter, ц. с., стр. 674.

[3]) Bruno-Schilling, Der kirchliche Patronat nach canonischem Rechte, стр. 1—2.

[4]) Ср. Richter, ц. с., стр. 675.

вмѣшательствѣ такого правового основанія, при которомъ является затруднительнымъ полно и всецѣло пользоваться даже имѣющимися правами безъ посторонней помощи. Всякая вновь выстроенная церковь, всякое вновь созданное аббатство или монастырь для прочности существованія нуждались въ имуществѣ, которое и давалось основателемъ церкви, монастыря, аббатства. Но это имущество, во первыхъ, могло оказаться недостаточнымъ для прочнаго существованія даннаго учрежденія—не устанавливай законъ патроната, учрежденіе было бы предоставлено на волю случайностямъ, и благочестивое рвеніе основателя подало бы лишь поводъ ко всякаго рода соблазнамъ. Если-же, во вторыхъ, это имущество и оказалось бы достаточнымъ, то только при постоянномъ и бдительномъ надзорѣ и тщательно веденномъ управленіи (а это несовмѣстимо съ прямымъ назначеніемъ духовныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ храма, монастыря и т. д.) можно быть увѣреннымъ, что вновь созданное учрежденіе съ теченіемъ времени не придетъ въ упадокъ. И въ то время, какъ въ однихъ случаяхъ патронатъ устанавливался съ цѣлью обезпечить прочность вновь создаваемаго учрежденія дальнѣйшими пожертвованіями со стороны основателя, въ другихъ случаяхъ на патрона-основателя и его потомство возлагалась обязанность управленія уже имѣющимся имуществомъ. Основатель былъ патрономъ въ силу своей связи съ учрежденіемъ, имъ основаннымъ, и по праву, предоставленному закономъ. Законъ-же опредѣлялъ и его обязанность давать защиту, и его права по защитѣ и самый характеръ этой защиты. Такимъ образомъ, мы имѣемъ тутъ вполнѣ выраженную форму проявленія идеи законной защиты, какъ мы ее понимаемъ [1]).

[1]) Подробности о церковномъ патронатѣ въ наши дни, см. Richter, Kaim, Bruno-Schilling. ц. с. Послѣдній даетъ обстоятельное и всестороннее изложеніе этого института съ юридической его стороны; Kaim—съ бытовой и исторической.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о такъ называемой папской защитѣ, т. е. о защитѣ, которая давалась римскимъ папой учрежденіямъ, союзамъ и отдѣльнымъ лицамъ или по ихъ просьбѣ, или-же по инициативѣ папы. Дѣйствительность и юридическое значеніе этой защиты объясняются тѣми историческими обстоятельствами, которыя придавали каѳедрѣ римскаго епископа особую силу въ сравненіи съ другими епископскими каѳедрами. Самая-же защита выражалась или въ общемъ обѣщаніи охранять права, преимущества или привиллегіи лица, союза или учрежденія, или въ спеціальномъ—въ томъ отношеніи, о которомъ вчинялась просьба. Но, съ нашей точки зрѣнія, такая защита не можетъ считаться проявленіемъ идеи законной защиты, такъ какъ защита оказывалась папой во имя его сана и власти, основаніемъ защиты была фактическая беззащитность и самая защита поэтому была поэтому лишь правомъ папы, а не его обязанностью [1].

---

[1]) Подробности см. Blumenstock, Der päpstliche Schutz im Mittelalter. Эта книга представляетъ для насъ еще и тотъ особенный интересъ, что въ введеніи авторъ высказываетъ мысли, имѣющія много общаго съ тѣми положеніями, которыя легли въ основу нашего изслѣдованія. Но авторъ, полагаясь на авторитетъ цитируемыхъ имъ работъ (стр. 5 и сл.) не желаетъ признавать разницу между видами защиты и потому отказывается отъ мысли дать имъ юридическую конструкцію.

VI.

Свѣтская организація.—Значеніе идеи законной защиты въ общемъ строѣ средне-вѣковой жизни. Описаніе отношеній вассалитета. Патронатъ надъ городами. Патронатъ городовъ: Schutzverwandte, Muntmannen и проч. Являются-ли проявленіемъ идеи законной защиты гильдіи? Являются-ли проявленіемъ идеи законной защиты цехи? Патронатъ надъ цехами.

Христіанство внесло въ міръ идею равенства людей передъ Богомъ, но, какъ мы уже говорили, не уничтожило ни фактическаго, ни юридическаго неравенства. Христьянство, такимъ образомъ, нисколько не ослабило значенія тѣхъ проявленій идеи законной защиты, съ которыми мы встрѣчались уже при разсмотрѣніи языческой культуры. Съ другой стороны, строй общественной жизни подпалъ подъ вліяніе совсѣмъ новыхъ факторовъ, совокупность которыхъ находила особо интенсивную потребность въ проявленіяхъ идеи законной защиты. И то, что въ жизни римлянъ, грековъ, древнихъ германцевъ являлось лишь одной изъ частностей общественнаго строя, постепенно пріобрѣтало смыслъ основы всего строя, дѣлалось его первымъ планомъ. Можно поэтому прямо сказать, что средніе вѣка, начиная съ IX столѣтія, представляютъ изъ себя картину самаго полнаго и положительно всесторонняго господства въ общественныхъ отношеніяхъ идеи законной защиты, этой теперь уже выразившейся въ сложной и стройной системѣ идеи.

IX вѣкъ застаетъ Европу въ моментъ, когда отдѣльныя народности, до того или искавшія еще себѣ осѣдлости или не успѣвшія еще укрѣпиться на завоеванныхъ земляхъ, начинаютъ складываться въ государства, но когда государственная власть не обладаетъ настолько крѣпостью и силой, что-

бы явиться дѣйствительнымъ противовѣсомъ центробѣжнымъ элементамъ. А послѣднихъ было много: такъ какъ постаментомъ всего общественнаго строя было начало крупной поземельной собственности, то и государства, слагавшіяся на этомъ постаментѣ, были только подобіями государствъ. Въ дѣйствительности-же, это были непрочныя единенія представителей всякаго рода привиллегій, основанныхъ на крупной земельной собственности, при чемъ самыя эти привиллегіи по характеру своему противорѣчили государственному началу. Верховная власть, стоявшая во главѣ этихъ единеній, была призрачной властью для тѣхъ, кто считалъ за собой эти привиллегіи; сама-же по себѣ эта верховная власть вытекала опять таки изъ привиллегій, связанныхъ съ земельной собственностью. Первенствующей тенденціей было обращать должность въ самостоятельное право, за случайнымъ превосходствомъ укрѣплять наслѣдственно значеніе преимущества, становиться въ силу того и другого между властью и тѣми, кто не получилъ своей доли въ земельной собственности или получилъ лишь небольшую сравнительно долю; наконецъ, для защиты правъ и привиллегій опираться не на власть, а, наоборотъ, на тѣхъ, кто видѣлъ для себя единственную охрану въ этихъ правахъ и привиллегіяхъ, противъ власти, для чего и стягивать народъ, населявшій данное земельное владѣніе, подъ защиту правъ и привиллегій, основанныхъ на этомъ-же земельномъ владѣніи [1].

Такимъ образомъ, если источникомъ юридической слабости однихъ сравнительно съ другими являлась прежде исключительность права, то теперь правовымъ основаніемъ, рождавшимъ юридическую слабость, являлась исключительность поземельной собственности. Имѣть земельную собственность

---

[1]) Ср. Roth. Feudalität und Unterthanverband, стр. 27 и сл.; Schulte, Lehrbuch d. d. R. u. Rg., § 68 и сл.; Roth, Beneficialwesen, стр. 416 и сл., Waiz, Deutsche Verfassungsgeschichte, II, 650 и сл., IV, 543 и сл.

или не имѣть ее—само по себѣ, это только фактъ; но обладаніе земельной собственностью вело къ цѣлому ряду преимуществъ и правъ. Отсутствіе земельной собственности, слѣдовательно, ставило лицо въ такія условія, совокупность которыхъ дѣлала его уже не только фактически, но и юридически слабымъ. Отсюда не трудно заключить, насколько важнымъ представлялось для него найти себѣ защиту со стороны тѣхъ, кто въ указанномъ смыслѣ былъ сильнѣе его; а такъ какъ поземельная собственность была сосредоточена въ немногихъ рукахъ, то ясно поэтому, что отношенія по защитѣ должны были сдѣлаться преобладающими отношеніями того времени.

Таковыми они, въ дѣйствительности, и были: индивидъ ищетъ защиты у индивида, устанавливается какъ бы начало защиты и для земельныхъ участковъ, которые какъ бы дѣлятся на классы, смотря по тому, являлся-ли ихъ собственникомъ сеньоръ или вассалъ. При этомъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ Viollet [1]) сдѣлать еще одно замѣчаніе: едва-ли можно разсматривать патронатъ со стороны сеньоровъ, какъ нѣчто новое, какъ явленіе, обусловленное причинами, только впервые воздѣйствовавшими въ разбираемое время. Какъ было сказано выше, условія эпохи дали иное обоснованіе отношеніямъ, но сущность ихъ осталась все та-же: патронатъ служилъ источникомъ защиты, которой нельзя было ждать отъ слабой государственной власти. Кому благопріятствовали обстоятельства, тотъ захватывалъ себѣ права, отдѣльнымъ личностямъ въ государствѣ не свойственныя; но государственная власть должна была мириться съ создаваемой такимъ путемъ исключительностью права, и тѣмъ, кто видѣлъ себя въ силу всего этого юридически слабымъ, приходилось искать защиты у

---

[1]) Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives de la France, т. I, стр. 425 и сл.

сеньоровъ, хотя бы и путемъ установленія извѣстной зависимости [1]) Другими словами: тутъ та-же исключительность права, какъ и въ Римѣ, тутъ тотъ-же институтъ, что и римская кліентелла [2])

Какъ мы знаемъ еще изъ предъидущаго изложенія, племенамъ, которыя впослѣдствіи образовали европейскія государства, и до IX вѣка была извѣстна идея законной защиты: ей подлежали лица, занимавшія среднее положеніе между вполнѣ свободными и несвободными, какими, какъ мы знаемъ, были литы, fulfreal и т. п. Впослѣдствіи, однако, стало проводиться болѣе общее дѣленіе: свободные и несвободные, но свободные, въ свою очередь, дѣлились: на liberi qui habent и liberi, qui proprium non habent, sed in terra dominica resident [3]). Послѣдніе были лично свободны, но у нихъ не было земли, и это рождало для нихъ юридическую слабость, мириться съ послѣдствіями которой они могли только найдя защиту у тѣхъ, qui liberi sunt et proprium possident. Послѣдніе-же, какъ понимается само собой, давали защиту лишь подъ условіемъ извѣстной зависимости и вытекавшихъ изъ нея обязанностей, и вотъ, какъ только возникаетъ норма, уже напередъ и однородно регулирующая подобныя отношенія, изъ фактическихъ эти отношенія становятся юридическими, давая содержаніе юридической идеѣ законной защиты [4]).

Было бы и затруднительно и для нашей цѣли безполезно ставить тутъ задачей перечислить всѣ разновидности отношеній, которыя создавались въ разбираемый періодъ во имя идеи законной защиты. Не отличаясь другъ отъ друга по су-

---

[1]) Beaudouin, La recommendation et la justice seigneuriale (Etude sur les orig. du rég. feod.), стр. 85 и сл.

[2]) Viollet, ц. с., стр. 428.

[3]) Capit. R. Franc., 829 г., с. VI, Walter, т. 3, стр. 386.

[4]) Ср. Нелидовъ. Обзор. нѣкот. сущ. вопросовъ, относящ. къ др.-герм. госуд. устройству, стр. 56.

ществу, эти разновидности [1]) отличались, главнымъ образомъ, названіями, смотря потому, какъ была велика та юридическая слабость, которая побуждала болѣе слабаго искать защиту у болѣе сильнаго. Намъ важно отмѣтить только одну общую всѣмъ этимъ разновидностямъ черту: патронатъ являлся тутъ единеніемъ свободныхъ людей, [2]) но людей различно поставленныхъ къ источнику юридической и фактической силы—поземельной собственности, при чемъ вездѣ права по защитѣ влекли за собой обязанность защищать, точно также, какъ и права на защиту вели къ обязанностямъ по защитѣ. Другими словами, это были отношенія двухстороннія [3]). Тотъ, кто бралъ на себя защиту, долженъ былъ оказывать ее, вездѣ, гдѣ могъ, иначе отношенія вассалитета [4]) прекращались [5]). Отсюда, согласно capit. Ludovici II, сеньоръ (патронъ) долженъ мстить за убитаго вассала или начинать преслѣдованіе противъ убійцы, при чемъ судья compescere non potuit, quod si aliquis ejus senior aut propinquus propter hoc vindictam facere conatus fuerit. [6]). Къ сеньору-же обращались, когда требова-

---

[1]) Многія разновидности перечисляетъ Waiz. ц. с., т. II, стр. 194 и сл. Но и онъ приводитъ только примѣры. Ср. Roth, Feudalit. стр. 28 и сл. Ср. также спеціальное изслѣдованіе Kindlinger, Geschichte der deutchen Hörigkeit; хотя послѣдній и занятъ, главнымъ образомъ, отношеніями крѣпостничества, но попутно авторъ разбираетъ и отношенія по законной защитѣ; напр., стр. 68 и сл.

[2]) Sachsenspiegel знаетъ: Vorsten, vriherren, schepenbare lüde (III, 45, § 1) ridders (I, 27, § 2), plechhaften. III, 45. § 4), и наконецъ,—lantceten (I, 2, § 1). Schwabenspiegel знаетъ: Wir zelen drier hande frien. der heizent eine semper frien: daz sint die frien herren als fürsten unde die ander frîen ze mon hânt. Sô heizent die andern mitel frien: daz sint die, die der hohen frien man sint. Die driten frîen daz sint die frîen lantsâzen, die gebûren die dâ frî sint. (Cap. 2). Sachsensp. изд. Lübben; Schwabenspieg. изд. Gengler. O schepenbare lude саксонскаго зерцала см. Zallinger, Die Schöffenbarfreien des Sachsenspiegels.

[3]) См. Waiz, ц. с. IV, стр 227.

[4]) Отношенія вассалитета и являются, въ сущности, отношеніями по законной защитѣ. См. Waiz, ц, с. IV, стр. 198.

[5]) Si senior vassali sui defensionem facere potest, postquam ei ipse manus suas comendaverit, et non fecerit, liceat vasallum eum dimittere. Cons. de liber. et vassalis c. 2.

[6]) Walter т. V, стр. 265, c. III., capit. in conv. Ticinensi.

лось наложить на вассала наказаніе или добиться отъ него удовлетворенія; съ другой-же стороны, сеньоръ замѣщалъ вассала и вообще на судѣ [1]). Вассалъ, въ свою очередь, служилъ сеньору, но главная его обязанность заключалась въ соблюденіи вѣрности, представленіе о которой доходило до того, что вассалъ не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ съ недругомъ сеньора [2]). На вассалахъ-же лежала обязанность помощи въ частной войнѣ [3]).

Чтобы дать болѣе подробное представленіе объ особенностяхъ этихъ отношеній, мы рѣшаемся привести описаніе одного отдѣльнаго сеньората (графства Bigorre), на сколько можно судить, [4]) мало чѣмъ разнившагося отъ общаго типа. Власть сеньора,—такъ начинается это описаніе, [5]) выражается въ томъ, что вассалы обязаны ему вѣрностью и почтеніемъ, а за земли, которыми пользуются—оброкомъ. Сеньоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глава управленія, и глава суда и финансоваго вѣдомства, онъ объявляетъ миръ и войну, онъ, наконецъ, и законодатель. Но его авторитету положены и границы: вассалы, обязанные вѣрностью и почтеніемъ, имѣютъ въ свою очередь, право требовать со стороны сеньора исполненія и цѣлаго ряда услугъ въ ихъ пользу. Вступая во владѣніе графствомъ, сеньоръ сзывалъ вассаловъ въ свой феодальный замокъ. Тамъ, въ большомъ залѣ, сходились бароны, епископъ, аббаты, депутаты городовъ, селъ и деревень. Поднявъ правую руку и наклонивъ голову, графъ клялся быть вѣрнымъ своимъ вассаламъ, судить ихъ справедливо, обращаться съ ними по закону и обычаю, оберегать ихъ.

---

[1]) Formulae Baluzianae, c. III и IV.. Walter, VI, стр. 460—461.

[2]) Подробное описаніе fidelitas вассаловъ см. t. XIX, de Carisiaco. Cap. Car. M., Walter. V, стр. 62.

[3]) Eichgorn, ц. с., § 304, II.

[4]) Извлекаемъ это описаніе изъ мемуара, читаннаго въ парижской академіи De Lagréze, подъ заглавіемъ La feodalitè dans les Pyrénées.

[5]) Ц. с., стр. 11 и сл.

Послѣ этого клялись въ вѣрности (foi et hommage) и вассалы; но они клялись, стоя на колѣняхъ. Какъ видно изъ текста такихъ клятвъ [1]), вассалъ обѣщалъ защищать жизнь и имущество сеньора, его права и привиллегіи, обѣщалъ быть ему не только слугой, но и совѣтникомъ, если понадобится; обѣщалъ хранить его тайны и проч. Вассалы описываемаго графства (а такъ было почти во всѣхъ сеньоратахъ) [2]) дѣлились на: 1) духовенство, 2) бароновъ, 3)ноблей, 4) города, 5) селенья, 6) общины. Духовенство было представлено епископомъ, аббатами нѣсколькихъ монастырей и пріоромъ. Епископъ былъ ближайшимъ лицомъ къ сеньору, и его вліяніе имѣло большое значеніе при улаживаніи распрей между сеньоромъ и вассалами, при чемъ, однако, заступничество епископа за вассаловъ было далеко не общимъ правиломъ: такое заступничество было лишь правомъ, но не обязанностью епископа [3]). Являясь по отношенію къ сеньору вассалами, епископъ и аббаты имѣли, въ свою очередь, вассаловъ, отношенія къ которымъ опредѣлялись уже указанными выше общими основаніями. Дворянство состояло изъ ба-

---

[1]) Вотъ одна изъ подобныхъ клятвъ (1490 г.): „Ledit monseigneur étant à genoux et tenant nos mains dans les siennes, sur le livre de messe et le Te igitur et vraie croix dessus posée, a fait et prêté hommage et serment de fidélité pour la baronnie et seigneurie de Lavedan, reconnaissant la tenir de nous en hommage et il a juré qu'il sera bon, fidéle et loyal sujet et vassal, qu'il defendra notre vie et notre corps, notre juridiction et nos droits, autorité et préeminence; qu'il nous évitera tous dommages et nous donnera, quand on lui en demandera, de bons conseils selon son savoir; qu'il ne révèlera aucun de nos secrets; que s'il apprend on vient à decouvrir qu'il se trame quelque chose de prejudiciable, de mauvais; ou de honteux contre notre personne, nos biens ou notre famille, il nous en informera soit par lui même, soit par un messager, et qu'enfin il remplira tous les autres devoirs accoutumés". П. с., стр. 13 и сл.

[2]) При всемъ разнообразіи средневѣковыхъ отношеній, въ общемъ не трудно замѣтить, что главнѣйшія, основныя черты однообразны,—говоритъ Гизо въ своемъ Cours d'histoire moderne. т. IV. стр. 37.

[3]) Это еще разъ подтверждаетъ наше мнѣніе, что защита епископовъ не можетъ считаться проявленіемъ идеи законнаго патроната въ собственномъ смыслѣ. (См. гл. 5 д. р.).

роновъ и виконтовъ,ноблей и рыцарей (les chevaliers milites). Каждый изъ нихъ, считаясь вассаломъ сеньора, имѣлъ своихъ вассаловъ. Объединяясь въ дружное войско для защиты правъ и привиллегій сеньората, они нерѣдко враждовали между собой изъ за обидъ, наносимыхъ вассаламъ одного изъ нихъ. Въ общемъ-же, они всегда помнили, что надъ ними сеньоръ, надъ сеньоромъ король, надъ всѣми ими—кутюмы [1]). Всѣ, кто не были дворянами, въ описываемомъ сеньоратѣ назывались roturiers (ruptuarius, qui rumpit terrum). Ихъ бароны и сеньоръ этихъ бароновъ, и король этого сеньора сохраняли за собой честь проливать кровь на поляхъ битвы, они-же, эти roturiers, поселяне (Landsassen) занимались земледѣліемъ и торговлей.

Les roturiers дѣлились на нѣсколько классовъ. Оставляя въ сторонѣ рабовъ, les ceysaux (censitarii), les questaux (колоны), какъ несвободныхъ или крѣпостныхъ, отмѣтимъ первымъ дѣленіемъ les routiers, т. е. сдѣлавшихся свободными колоновъ, или такъ называемыхъ—les francaux. Это были, какъ мы сейчасъ сказали, колоны, получившіе свободу. Но полная свобода для человѣка, не принадлежавшаго къ дворянству, т. е. не имѣвшаго достаточно независимой земельной собственности, являлась болѣе бременемъ, чѣмъ благомъ. Теряя сеньора, бывшій колонъ терялъ и покровителя, и вотъ, чтобы сохранить свободу хотя относительно, онъ отдавалъ себя вновь подъ защиту сеньора, но уже на нѣсколько иныхъ основаніяхъ: онъ платилъ поземельную подать (обыкновенно свиньями), исполнялъ обязанности свободныхъ вассаловъ (l'ost et la cavalcade) и вообще становился по отношенію къ сеньору болѣе въ лично зависимое, чѣмъ въ имущественно-зависимое положеніе. Слѣдующую, высшую ступень занимали свободные землепашцы (rustici). Ихъ положеніе опредѣлялось

---

[1]) De Lagréze, ц. с., стр. 52.

такъ: „que le paysan ait toujours la paix; qu'on ne puisse prendre en gage, ni saisir ses boeufs, ni ses instruments aratoires; qu'il ne soit obligé de suivre le comte en expédition militaire que lorsque des étrangers menacent d'envahir le pays". Общимъ-же выраженіемъ ихъ положенія было: „sunt immunes, franchi et liberi". Les routiers (свободные изъ нихъ) занимались также и торговлей, но дѣлались они купцами, не иначе, какъ съ разрѣшенія сеньора, въ силу его jus faciendi et creandi. Обыватели города (borgès) признавали также патронатъ сеньора, но, конечно, связь сеньора съ ними была слабѣе, чѣмъ съ свободными землепашцами, а, слѣдовательно, не такъ интенсивна была личная зависимость, какъ, съ другой стороны, и менѣе интенсивна была оказываемая сеньоромъ защита. Иногда, впрочемъ, бывало и такъ, что какой нибудь городъ даннаго сеньората находился не подъ непосредственнымъ покровительствомъ сеньора, а подъ покровительствомъ какого-либо барона или аббата, считавшагося въ числѣ вассаловъ сеньора; иногда городъ считался подъ непосредственнымъ покровительствомъ короля. Очень характерной является, между прочимъ, слѣдующая черта: никто въ городѣ или селеньи не имѣлъ права безнаказанно давать пріютъ чужестранцу, который могъ селиться въ городѣ только послѣ того, какъ созванные на площадь граждане (les voisins) опредѣляли ему покровителя [1]). Слѣдовательно, лицо, не имѣвшее покровителя, считалось какъ бы не лицомъ, оно становилось въ противорѣчіе со всѣмъ строемъ жизни, оно, такъ сказать, не имѣло всѣхъ элементовъ лица.

Сеньоръ, какъ по отношенію къ городамъ, такъ и по отношенію къ землямъ, обитателямъ которыхъ онъ оказывалъ непосредственное покровительство, имѣлъ цѣлый рядъ правъ.

---

[1]) Jbid. ц. с., стр. 75. Это въ общемъ то-же самое, что требованіе въ Англіи имѣть поручителя въ соблюденіи мира и порядка. См. Ковалевскій, Исторія полицейской администраціи въ Англіи, стр. 20 и сл.

Но каждое изъ этихъ правъ [1]) въ основѣ своей вытекало изъ понятія той защиты, которая, собственно, и вызвала къ жизни самый институтъ сеньората: одни изъ этихъ правъ входили въ составъ сеньоріи по защитѣ подвластныхъ, другія же были жалованы королемъ за помощь со стороны сеньора. Надежда на защиту побуждала населеніе поступаться частью своего имущества и частью своей независимости въ пользу сеньора; усиленіе, получаемое сеньоромъ отъ скопленія подъ его эгидой большого числа вассаловъ, побуждало его охотно обязываться защитой. Такимъ образомъ, если вассалъ находилъ въ сеньорѣ защиту, то сеньоръ находилъ въ вассалахъ ту армію, опираясь на которую онъ защищалъ и каждаго вассала въ отдѣльности, и весь сеньоратъ и самого себя. И эта особенность, намъ кажется, была типичнѣйшей особенностью патроната въ разбираемую эпоху. Впослѣдствіи, когда необходимость въ такой постоянной защитѣ, въ виду усиленія государственной власти, съ одной стороны, и въ виду коренныхъ измѣненій всего строя, какъ слѣдствія этого усиленія, съ другой, стала постепено ослабѣвать и даже исчезать—права сеньоровъ потеряли жизненное обоснованіе и получили характеръ злоупотребленія, лишь оправдываемаго исторіей. Но потому эти права и получили характеръ злоупотребленія, что ихъ первоисточникъ—законная защита перестала имѣть свой raison d'être. Отсюда мы дѣлаемъ тотъ прямой выводъ, что не права сеньора вызывали обязанность защиты, а защита, даваемая сеньоромъ, рождала для него извѣстныя права. Другими словами, тутъ еще разъ подтверждается то основное положеніе, изъ котораго мы исходимъ, пытаясь конструировать понятіе юридической защиты.

Для болѣе полнаго выясненія разбираемыхъ отношеній и какъ матерьялъ для сравненія, приведемъ описаніе вассалитета во Фландріи. Свободные отъ рожденія могли быть

---

[1]) Было бы безполезно пытаться перечислить всѣ права, которыя принадле

nobiles и вмѣстѣ съ тѣмъ milites и burgenses. Первые являлись сеньорами и имѣли своихъ вассаловъ. Burgenses, чтобы достичь такого же положенія, должны были прежде озаботиться полученіемъ рыцарскаго достоинства. Если рыцарь не имѣлъ крупной поземельной собственности, онъ поступалъ на службу къ магнату, коммендировался ему, но это не дѣлало его несвободнымъ. Онъ и не терялъ даже званія рыцаря. Но если онъ селился на землѣ магната, то могъ или попасть въ разрядъ вассаловъ-дворянъ, или-же въ разрядъ просто свободныхъ. Къ послѣднимъ относились: a) горожане (poorters, burgenses, cives), b) поселяне (laeti, hospites, submansores).

жали сеньорамъ по защитѣ, такъ какъ въ каждомъ почти сеньоратѣ мы встрѣчаемся съ различнаго рода особенностями, обусловливаемыми мѣстными соображеніями. Но вотъ перечень наиболѣе типичныхъ правъ: A) оброки и подати— они были самые разнообразные: иногда давались только натурой, иногда—монетой, иногда тѣмъ и другимъ; иногда это были оброки и подати въ собственномъ смыслѣ, иногда въ видѣ символа подвластности; иногда-же это были не оброки, а лишь подарки по случаю торжествъ въ семьѣ сеньора. Къ оброкамъ и податямъ слѣдуетъ отнести также и тѣ ежегодные дары, которые обязаны были быть приносимы подвластными баронами и ноблями. B) Повинности; главнѣйшія изъ нихъ: 1) обязанность оказывать пріютъ и вообще оказывать гостепріимство сеньору и его свитѣ во время путешествія сеньора по странѣ, 2) обязанность уплачивать пошлины сеньору при продажахъ помѣстій (lods et ventes); 3) обязанность платить сеньору la taille; C) по торговлѣ: 1) potestas faciendi et creandi по отношенію къ купцамъ, 2) le droit de leude по отношенію къ рынкамъ, 3) право пробы, т. е. право брать отъ всѣхъ привозимыхъ товаровъ на пробу; 4) право собирать дорожныя и заставныя пошлины; Д) особыя права: право запрещать вассаламъ продажу продуктовъ въ то время, когда сеньоръ продаетъ свои продукты, право запрещать постройку водяныхъ мельницъ (слѣдовательно, сеньоръ требовалъ, чтобы зерно свозилось къ нему на мельницу); E) обязаности за право держать у себя скотъ: 1) обязанность платить за каждую голову скота особую подать, 2) обязанность давать сеньору по овцѣ съ дома; 3) обязанность давать по пѣтуху и курицѣ съ дома; 4) обязанность приносить сеньору ежегодно извѣстное число яицъ, крынокъ молока, сыровъ и проч.; 5) обязанность помогать сеньору при устройствѣ охоты и право сеньора охотиться на земляхъ вассаловъ; F) обязанности личныя: 1) отправлять при сеньорѣ извѣстныя службы (смотря по роду отношеній и зависимости) въ торжественныхъ случаяхъ; 2) служить сеньору по обычаямъ; 3) отряжать стражу для охраны замка въ ночное время.

Далѣе идутъ уже крѣпостные разныхъ видовъ и рабы [1]). Степень подчиненности каждаго изъ этихъ видовъ вассаловъ зависѣла отъ того, насколько непосредственно къ магнату данное лицо было поставлено и насколько непосредственна была та защита, которую магнатъ оказывалъ лицу. Жизнь въ городѣ, гдѣ не было уже такой настоятельной нужды въ непосредственной защитѣ, дѣлала подчиненность сравнительно меньшей, пребываніе на землѣ магната дѣлало, наоборотъ, подчиненность чувствительнѣе. За то городъ охранялся болѣе собственными средствами, чѣмъ защитой магната, ландзассы-же всѣ надежды свои возлагали на защиту магнатовъ [2]). Что-же касается, въ частности, положенія летовъ, съ которыми мы уже встрѣчались въ предъидущемъ изложеніи, то и во Фландріи, какъ и въ другихъ странахъ Европы, подъ именемъ летовъ понимались лица разнаго положенія, то болѣе, то менѣе свободныя, но всегда, какъ это было и нѣсколько вѣковъ раньше [3]) находившіяся подъ покровительствомъ того, на чьей землѣ они селились. И теперь они не были крѣпостными въ собственномъ смыслѣ, не были они, однако, и независимыми. Они, напримѣръ, подлежали юрисдикціи патрона, несли въ его пользу повинности и обязанности, съ другой же стороны, они имѣли право носить оружіе и имѣли право жаловаться на господина, если онъ имъ не оказывалъ покровительства, гдѣ могъ оказать его [4]). Обратимся-ли мы къ Англіи, и тамъ найдемъ тѣ-же

---

1) Warnkönig, Flandrische Staats und Rechtsgeschichte, т. III, I, стр. 9 и сл.

2) И во Фландріи мы встрѣчаемся съ особыми законами относительно чужестранцевъ, пребываніе которыхъ въ странѣ дозволялось лишь подъ условіемъ имѣть покровителя (Jus albani, droit d'aubaine). См. Warnkönig. ц. с., стр. 14.

3) См. гл. 4 д. р.

4) Слѣдуетъ, однако, еще разъ оговориться, что слово леты употреблялось не только для обозначенія видового, но и для обозначенія родового понятія. Леты—полусвободные, т. е. свободные имущественно и полусвободные лично; кромѣ того,—вообще всѣ полусвободные и даже совсѣмъ не свободные, какъ напримѣръ, въ той-же Флондріи, гдѣ летами назывались иногда всѣ виды крѣпостныхъ, обязанныхъ и рабовъ. См. Warnkönig, ц. с., стр. 46 и сл.

отношенія по защитѣ и съ тѣмъ-же общимъ характеромъ. И тутъ мы находимъ разрядъ liberi homines commendati, которые коммендировались крупному землевладѣльцу, отдавая себя подъ его патронатъ [1]); и тутъ мы находимъ указанія на права и обязанности по патронату надъ вассалами, начиная съ рыцарей и кончая свободными ландзассами (фригольдерами) [2]), и тутъ, наконецъ, во главѣ крѣпостного населенія мы находимъ regardants, [3]) которые занимаютъ положеніе среднее между положеніемъ германскихъ литовъ и крѣпостныхъ.

О томъ, что города находились подъ патронатомъ сеньоровъ, грундгерровъ, магнатовъ, мы уже говорили. Можно впередъ сказать, что отношенія по законной защитѣ возникали и тутъ совершенно такъ-же, какъ и отношенія по законной защитѣ вассаловъ, жившихъ на землѣ сеньора внѣ городовъ. Какъ би кто ни смотрѣлъ на процессъ образованія городовъ, [4]) всѣ согласны въ томъ, что города возникали

---

1) Ковалевскій, Оꞏщественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, стр. 334

2) Ibidem, стр. 284 и сл.

3) Ibidem, стр. 292

4) По отношенію, напримѣръ, къ германскимъ городамъ существуютъ четыре главнѣйшія теоріи: 1) Эйхгорнъ дѣлаетъ центромъ своего изслѣдованія (Aufsatz über den Ursprung der städtischen Verfassung in Deutschland) такъ называемыя привиллегіи Оттона, которыя создали для патроновъ (Stadtherren) вотчинное право по отношенію къ городамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, Эйхгорнъ думаетъ, что первоначально города не были въ вотчинныхъ отношеніяхъ къ патрону, иначе привиллегіи Оттона не могли бы имѣть такого рѣшающаго значенія; 2) Арнольдъ (Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte), соглашается съ Эйхгорномъ въ томъ, что путемъ привиллегій Оттона различныя состоянія горожанъ были приведены къ одному праву, но не потому они были приведены, какъ думаетъ Эйхгорнъ, что искони свободные были подведены въ уровень съ не свободными подъ вотчинныя отношенія, а потому, что и не свободные были изъяты изъ вотчинныхъ отношеній въ собственномъ смыслѣ. (Онъ разсматриваетъ городскія должности, какъ имѣющія государственный, а не вотчинный характеръ); 3) Nitzch (Ministerialität und Bürgerthum im 11 und 12 Jahrhundert) радикально расходится съ воззрѣніями Арнольда: въ исторіи права городовъ рѣшающее значеніе онъ придаетъ министеріаламъ, слугамъ патроновъ, считая

при дѣятельной помощи со стороны тѣхъ, подъ чьимъ покровительствомъ находилась земля, на которой возникалъ городъ; всѣ согласны и въ томъ, что при отсутствіи сильной государственной власти развитіе городской жизни было тѣсно связано со степенью защиты, оказывавшейся городу со стороны его покровителя; согласны, наконецъ, и въ томъ, что, хотя впослѣдствіи грундгерры, ландсгерры и короли (они, впрочемъ, менѣе, чѣмъ кто-либо) придали своимъ отношеніямъ къ городамъ характеръ вотчинныхъ отношеній, вначалѣ они ставили своей цѣлью не проявленіе власти надъ городами, а развитіе самыхъ городовъ; иными словами—осуществляли цѣль законной защиты. Этому мы имѣемъ прямыя свидѣтельства. Такъ, патроны принимали участіе въ обнесеніи возникавшаго города стѣнами [1]), такъ какъ, вмѣстѣ съ селившимися въ городѣ они признавали значеніе стѣнъ, какъ оплота противъ опасности. Принимая на себя защиту вновь возникшаго города, патроны заботились о томъ, чтобы ключи отъ городскихъ воротъ каждый вечеръ сдавались имъ [2]).

ихъ службу зерномъ и первоисточникомъ всего городского устройства; слѣдовательно Nitzsch проводитъ вотчинное начало со всей строгостью; 4) Мауреръ (Geschichte der Städteverfassung in Deutschland) считаетъ прототипомъ городовъ марку, другими словами вотчиннымъ отношеніямъ отводитъ второстепенное мѣсто. Разсматривая исторію итальянскихъ городовъ, Гегель (Anhang zur Geschichte der italiänischen Städteverfassung) въ общемъ совершенно примыкаетъ къ Эйхгорну. Тимонъ (Die städtische Patronat im Ungarn) отмѣчаетъ въ исторіи венгерскихъ городовъ преобладающую роль покровительства со стороны магнатовъ. Babeau (La ville sous l'ancien regime), указывая на всю важность покровительства, оказываемаго городамъ со стороны сеньоровъ, повидимому, совсѣмъ не признаетъ для французскихъ городовъ значенія вотчиннаго начала.

[1]) См. Gengler, Deutsche Staatrechts Alterthümer, стр. 10. „Homines ejusdem loci ut admuniendum locum libentius et ferventius elaborent, liberos et immunes ab omni precaria et servitio ad sex annos continuos presentibus dimittimus“ (Böhmer's Act. imp. sel., стр. 352, № 454). Иногда патроны брали на себя половину расходовъ по починкѣ стѣнъ. (Ibid., стр. 12).

[2]) См. Gengler, ц. с., стр. 30. Съ теченіемъ времени, т. е. по мѣрѣ того, какъ города крѣпли, и горожане переставали нуждаться въ защитѣ патроновъ, завѣдываніе ключами передавалось городу, и это являлось чуть-ли не первымъ

Особенно-же важную роль сыгралъ патронатъ надъ городами въ исторіи развитія городской торговли, т. е. въ томъ именно отношеніи, которое преимущественно являлось залогомъ благосостоянія и роста всякаго города. Въ виду, съ одной стороны, господства кулачнаго права, а, съ другой,—въ виду разнообразія правовыхъ основаній, изъ которыхъ каждое по своему опредѣляло права лицъ на веденіе торговли и по торговлѣ, трудно было бы ожидать, какъ говоритъ Маурeръ [1]), чтобы горожане сами, безъ спеціальной защиты со стороны королей, ландсгерровъ, гутсгерровъ, могли придать торговому обороту правильность и постоянство. Защита патроновъ въ этомъ отношеніи состояла въ заботахъ о Marktfrieden, pax fori, forensis, frid des marchtes [2]), сущность котораго сводилась къ установленію однообразныхъ нормъ по торговлѣ, мѣръ къ охраненію порядка во время торговли, мѣръ къ охраненію порядка во время передвиженія товаровъ и купцовъ, наконецъ, къ установленію всякаго рода привиллегій для привлеченія въ данный городъ и усиленія въ немъ правильнаго торга. Pax fori давался королемъ на всю страну, точно также, какъ и ландсгерромъ на всѣ города его владѣнія, давался и грундгерромъ на находящійся на его землѣ городъ. Иногда ландсгерръ и грундгерръ только поддерживали pax fori, созданный королемъ, иногда-же они устанавливали pax fori по собственному почину. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, однако, они дѣйствовали не какъ

признакомъ освобожденія города изъ подъ защиты, тогда уже для него не необходимой и даже тягостной.

[1]) См. Маурeръ, ц. с., т. I, § 73.

[2]) Gengler, ц. с., стр. 152. Сущность pax fori сводится къ слѣдующему: quod omnes et singuli qui in foro pro emptionis et venditionis commercio exercendo confluxerint, in personis et rebus regis et imperio protectione speciali congaudeant. (Gaupp, Deutsches Stadtrecht, I, стр. 123). Общеизвѣстно также постановленіе Карла Великаго: „Negotiatores volumus ut ex mandato nostro patrocinium habeant in regno nostro legitimo“. Capit. 796 г.

власть, а какъ патроны, такъ какъ развитіе города и увеличеніе его благосостоянія было столько-же въ интересахъ города, какъ и въ ихъ собственныхъ интересахъ; кромѣ того, горожане, обязанные по этой защитѣ, были обязаны не королю, хотя бы pax fori и давался по его инициативѣ, а тому, кто осуществлялъ миръ, т. е. грундгерру [1]).

Изъ сказаннаго, впрочемъ, нельзя еще дѣлать вывода, будто исторія не знаетъ примѣровъ развитія какого нибудь города и помимо такой законной защиты. Маурерь, напримѣръ, приводитъ цѣлый рядъ такихъ примѣровъ [2]), при чемъ онъ называетъ города этого рода свободными городами. Но онъже самъ говоритъ, [3]) что свободные города стали являться въ сравнительно болѣе позднее время; кромѣ того, какъ указываетъ Heusler [4]) въ его критическомъ разборѣ книги Маурера, — еще большой вопросъ, назывались ли города свободными потому, что они съ самаго начала были населены свободными людьми, или-же потому, что они создавались помимо вліянія на нихъ грундгерровъ или ландсгерровъ, т. е., по нашей терминологіи — патроновъ. Слѣдуя основному воззрѣнію того-же Маурера, считающаго, что города создавались изъ деревень, трудно предположить, чтобы первоначальныя стадіи того процесса, которымъ сопровождалось образованіе города, происходили самостоятельно, безъ покровительственнаго воздѣйствія грундгерра. И это даже въ томъ случаѣ, когда первыми обитателями вновь возникавшаго города были люди вполнѣ свободные: отсутствіе сильной государственной власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ, опасность каждую минуту подвергнуться нападенію внѣшняго врага или просто болѣе сильнаго сосѣда, —

---

[1]) Для сравненія см. Babeau, ц. с., глава VI, 2-й книги „Les autorité's superieurs".

[2]) Маурерь, ц. с., стр. 71—75, т. I, см. также т. III. стр. 286 и сл.

[3]) Ibidem, стр. 72.

[4]) Heusler, Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung, стр. 236 и сл.

одно это вызывало уже необходимость въ покровительствѣ [1]).

Идея законной защиты находила себѣ осуществленіе и въ самыхъ городахъ по отношенію къ цѣлому ряду лицъ, называемыхъ общимъ именемъ Beisassen [2]). Такъ какъ всѣми правами бюргера пользовались только лица, имѣвшія въ городѣ Grund und Boden, то всякій, кто селился въ городѣ, привлекаемый выгодами городской жизни, но не имѣлъ своей земли и дома, не получалъ бюргерскихъ правъ. Такой отдавался подъ защиту того, у кого селился, или-же подъ защиту всего города [3]). Какъ и слѣдуетъ ожидать, защита со стороны отдѣльныхъ бюргеровъ предшествовала по времени защитѣ со стороны всего города: послѣдняя имѣла мѣсто только тогда уже, когда самоуправленіе городовъ получило достаточное развитіе [4]). Обыкновенно, защита сводилась къ тому, что ищущій ея вносилъ извѣстную сумму или лицу или городу (смотря потому, былъ ли онъ подъ защитой города или отдѣльнаго лица), возлагалъ на себя и другія службы, а за все это получалъ право жить въ городѣ и заниматься своимъ дѣломъ, пользуясь общей охраной [5]).

---

[1]) Необходимо, однако, не смѣшивать понятіе грундгерра, какъ собственника земли, на которой строился городъ, съ понятіемъ грундгерра, какъ патрона. Собственность на землю вела для него только къ правамъ; горожане, слѣдовательно, являлись какъ бы его Hörige. Тѣ-же обязанности по отношенію къ городамъ, которыя возлагалъ на себя грундгерръ, онъ возлагалъ на себя во имя отношеній по патронату. Ср. Мауреръ, т. III, стр. 272 и слѣд.

[2]) Въ памятникахъ съ общимъ названіемъ Beisassen конкуррируетъ еще названіе Schutzverwandte. Назывались они также: Häusler, Hausses, Häuslinge, Büdner, Gedemer, Gadeuleute и т. д. См. Мауреръ, ц. с., т. II, стр. 222—223.

[3]) Мауреръ, ц. с., т. II, стр. 226—227.

[4]) Аналогичныя явленія замѣчаемъ мы и въ исторіи французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ городовъ. См. ц. с. Бабо, Гегеля и Генглера. Ср. также Seyer, Memoirs of Bristol, т. I, стр. 306, гдѣ говорится о той роли, какую въ первый періодъ образованія англійскихъ городовъ играла собственность на домъ и землю для опредѣленія правового положенія, а въ связи съ этимъ и о томъ, какое значеніе имѣла защита со стороны burgensis по отношенію къ негорожанину.

[5]) Обыкновенно положеніе искавшаго покровительства было сравнительнымъ

Упомянемъ еще о такъ называемыхъ мунтманнахъ, т. е. о лицахъ, которые отдавались подъ защиту богатыхъ людей, какъ вассалы [1]). Иначе говоря, они отдавались подъ защиту не для того только, чтобы имѣть право жить въ городѣ, но чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и находиться въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ, кому служили. Защитникъ оказывалъ имъ всяческое покровительство, давалъ землю, представлялъ ихъ на судѣ; они, въ свою очередь, обязывались помогать защитнику, когда это было нужно, составляли обыкновенно его вооруженную свиту и т. д. [2]). Но такъ какъ по большей части мунтманнство устанавливалось, какъ средство не платить долги, и, такъ какъ, вообще, самая такая защита горожанина противъ горожанъ-же вела къ злоупотребленіямъ, то очень скоро началась борьба съ этимъ институтомъ, свидѣтельствъ которой въ исторіи городовъ мы имѣемъ не мало [3]). Мунтманны впослѣдствіи дѣлаются простыми Beissas'ами или же добиваются правъ горожанъ.

улучшеніемъ его участи. Хотя такіе дѣлались подвластными, что даетъ право въ источникахъ иногда называть ихъ колонами горожанъ (Мауреръ, ц. с., т. II, стр. 226), но большею частью они были свободными жителями, въ отличіе отъ гражданъ, не имѣвшими бюргерскихъ правъ. Подъ защитой находились и селившіеся въ городѣ дворяне (какъ и всѣ, искавшіе покровительства города, они приносили клятву вѣрности). Подъ защитой-же находились и тѣ зависимые, которые по правилу „Luft macht frei", жили въ городѣ годъ и день (Gengler, ц. с., стр. 415). Сюда-же слѣдуетъ отнести и евреевъ, допускавшихся въ города только подъ условіемъ принятія ихъ подъ защиту. (Подробности см. Мауреръ, т. II. стр. 228, Gengler, ц. с., гл. 7). Сюда-же слѣдуетъ отнести и патронатъ городовъ надъ церквами и монастырями. Тѣ и другіе брались in defensionem (Мауреръ, т. II, ц. с., стр. 233). Аналогичныя явленія находимъ мы и въ исторіи фландрскихъ городовъ (см. Warnkönig, ц. с., т. I, § 29 и сл.). Тамъ даже былъ установленъ особый сборъ за защиту (Schutzpfennig), шедшій въ пользу церкви города или монастыря (Warnkönig, ц. м. стр. 349).

[1]) Они назывались еще: Vogtleute. Въ отдѣльныхъ городахъ назывались mundilingi, jamundlingi, mundiculi и т. д.

[2]) Они, слѣдовательно, занимали среднее положеніе между кліентами Рима и средневѣковыми вассалами.

[3]) См. Gengler, ц. с., excurs. IV.

Нѣкоторую своеобразность представляютъ отношенія по законной защитѣ городовъ къ подгородьямъ [1]). Подгородьями назывались частью новыя поселенія, расположенныя передъ старымъ городомъ, частью же — присоединявшіяся постепенно къ городу деревни. Въ общемъ, это почти то же самое, что теперь называется городскими предмѣстьями. Такъ какъ обыкновенно тамъ селились лица, искавшія покровительства города, особенно-же вышеупомянутые мунтманны, то, естественно, между городомъ и подгородьемъ создавались отношенія по законной защитѣ. Въ историческомъ развитіи обыкновенно замѣчается слѣдующее: подгородные жители не имѣли многихъ правъ и преимуществъ, которыми обладали жители стараго города, и мирились съ этимъ, пока не чувствовали себя достаточно окрѣпшими, чтобы начать домогаться равноправія съ жителями стараго города; между этими двумя моментами замѣчается обыкновенно еще промежуточный моментъ, а именно — стремленіе подгородья имѣть собственное самоуправленіе подъ защитой стараго города; послѣднимъ-же моментомъ являлось объединеніе подгородья съ городомъ, при условіи распространенія бюргерскихъ правъ, и на жителей подгородья. Если-же подгородье создавалось на землѣ, принадлежавшей другому грундгерру, не тому, на чьей землѣ возникъ старый городъ, то подгородье вступало подъ защиту города, оставаясь въ тоже время или подъ защитой или въ зависимости грундгерра. Иногда происходила борьба между конкуррировавшими началами, но, по большей части, исходъ этой борьбы ничѣмъ не разнился и въ этомъ случаѣ отъ описаннаго выше [2]).

На развитіе городовъ и вообще на весь складъ средне-

---

[1]) Ibidem, см. главу V., ср. Мауреръ, ц. с., § 195 и сл.

[2]) Однородныя явленія мы встрѣчаемъ и въ исторіи Фландрскихъ городовъ. Напримѣръ, см. исторію расширенія границъ города Jpern,—Warnkönig. ц. с., т. II, стр. 179 и сл.

вѣковаго города имѣли не малое вліяніе разнаго рода соединенія, извѣстныя подъ названіемъ гильдій и цеховъ. Основной цѣлью этихъ единеній была защита; исторія этихъ единеній показываетъ, что защита, оказываемая ими, была дѣйствительнѣе всякаго вида покровительства изъ числа уже разсмотрѣнныхъ нами. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы мы признали гильдіи и цехи проявленіями интересующей насъ идеи законной защиты?

При всемъ сродствѣ основныхъ задачъ и при многихъ общихъ чертахъ историческаго развитія, гильдіи и цехи не представляются, однако, тождественными институтами, и потому удобнѣе каждый изъ нихъ разсмотрѣть отдѣльно.

Правъ-ли Мюнтеръ, [1]) который ведетъ происхожденіе гильдій отъ существовавшаго еще въ языческія времена и почти у всѣхъ народовъ обычая „брататься“; правъ-ли Вильда [2]), который думаетъ, что гильдіи произошли отъ существовавшаго также еще въ языческую эпоху и почти у всѣхъ народовъ обычая пить круговую чашу на тризнахъ и во время этихъ попоекъ давать другъ другу клятвенныя обѣщанія; правъ-ли, наконецъ, Мауреръ [3]), который, не признавая серьезнымъ различіе между гильдіями и цехами, [4]) ведетъ происхожденіе тѣхъ и другихъ изъ отношеній барщины,—всѣ эти воззрѣнія одинаково устанавливаютъ то положеніе, что гильдіи

---

[1]) Münter, Kirchengeschichte, т. I, стр. 181 и сл.

[2]) Wilda, Das Gildenwesen im Mittelalter, стр. 1—45.

[3]) Maurer, ц. с., т. II, §§ 259—266, также § 241.

[4]) Maurer, повидимому, оттого не различаетъ гильдій отъ цеховъ, что не признаетъ за особую категорію гильдій такъ называемые Schutzgilden, какъ ихъ впервые назвалъ Wilda, ц. с., стр. 41. Мауреръ далѣе гильдіями склоненъ называть преимущественно союзы купцовъ (ц. с., стр. 357). Наконецъ, главнымъ основаніемъ, которымъ пользуется тутъ Мауреръ, это, кажется, то, что въ нѣкоторыхъ городахъ (Брауншвейгъ, Госларъ и др.) цехи обозначались гильдіями. Но гильдіи при всемъ сходствѣ ихъ съ цехами имѣли цѣлью взаимопомощь и взаимную защиту во всѣхъ отношеніяхъ. Вспомнимъ хотя бы часто приводимый въ изслѣдованіяхъ о гильдіяхъ разсказъ объ убійствѣ короля Николая въ 1130 г. членами гильдіи города Hetheby за то, что сынъ его Магнусъ

являлись союзами взаимопомощи и взаимной защиты. Члены гильдіи были равноправными единицами, въ союзѣ искавшими той поддержки и защиты, какой при иныхъ условіяхъ они не могли бы имѣть. Они въ гильдіяхъ находили семью, которую искуственно создавало для нихъ братское единеніе съ такими-же, какъ и они, ищущими защиты [1]). Отношенія членовъ гильдіи другъ къ другу, а также и самая цѣль гильдій опредѣлялась въ статутахъ, какъ отношенія братскія [2]). Самыя гильдіи часто называются fraternitates [3]).

Сказаннаго, какъ намъ кажется, достаточно, чтобы убѣдиться, что гильдіи ни въ какомъ случаѣ не могутъ обсуждаться какъ проявленіе идеи законной защиты. Цѣль гильдіи защита, но осуществлялась эта защита на началахъ взаимопомощи. Права гильдіи надъ членами ея и обязанности по

убилъ гильдейскаго альтмана, герцога Канута. Разсказъ этотъ, почерпнутый изъ датскихъ хроникъ, свидѣтельствуетъ противъ Маурера и въ другомъ отношеніи: „num quid timendum est nobis a pellipariis et sutoribus istis"—такъ воскликнулъ король, когда свита предупреждала его не выѣзжать въ городъ, въ виду возможной мести со стороны членовъ гильдіи. Король не воскликнулъ бы такъ, еслибы члены гильдіи принадлежали къ одному ремеслу или роду занятій, а члены цеха, какъ говоритъ самъ-же Мауреръ, всегда занимались однимъ и тѣмъ-же ремесломъ. Кажется болѣе доказательнымъ думать, что цехи развились изъ началъ, лежавшихъ въ основаніи гильдій.

[1]) Wilda, ц. с., стр. 57 и тамъ-же пр. 1.

[2]) Вотъ нѣкоторыя подробности: 1) каждый членъ гильдіи былъ обязанъ дежурить у постели больного сочлена; 2) всѣ члены гильдіи провожали къ мѣсту погребенія тѣло умершаго сочлена; 3) каждый былъ обязанъ помогать сочлену, въ случаѣ. если тотъ несъ имущественныя потери; 4) каждый помогалъ каждому, если тотъ несъ убытки отъ пожара, кораблекрушенія и т. д.; 5) если кто нибудь изъ членовъ гильдіи терялъ работоспособность, за него работали его товарищи; 6) они спасали другъ друга отъ опасностей; 7) они мстили другъ за друга и т. д. (Wilda, ц. с., стр. 123 и сл.)

[3]) Maurer, ц. с., стр. 363; Wilda, ц. с. стр. 43, гдѣ, между прочимъ, приводится слѣдующее постановленіе изъ статута кембриджской гильдіи 10-го вѣка: „сочлены клянутся на реликвіяхъ постоянно помогать другъ другу и въ мірскихъ и духовныхъ дѣлахъ и клянутся, что вся гильдія будетъ всегда стоять за того, кто будетъ правъ". (Hickesius, Thesauron LL. septentr. т. III, стр. 21). Ср. также Gengler, ц. с., excurs IX.

отношенію къ гильдіи вытекали изъ сознанія равенства всѣхъ членовъ гильдіи; это-же сознаніе, какъ мы уже знаемъ, прямо противоположно началамъ, вызывающимъ къ жизни проявленія идеи законной защиты.

Очень возможно, что сами гильдіи, особенно въ первое время своего развитія [1]), прибѣгали къ патронату королей, ландсгерровъ, епископовъ и проч., что тѣмъ болѣе вѣроятно, что, при общемъ господствѣ въ это время патрональной зависимости однихъ отъ другихъ, не легко допустить, чтобы могли образоваться подобныя единенія внѣ защиты со стороны болѣе сильныхъ общественныхъ элементовъ; но за скудостью имѣющихся по этому вопросу данныхъ въ литературѣ, опредѣленный отвѣтъ едва-ли возможенъ. Можно, впрочемъ, думать, что къ 13 вѣку гильдіи не нуждались уже ни въ какомъ патронатѣ и единственнымъ своимъ патрономъ признавали того святого, въ дни празднованія памяти котораго они устраивали торжественныя собранія [2]).

Что-же касается цеховъ, то, при всемъ различіи исторіи ихъ происхожденія отъ исторіи происхожденія гильдій [3]) и

---

[1]) Въ исторіи гильдій можно отмѣтить слѣдующіе три періода: 1) гильдіи образуются безъ помощи, но и безъ противодѣйствія со стороны власти; 2) гильдіи заподазриваются властью, и тогда возникаютъ запрещенія учреждать гильдіи (Capit. Карла Великаго отъ 749 (ad. leg. Langobard.), напримѣръ, гдѣ прямо запрещаются гильдіи; см. примѣры такихъ запрещеній у Вильда, ц. с., стр. 40 и сл., пр. 1); 3) гильдіи начинаютъ развиваться, несмотря на запрещенія и затѣмъ постепенно добиваются признанія. Относительно патроната надъ гильдіями мы находимъ нѣкоторыя указанія въ исторіи датскихъ гильдій (Wilda, ц. с., стр. 98; см. также Pappenheim, Altdänische Schutzgilden).

[2]) Не слѣдуетъ думать, чтобы объединеніе членовъ гильдіи подъ патронатомъ святого имѣло что-либо общее съ идеей патроната въ нашемъ смыслѣ. Избраніе святого патрономъ было въ обычаѣ времени и можетъ въ данномъ случаѣ доказывать только то, что цѣлямъ гильдіи не былъ чуждъ и религіозный элементъ. Подробности см. Wilda, ц. с., стр. 48. Wilda ищетъ въ этомъ обычаѣ доказательствъ своей основной мысли, а именно того, что свѣтскія гильдіи явились изъ религіозныхъ гильдій.

[3]) Исторія происхожденія цеховъ вызвала, по истинѣ, огромную литературу. Не въ нашихъ задачахъ анализировать эту литературу и потому укажемъ

при всѣхъ различіяхъ въ ихъ организаціи, идеей, лежавшей въ основѣ образованія цеховъ, была та-же идея защиты на началахъ взаимопощи, какая лежала и въ основѣ образованія гильдій. Подобно гильдіямъ цехи назывались fraternitates [1]), подобно гильдіямъ, цехи являлись необходимымъ восполненіемъ недостатка въ защитѣ. Видѣть въ цехахъ проявленіе идеи патроната нельзя, слѣдовательно, и потому, что члены цеха были равны между собой, и потому, что цехи именно и возникали какъ противовѣсъ патронату [2]).

Но если отношенія членовъ цеха другъ къ другу и отношенія цеха къ его членамъ не могутъ обсуждаться, какъ отношенія по законной защитѣ, то съ другой стороны, это

только на два главныхъ теченія: по мнѣнію однихъ, цехи ведутъ свое происхожденіе отъ римскихъ коллегій; по мнѣнію другихъ, цехи являются продуктомъ самостоятельнаго національнаго правообразованія. Въ общемъ-же, едва-ли не правъ Stieda (Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens, стр. 1), который, давая обзоръ литературы, утверждаетъ, что каждый, писавшій о цехахъ, по своему смотритъ на ихъ происхожденіе. Оригинальнымъ представляется взглядъ Маурера (ц. с., II, стр. 321 и сл.), который дѣлитъ цехи на свободные и не свободные, свободные производитъ отъ несвободныхъ, а происхожденіе этихъ послѣднихъ видитъ въ единеніяхъ подвластныхъ ремесленниковъ подъ началомъ назначавшагося господиномъ главнаго ремесленника. Какъ-бы, однако, кто не смотрѣлъ на исторію возникновенія цеховъ, всѣ твердо устанавливаютъ тотъ фактъ, что цехи зиждились на началѣ взаимопомощи.

[1]) См. Мауреръ, ц. с., стр. 363. Намъ представляется, что это сходство названій и повело къ замѣчаемому во многихъ работахъ о цехахъ отождествленію послѣднихъ съ гильдіями. Цехи, при всей важности ихъ политической роли, имѣли все таки главнымъ образомъ, экономическое значеніе, какъ, напримѣръ, это доказалъ Schoenberg (Zur wirtschaftlichen Bedeut. des d. Zunftw. im Mittelalter.). Гильдіи-же, по крайней мѣрѣ, очень долгое время, имѣли характеръ религіозно-политическихъ обществъ. Хотя, съ другой стороны, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Шмоллера (Strassburg zur Zeit der Zunftkämpfe), предупреждающаго отъ оцѣнки исторической роли, сыгранной цехами, только на основаніи ихъ экономическаго значенія (ц. с., стр. 8).

[2]) Маурeръ говоритъ: подвластные ремесленники стояли подъ защитой ихъ шутцгерра, свободные же ремесленники не имѣли особаго защитника. Они, стало быть, были менѣе защищены, чѣмъ не свободные. Чтобы поэтому добиться необходимой защиты, они должны были выбирать между подчиненіемъ какому-либо шутцгеру, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, въ Страсбургѣ, или-же объединеніемъ въ свободные союзы устанавливать взаимозащиту. Ц. с. стр. 355.

нисколько не мѣшало самимъ цехамъ быть подъ патронатомъ и даже нуждаться въ немъ. Во первыхъ, вступленіе въ цехъ не могло никого освобождать отъ отношеній по защитѣ со стороны города (ремесленники были обыкновенно не бюргерами, а Beisassen, слѣдовательно, находились подъ патронатомъ отдѣльныхъ бюргеровъ или города); во вторыхъ, сами цехи въ своихъ собственныхъ интересахъ нуждались въ защитѣ со стороны города, такъ какъ иначе они не могли бы съ такимъ успѣхомъ проводить въ жизнь одинъ изъ главнѣйшихъ принциповъ своей организаціи — исключительность права заниматься даннымъ ремесломъ. И мы, дѣйствительно, видимъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ отъ цеховъ требуютъ повиновенія городу [1]), обыкновенно, города устанавливаютъ надзоръ за дѣятельностью цеховъ [2]), съ другой-же стороны, оказываютъ цехамъ въ случаѣ надобности всяческое содѣйствіе [3]). Намъ могутъ возразить, что цехи являлись частью городского устройства и что то, что мы считаемъ защитой со стороны города, являлось ничѣмъ инымъ, какъ такъ называемымъ верховнымъ надзоромъ. Однако, мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ въ пользу того, чтобы городъ имѣлъ гдѣ либо право отмѣнять постановленія цеховъ, насколько послѣднія касались внутреннихъ распорядковъ цеха и отношеній членовъ въ предѣлахъ цеха. Мы имѣемъ за то свидѣтельства, что цехи имѣли свой судъ, имѣли право самостоятельно объявлять войну, имѣли право прибѣгать къ самосуду по отношенію къ постороннимъ [4]). Съ теченіемъ времени, правда,

---

[1]) См. Maurer, ц. с., стр. 429.

[2]) Впослѣдствіи возникаютъ особыя городскія должности для надзора за цехами. Эти должностныя лица назывались Amtspatrone, Gildepatrone и т. д. Главнымъ ихъ назначеніемъ было рѣшать споры между цехами. Мауреръ, ц. с., стр. 432.

[3]) Примѣромъ можетъ служить защита цеха со стороны городского совѣта Цюриха въ 1343 г., Мауреръ, ц. с., стр. 430.

[4]) Мауреръ, ц. с., § 282.

цехи потеряли значительную долю самостоятельности и постепенно инкорпорировались, такъ что, дѣйствительно, представляли только часть городского устройства, но едва-ли это случилось ранѣе конца 15 вѣка [1]).

Остановимся еще на одномъ вопросѣ. Въ предѣлахъ цеховой организаціи, какъ извѣстно, существовалъ институтъ подмастерій (Gesellen) [2]). Это были также члены цеха, но не полноправные, къ тому-же обязанные повиновеніемъ мастеру, у котораго жили. Мастеръ по отношенію къ подмастерью имѣлъ надзоръ и власть [3]). Подмастерье жилъ въ домѣ мастера, и мастеръ поэтому имѣлъ право воздерживать его отъ всякихъ дѣйствій, нарушавшихъ домашній покой. Въ остальномъ подмастерье былъ предоставленъ самому себѣ [4]). Въ видахъ взаимной поддержки и взаимозащиты подмастерья образовывали свои союзы, которые пользовались признаніемъ цеховъ [5]). На первый взглядъ, такія отношенія могутъ показаться отношеніями по законной защитѣ, но здѣсь потому уже нельзя говорить о законной защитѣ, что, если и могли быть случаи, когда мастеръ оказывалъ защиту подмастерью, то не въ виду этой защиты вовсе устанавливались самыя отношенія; защита была сопровождавшимъ, побочнымъ и далеко не обязательнымъ элементомъ отношеній. Защита же подмастерій организовывалась преимущественно путемъ образованія спеціальныхъ братствъ, а послѣднія являлись опять таки ничѣмъ инымъ, какъ выраже-

---

[1]) Замѣтимъ, кстати, что во Франціи цехи очень скоро перестали пользоваться самостоятельностью. Особенно это бросается въ глаза при разсмотрѣніи вопроса о цеховомъ судѣ, какъ это доказываетъ Нейбургъ, Zunftgerichtsbarkeit uud Zunftverfassung in der Zeit vom 13—16 Jahrhund., стр. 290.

[2]) Еще: Eidgesellen, Knechte и т. д. См. Нейбургъ, ц. с., стр. 73.

[3]) Ibidem, стр. 74.

[4]) Мауреръ, ц. с., стр. 436.

[5]) Шанцъ, Zur Geschichte der deutschen Gesellenverbände.

ніемъ идеи взаимопомощи, опять таки, слѣдовательно, тутъ не было проявленія идеи патроната въ нашемъ смыслѣ слова [1]).

Въ предѣлахъ цеха существовалъ еще классъ лицъ, находившихся на особомъ, сравнительно съ полноправными членами цеха, положеніи: ученики. Эти были уже совсѣмъ безправны и по отношенію къ мастеру, и тѣмъ болѣе—по отношенію къ цеху [2]). Хотя представляется весьма труднымъ опредѣлить точно степень безправности учениковъ [3]), но одно можно, кажется, принять безусловно: мастера имѣли надъ учениками отеческую власть; послѣдняя, впрочемъ, устанавливалась не съ цѣлью защиты, а какъ средство, безъ котораго нельзя было достичь главной цѣли данныхъ отношеній—подготовить ученика для вступленія въ члены цеха на правахъ полноправнаго мастера [4]). Слѣдовательно, и эти отношенія мы не можемъ признать проявленіемъ идеи законной защиты.

---

[1]) Интересенъ вопросъ: были-ли подобные-же неполноправные члены въ schutzgilden'ахъ? Судя по общему духу этого института, едва-ли. Но нѣкоторое указаніе противоположнаго характера мы находимъ въ исторіи университетскихъ гильдій Парижа, гдѣ члены гильдіи дѣлились на три класса: студентовъ, магистровъ или баккалавровъ и докторовъ. Гильдія здѣсь, какъ видно, имѣла цеховое устройство. См. Der Antheil des deutschen Rechtes an der Entwicklung der Universitäten, ректорская рѣчь проф. Бруннера (1896 г.).

[2]) Нейбургъ, ц. с., стр. 79. Цеховые статуты опредѣляютъ почти исключительно наказанія учениковъ, особенно за побѣги.

[3]) Во Франціи ученики находились въ значительно лучшемъ положеніи, что можно объяснить меньшей самостоятельностью цеховъ. Нейбургъ, l. c.

[4]) Слѣдуетъ, однако, оговориться, что отеческая власть была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ограничена; см. Нейбургъ, l. c.

VII.

Идея патроната у славянъ. Общая характеристика. Древняя Русь. Вопросъ объ изгояхъ. Что такое закладничество? Дѣленіе закладней на два вида. Что такое смерды? Являются-ли отношенія князя къ смерду отношеніями по патронату?

Такъ какъ, насколько можно судить изъ того, что сказано выше, институтъ кліентеллы, а, слѣдовательно, и идея юридической защиты болѣе слабыхъ со стороны болѣе сильныхъ, свойственны очень многимъ (не рѣшаемся сказать — всѣмъ) народамъ [1]), — то можно предположить, что и славянскимъ народностямъ они не были совершенно чужды. Отсутствіе положительныхъ данныхъ заставляетъ насъ ограничиться на этотъ счетъ только отрывочными указаніями. Такъ, напримѣръ, у чеховъ только тотъ могъ нуждаться, кто, какъ злой, лихой (lich) человѣкъ былъ изгоняемъ изъ рода [2]). Такіе, при родовой организаціи, естественно должны были скитаться, пока, въ качествѣ неполноправныхъ, находили пріютъ въ чужомъ родѣ [3]). Такія-же свѣдѣнія мы находимъ и относи-

---

[1]) Такъ думаютъ, въ общемъ, почти всѣ, кто занимался вопросомъ о римской кліентеллѣ и средневѣковой коммендаціи. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ Фюстель-де Куланжъ (Les origines du systeme féodal, le bénèfice et le patronat pendant l'époque mérovingienne, стр. 192): „все разныя названія, но все одинъ и тотъ-же институтъ, переходящій изъ вѣка въ вѣкъ; его сущность въ томъ, что одинъ отдается въ зависимость другому. Но его подчиненіе добровольно, и самъ онъ человѣкъ свободный. Причина такого подчиненія въ томъ, что слабый или бѣдный нуждается въ сильномъ или богатомъ. Онъ проситъ покровительства и подчиняется ему". Подробныя указанія на литературу можно встрѣтить у Melin'а въ его „Essai sur la clientèle romain", въ отдѣлѣ „bibliographie".

[2]) Иречекъ, Das Recht in Böhmen und Mähren, стр. 28.

[3]) Едва-ли, впрочемъ, чехи, какъ и другія славянскія племена, знали патронатъ надъ вольноотпущенными. Кажется, вольноотпущенные становились

тельно сербовъ и болгаръ. Но, съ другой стороны, едва-ли можно относить эти свѣдѣнія къ той первоначальной эпохѣ, когда еще славянскія народности не сложились въ государства. Рѣшаемся сдѣлать такое предположеніе, такъ какъ большая часть славянскихъ племенъ (за исключеніемъ развѣ сербовъ и болгаръ [1]) долго не знала дѣленія на сословія. У венедскихъ славянъ, напримѣръ, какъ говоритъ Бодянскій на основаніи свидѣтельства Прокопія [2]), не было ни государя, ни князей, ни различія состояній между гражданами. Славянъ вообще выставляютъ въ примѣръ привязанности къ собратьямъ и единоплеменнымъ народамъ. Такъ [3]), славянинъ, если онъ былъ невольникъ или находился въ чьей бы то не было власти, какъ скоро ступалъ на землю славянскую, дѣлался вольнымъ и никто уже не имѣлъ права на его особу [4]). Даже плѣнники изъ иностранцевъ, qui sunt in captivitate apud Sclavinos,—какъ свидѣтельствуетъ Маврикій [5])— non omni tempore, ut apud gentes alias, in servitute tenentur; sed certum eis definitur tempus, in arbitrio eorum relinquendo, si oblata mercede velint dein reverti ad suos, aut manere apud ipsos liberi et amici“ [6]).

сразу свободными. По крайней мѣрѣ, относительно чеховъ Иречекъ утверждаетъ это категорически. См. ц. с., стр. 73. Относительно восточныхъ славянъ тоже утверждаетъ и Соловьевъ. См. „Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи славянъ“, Ар. и. ю. св. Калачева, I, стр. 6.

[1]) Гильфердингъ, въ собр. соч., т. I, стр. 19 и стр. 27, утверждаетъ, что сербамъ и болгарамъ чуть-ли не съ первыхъ дней ихъ появленія было извѣстно дѣленіе на сословія.

[2]) Изслѣдованіе начала народовъ славянскихъ, Чт. Общ. И. И. и Др., кн. 1, стр. 63.

[3]) Ibidem, стр. 66. Ср. Гильфердингъ, Исторія балтійскихъ славянъ, т. IV, стр. 40.

[4]) Иричекъ подтверждаетъ принятое нами мнѣніе еще указаніемъ на то, что у чеховъ, напримѣръ, каждый назывался osobe, т. е. per se, что, конечно, свидѣтельствуетъ отчасти о высокомъ взглядѣ на личную свободу. См. Иричекъ, ц. с., стр. 72.

[5]) Цитируемъ по Бодянскому, ц. с., стр. 66.

[6]) Ср. ц. статью Соловьева „Очеркъ нравовъ и обычаевъ“, а также, Гильфердингъ, Ист. балт. сл., стр. 70.

Трудно указать точно то время, начиная съ котораго слѣдовало бы считать появленіе у славянъ идеи юридической защиты въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, этотъ моментъ наступилъ не раньше, чѣмъ опредѣлилось дѣленіе на сословія, т. е. одна изъ главнѣйшихъ причинъ юридической слабости отдѣльныхъ классовъ общества. Въ общемъ, на сколько можно уловить изъ весьма неполныхъ свѣдѣній, имѣющихся на этотъ счетъ, идея патроната проявлялась, преимущественно, какъ коррективъ такъ называемаго изгойства, т. е. выключенію изъ среды общины, сидѣвшей на землѣ и пользовавшейся самоуправленіемъ, отдѣльныхъ членовъ. Человѣкъ, утратившій связь съ общиной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, право на участіе въ поземельномъ владѣніи общины, селился особнякомъ въ мѣстностяхъ, еще никѣмъ не занятыхъ или примыкалъ къ другой общинѣ. Во второмъ случаѣ онъ сразу вступалъ какъ бы въ кліентскія отношенія, въ первомъ онъ могъ или положить начало новой общинѣ, или-же опять таки вмѣстѣ съ занятой имъ землей коммендироваться кому-либо изъ болѣе сильныхъ. Особенно дѣятельнымъ проявилъ себя этотъ факторъ, послѣ того какъ всѣ земли распредѣлились уже между физическими и юридическими лицами. Тогда люди, лишавшіеся права владѣть общинною землею, начали занимать земли различныхъ собственниковъ. Этотъ процессъ довольно наглядно можно прослѣдить въ исторіи, напримѣръ, Сербіи, гдѣ, какъ думаютъ нѣкоторые, изгойство повело не только къ проявленію идеи патроната, но и къ возникновенію крѣпостного права [1]). Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ исторіи Болгаріи, правда, въ болѣе ранній періодъ, такъ какъ уже при Самуилѣ, т. е. въ концѣ IX вѣка, Болгарія представляла изъ себя феодальное государство со всѣми послѣдствіями такого государственнаго строя [1]). Съ коммендаціей и полунесвободнымъ

1) Зигель, законникъ Стефана Душана, стр. 21 и сл.

состояніемъ болѣе слабыхъ подъ покровительствомъ болѣе сильныхъ съ начала XI вѣка мы встрѣчаемся и у чешскихъ славянъ. Тутъ и hospites, нѣчто среднее между литами, о которыхъ мы уже говорили выше. и римскими колонами, тутъ и animatores или proanimati, т. е. находящіеся въ отношеніяхъ покровительства къ церкви, какъ поземельному собственнику, тутъ, наконецъ, и всякаго рода sluhy, изъ которыхъ большая часть находилась къ господину въ отношеніяхъ вполнѣ аналогичныхъ римской кліентеллѣ [1]). Едва-ли нужно прибавлять, что всѣ тѣ славянскія племена, историческая жизнь которыхъ слагалась подъ вліяніемъ средневѣковаго феодализма, и съ того періода ихъ исторіи, когда это вліяніе стало проявляться, усвоили себѣ начало коммендаціи въ полномъ его объемѣ. Очень характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи являются Польша и Литва, гдѣ уже въ XII вѣкѣ была извѣстна коммендація [2]), а въ XIII вѣкѣ мы уже встрѣчаемъ тутъ города со всѣми особенностями средневѣковыхъ германскихъ городовъ [3]); слѣдовательно. и съ тѣми проявленіями идеи патроната въ употребляемомъ нами смыслѣ, о которыхъ было сужденіе въ предъидущей главѣ [4]).

Такимъ образомъ, если трудно утверждать, что идея юридической защиты является одной изъ характерныхъ идей быта

---

[1]) Иричекъ, 2 отд. стр. 34 и сл. Ср. Гильфердингъ, т. I, Очеркъ исторіи Чехіи, стр. 348—349.

[2]) Владимірскій-Будановъ, Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, стр. 64 и слѣд.

[3]) Ibidem, стр. 96 и слѣд.

[4]) Не безъинтересно указать здѣсь на слѣдующій остатокъ проявленій идеи патроната, указываемый Гильфердингомъ въ его описаніи путешествія по Босніи: „На Гламочскомъ полѣ, въ оджакѣ беговъ Филлиповичей, живутъ три брата со своими семьями, а вблизи барской усадьбы разбросано нѣсколько избъ, принадлежащихъ мусульманамъ, патріархальная зависимость которыхъ отъ Филлиповичей похожа на отношенія древняго кліентства“. Гилфердингъ, т. III, стр. 274.

славянскихъ народностей, то, съ другой стороны, какъ мы можемъ теперь уже заключить, и славянскія народности не остались въ сторонѣ отъ ея воздѣйствія. Обратимся теперь къ разсмотрѣнію положенія нашего вопроса въ исторіи отечественнаго быта.

Никто, по всей вѣроятности, не будетъ сомнѣваться, что древней Руси была свойственна идея патроната въ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ покровительства и помощи со стороны болѣе сильныхъ болѣе слабымъ. Это достаточно ясно вытекаетъ изъ приведенныхъ уже выше указаній на общій характеръ славянъ, объ отзывчивости, гостепріимствѣ и чувствѣ состраданія которыхъ такъ много говорятъ источники. Но была-ли извѣстна Руси идея патроната въ спеціальномъ смыслѣ? Если была, то какія ея проявленія можемъ мы указать?

Начнемъ съ вопроса объ изгояхъ. Этотъ вопросъ не столько сложенъ самъ по себѣ, сколько осложненъ тѣмъ споромъ, который въ свое время былъ поднятъ сторонниками родовой и общинной теоріи, изъ которыхъ тѣ и другія при помощи вопроса объ изгояхъ создавали новыя и новыя доказательства для своихъ общихъ схемъ. Такъ, сторонники родового быта считаютъ изгоями удаленныхъ изъ рода, сторонники общинной теоріи — удаленными и удалившимися изъ общины или сословія. Не входя въ разсмотрѣніе этого спора, коснемся лишь разсмотрѣнія тѣхъ отношеній, которыя создавались изгойствомъ.

Хотя въ литературѣ и существуютъ различныя мнѣнія о филологическомъ толкованіи слова изгой, но, кажется, болѣе правильнымъ будетъ признавать мнѣніе г. Буслаева, который думаетъ, что слово изгой состоитъ изъ двухъ половинъ: существительнаго „гой“ и предлога „изъ“. Такъ какъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ извѣстенъ глаголъ „гоить“, что значитъ „жить“, то, стало быть, и слово изгой обозначаетъ человѣка отпадшаго, отрѣшеннаго отъ жизни, вы-

битаго, такъ сказать, изъ колеи [1]). Въ общемъ, тотъ-же смыслъ придается слову изгой и другимъ филологическимъ толкованіемъ, г. Микутскаго, который приравниваетъ слово изгой къ латышскому izgois, т. е. вышедшій, тотъ, кто вышелъ [2]). Памятники говорятъ объ изгояхъ такъ: „изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣеть; холопъ изъ холопьства выкупится; купець одолжаеть; а се и четвертое изгойство и къ себѣ приложимъ: аще князь осиротѣеть" [3]). Въ Русской Правдѣ въ первой статьѣ древнѣйшихъ краткихъ и пространныхъ списковъ встрѣчаемъ: „аще ли будеть русинъ, или гридь, любо купець, любо тивунъ бояреськъ, любо мечникъ, любо изгои, ли словѣнинъ: то 40 гривенъ положити зань". Слѣдовательно, съ одной стороны, изгои не отличались, напримѣръ, съ точки зрѣнія уголовнаго права отъ остального населенія и приравнены даже къ служилымъ людямъ, какими являются гриди и мечники [4]), а съ другой—они все-же составляютъ особый классъ населенія.

„Отрѣшенный отъ своего рода и поэтому поставленный внѣ всякихъ общественныхъ отношеній, изгой былъ существо самое безпомощное и несчастное"—говоритъ г. Калачевъ [5]). По его мнѣнію, изгой былъ до такой степени лишенъ всякой точки опоры въ обществѣ, что не имѣлъ другого средства къ

---

[1]) См. ст. Калачова „Изгои" въ Арх. ист.-юр. свѣд., I, стр. 59. Срав. разборъ мнѣнія Буслаева г. Энгельманомъ въ Арх. ист.-юр. свѣд. III, стр. 41 и слѣд.

[2]) Замѣтка въ арх. ист.-юр. св. II. 2, стр. 42.

[3]) Церковный уставъ нов. кн. Всеволода.

[4]) Сергѣевичъ, Русскія юридическія древности. т. I, стр. 263.

[5]) Калачовъ почему-то приводитъ въ связь свой взглядъ на изгоевъ съ тѣмъ мѣстомъ изъ толкованія на молитву „Отче нашъ" (рукопись XV вѣка), гдѣ вслѣдъ за исчисленіемъ разныхъ грѣховъ, сказано: „всего-же есть горѣе изгойство взимати, иже взимающей, тіи не отдадуть опять тѣмже". Онъ переводитъ это мѣсто (ц. с., стр. 63). „нѣтъ болѣе тяжкаго грѣха, какъ самовольно дѣлаться изгоемъ". Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что изгойство считалось большимъ грѣхомъ. Едва-ли такое толкованіе правильно. Вотъ мѣсто приводимое въ Ар. ист.-юр. свѣд. II, 2, стр. 42. Буслаевымъ: „аще-жъ кто челядь

поддержанію своего существованія, какъ пуститься на грабежъ, сдѣлаться разбойникомъ [1]). Слѣдовательно, изгойство вело къ двоякаго рода тяжелымъ послѣдствіямъ: съ одной стороны, страдали и сами изгои, положеніе которыхъ, разъ имъ для пропитанія приходилось заниматься разбоемъ, было не приглядно, съ другой стороны—страдала отъ ихъ разбоевъ и страна. Въ видѣ мѣры противъ такого зла устанавливается для изгоевъ особое покровительство церкви.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, отрѣшались-ли изгои отъ рода или отъ общины, придется изъ сказаннаго принять за фактъ только то, что изгои были люди, выбившіеся изъ своей, присущей имъ обстановки, изъ того образа жизни, внѣ котораго они дѣлались не только фактически, но и юридически слабыми, почти безправными, и что, жалѣя ихъ, или же, видя необходимость притти имъ на помощь, церковь устанавливаетъ между ними и собой отношенія по защитѣ. Едва-ли, однако, можно считать доказаннымъ, что изгой непремѣнно долженъ былъ дѣлаться разбойникомъ, какъ думаетъ Калачевъ (самъ-же онъ признаетъ, что нѣкоторые изгои были просто безродными, сиротами), точно такъ-же и едва-ли вполнѣ доказательно мнѣніе г. Сергѣевича, который думаетъ, что

продаетъ, да елико дано есть, толко-жъ опять взяти на немъ. Аще ли кто лише емлетъ, то не наклады, но прасолитъ живыми душами, съ ними-жъ предъ Богомъ стати есть. Аще-ли кто искупается на свободу, да вдастъ цѣну, юже дали на немъ, и потому свободенъ дѣти приживетъ, и тѣ аще имутъ имати на немъ изгойство, то обрѣтается продая кровь неповинную и взыщется милостыни. Милостивіи бо помилованы будутъ. Аще кто, хотя спасенія, кается, да опять дасть тѣмъ, ихже обидѣлъ, а не тако не быти прощену". (Изъ рукописи „Вирашанію Кюрикову"). Намъ кажется, что изъ этого мѣста ясно, что слову изгойствовать памятники придавали тотъ-же смыслъ, который выше выраженъ словами „лише емлетъ", „живыми душами прасолитъ". Не совсѣмъ понимаемъ также почему проф. Сергѣевичъ, толкуя указанную выше рукопись XV вѣка, подъ словомъ изгойство понимаетъ выкупъ, платимый холопамъ господину при выходѣ на свободу (Юр. др., стр. 265). Не самый выкупъ назывался изгойствомъ, а излишекъ противъ дѣйствительной цѣны холопа.

[1]) Ц. с. Калачевъ стр. 61.

изгой не былъ умаленъ въ правахъ [1]). Г. Сергѣевичъ ссылается на памятники, но памятники даютъ весьма скудныя указанія объ изгояхъ, болѣе констатируя фактъ ихъ существованія, чѣмъ опредѣляя ихъ права. Сдѣлавшись церковными людьми, изгои получали болѣе прочное положеніе, но не потому-ли они и были признаваемы церковными людьми, что не имѣли ранѣе такого положенія?

Интересенъ вопросъ, всѣ ли виды изгоевъ перечисляются церковнымъ уставомъ Всеволода, или-же только нѣкоторые? Проф. Сергѣевичъ думаетъ, что только нѣкоторые. Онъ утверждаетъ далѣе, что отдѣльныхъ видовъ такихъ людей можетъ быть очень много [2]). Такого-же мнѣнія держится и Калачевъ [3]). Онъ, напримѣръ, думаетъ, вмѣстѣ съ проф. П. В. Павловымъ, что круглыя сироты изъ боярскихъ родовъ или потомки бояръ, отдѣлившіеся отъ своихъ родовыхъ общинъ, были непремѣнно изгоями, равнымъ образомъ, были изгоями и простолюдины, отрѣшенные отъ родовъ своихъ. Неполноту Всеволодова устава, по его мнѣнію, слѣдуетъ объяснять тѣмъ обстоятельствомъ, что при новомъ порядкѣ вещей, установившемся со времени призванія князей съ ихъ дружинами, положеніе изгоевъ не для всѣхъ ихъ осталось равнымъ и не всѣ изъ нихъ одинаково нуждались въ защитѣ церкви. Г. Ланге, наоборотъ, повидиму, считаетъ перечисленіе, сдѣланное уставомъ, исчерпывающимъ [4]). Это мнѣніе кажется намъ болѣе вѣрнымъ, такъ какъ, конечно, если подъ изгоями понимать лицъ, отбившихся отъ своихъ, отъ своей среды, обстановки, отъ своего рода занятій, то отдѣльныхъ видовъ такихъ людей можетъ быть не мало, но

---

[1]) Сергѣевичъ, ц. с.. стр. 267.

[2]) Ibidem, ц. с., стр. 265.

[3]) Калачевъ, ц. с., стр. 70 и сл.

[4]) Ланге. изслѣд. объ угол. правѣ Русск. Правды, Арх. ист.-юр. свѣд., III, стр. 67 и сл. Г. Ланге держится оригинальнаго воззрѣнія на сущность изгой-

можно-ли приравнять положеніе лица, только осиротѣвшаго въ буквальномъ смыслѣ этого слова, или только изгнаннаго изъ данной среды, съ положеніемъ человѣка, лишеннаго главнаго основанія, а, стало быть, и всего смысла своей жизни? Одно—поповъ сынъ, незнающій грамоты, и другое—боярскій сынъ, оставшійся круглой сиротой. Другихъ-же подобныхъ примѣровъ, если считать перечень, данный уставомъ только примѣрами, кажется, найти нельзя.

Но можно-ли, спрашивается далѣе, говорить объ изгояхъ, какъ о лицахъ не только фактически, но и юридически слабыхъ? Правда, первая статья Русской Правды приравниваетъ убійство изгоя къ убійству даже служилыхъ людей, но, вникая въ перечень видовъ изгойства, сдѣланный уставомъ Всеволода, нельзя не видѣть, что тамъ указаны только такіе разряды лицъ, для которыхъ, въ виду ихъ сиротства, остается одинъ удѣлъ—безправіе. Какими правами, напримѣръ, можетъ пользоваться князь, аще осиротѣетъ, или поповъ сынъ, который грамотѣ не умѣетъ? Имъ остается одно—итти въ холопы. Тутъ мы, такимъ образомъ, имѣемъ еще доказательство въ пользу нашей мысли о томъ, что уставъ Всеволода исчерпываетъ всѣ виды изгойства въ точномъ смыслѣ слова: боярскій сынъ, оставшійся круглой сиротой, можетъ поступить на службу, и не зачѣмъ церкви заботиться о немъ, а поповъ сынъ, который не знаетъ грамотѣ, князь, который потеряетъ удѣлъ, купецъ, который лишится торговаго капитала, холопъ, который выкупится,—они всѣ, при извѣстномъ строѣ жизни, дѣйствительно,—лишніе люди, о которыхъ надлежитъ особо заботиться.

ства. По его мнѣнію, изгоями назывались лица, лишенныя матеріальныхъ средствъ. Далѣе онъ думаетъ, что къ изгоямъ слѣдуетъ причислять не только тѣхъ, кто сдѣлался изгоемъ, вслѣдствіе своекорыстныхъ дѣйствій другихъ, но и тѣхъ, кто впалъ въ нищету или случайно, или по собственной винѣ (ц. с., стр. 70). Изъ другихъ оригинальныхъ воззрѣній на изгоевъ отмѣтимъ еще мнѣніе Иванишева: изгоевъ онъ считаетъ иностранцами, пришельцами. (О платѣ за убійство, стр. 89). Впрочемъ, послѣднее мнѣніе повторяетъ, въ сущности, Карамзина.

Трудно возстановить на основаніи скудныхъ показаній источниковъ, какого рода было это особое покровительство церкви по отношенію къ изгоямъ. Одно мы знаемъ навѣрное: изгои считались людьми церковными. На это прямо указываетъ уже цитированное мѣсто устава Всеволода: „А се церковныа люди: игуменъ, игуменья, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а кто въ крылосѣ: попадья, чернецъ, черница, проскурница, паломникъ, свѣщегасъ, сторон̂икъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгои трои". Перечисливъ три типа изгоевъ и прибавивъ указаніе на четвертый типъ, уставъ заключаетъ: „То люди церковныа, богадѣльные; или митрополитъ, или епископъ вѣдаютъ между ими судъ или обиду, или кому прикажуть". Приходится думать поэтому, что, и по отношенію къ изгоямъ, уравниваемымъ по уставу съ остальными видами церковныхъ людей, покровительство церкви выражалось тождественно съ покровительствомъ по отношенію къ этимъ остальнымъ. Въ свою очередь, изгои ставились по отношенію къ своимъ спеціальнымъ покровителямъ въ обязательныя отношенія. Это мы можемъ заключать изъ извѣстнаго мѣста устава о мощеніи Новгорода, гдѣ говорится: „Владыцѣ сквозѣ городная врата съ изгои, а съ другыми изгои до Острое улици" [1]. Точно также и въ уставѣ Смоленскаго князя Ростислава епископу Мануилу сказано, что епископу дано „село Дросенское, со изгои и съ землей, и село Ясенское, и съ бортникомъ, и съ землею, и съ изгои" [2]. Правда, всѣ эти данныя не даютъ намъ возможности что-либо утверждать опредѣленно, но, основываясь на нихъ, можно думать, что покровительство по

[1] Этотъ уставъ включенъ въ позднѣйшіе списки Русской Правды. См „О городскихъ мостѣхъ", стр. 129, у Калачева, „Предварит. юридич. свѣд. для полнаго объясненія Русской Правды".

[2] Доп. къ А. И., т. I, № 4.

отношенію къ изгоямъ было проявленіемъ интересующей насъ идеи патроната [1]).

Болѣе сложенъ, на нашъ взглядъ, вопросъ о закладняхъ. По господствующему мнѣнію, закладничество есть не что иное, какъ нахожденіе лица въ закладѣ, т. е.—обезпеченіе долга личностью должника. Такъ думаютъ Карамзинъ [2]), Рейцъ [3]), Неволинъ [4]),и друг. Соловьевъ, наоборотъ, выступилъ съ мнѣніемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ указанными: считая закладней людьми, во всякомъ случаѣ, свободными, онъ понимаетъ отношенія закладничества, какъ отношенія по защитѣ и приравниваетъ эти отношенія къ тѣмъ искусственнымъ союзамъ, которые въ западной Европѣ создали отношенія вассалитета [5]). Проф. Сергѣевичъ какъ бы пытается примирить эти противоположныя мнѣнія: по его словамъ, власть надъ закладнемъ есть поздній отголосокъ той власти, которая съ древнѣйшихъ временъ принадлежала кредитору по

---

¹) Проф. Сергѣевичъ (ц. с., стр. 265) думаетъ, что слово изгой можетъ быть примѣнено еще и вообще для обозначенія низшаго разряда людей: смердовъ, крестьянъ. Онъ ссылается въ подтвержденіе на уставъ князя Ростислава. Но едвали-ли нужно толковать „изгоевъ“ этого устава не по принятому выше смыслу. Тутъ не смерды и не крестьяне, а именно „изгои“, благодаря особому покровительству церкви и имѣвшіе возможность обзавестись хозяйствомъ и занявшіеся земледѣліемъ.

²) Ист. госуд, Россійск., т. IV, гл. 3.

³) Опытъ исторіи рос. госуд. и гражд. закон. стр. 136, 191, 193, пр. 5.

⁴) Ист. рос. гражд. зак., III, § 445 ср. ст. II, стр. 139, Неволинъ отождествляетъ закуповъ съ закладнями. Тутъ-же прибавимъ, что достаточно полныя библіографическія указанія по вопросу о закладняхъ можно найти въ работѣ, Г. Н. Павлова-Селиванскаго „Закладничество-патронатъ“. Эта работа вышла во время печатанія настоящей книги, давъ намъ еще разъ возможность убѣдиться, что вопросъ объ отношеніяхъ изъ патроната, дѣйствительно, назрѣвшій въ наукѣ права вопросъ.

⁵) Соловьевъ, „Наблюденія надъ исторической жизнью“, стр. 485. сочин. Отдѣльныя замѣчанія можно найти и въ „Исторіи Россіи“, гдѣ, между прочимъ, Соловьевъ утверждаетъ, что характеръ защиты такія отношенія имѣли еще и въ началѣ 18 вѣка.

отношенію къ закладню; другими словами, это—власть, перешедшая въ покровительство [1]).

Весь вопросъ тутъ, какъ кажется, въ томъ, что было на первомъ планѣ при установленіи отношеній закладничества—обезпеченіе ли долга, или установленіе защиты? Другими словами: устанавлился-ли закладъ для защиты, для образованія извѣстной связи, какъ основанія для защиты, или-же защита давалась только потому, что то или иное лицо, служившее обезпеченіемъ долга, подпадало подъ частную власть и охранялось во имя обезпеченія долга? Для нашей цѣли этотъ вопросъ самый важный.

По словамъ Рейца, какъ уже сказано выше, закладень есть заложникъ по закладному контракту. Онъ основываетъ этотъ взглядъ на толкованіи договорныхъ грамотъ: „а закладніи ны въ городѣ не держаты" (1389 г.); „а изъ Бѣжицъ княже люди не выводите... ни закладниковъ не пріимати" (1263 г.); „а что закладниковъ въ Торжку или индѣ, или за тобою, или за княгинею, или за мужи твоими кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свои погость; тако пошло въ Новгородѣ, отпусти ихъ проць" (1309 г.). Но эти мѣста указываютъ только на то, что у князей былъ обычай держать за собой, или за княгиней, или за мужами своими закладниковъ, которые не тянули вмѣстѣ со своей сотней или своимъ погостомъ. Тутъ, однако, вовсе не опредѣляется сущность закладничества.

Не только Рейцъ, но и всѣ позднѣйшіе историки права, повторяя и развивая слова Рейца, смущаются въ данномъ вопросѣ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что названіе „закладни", „закладчики" близко по звуковому сочетанію со словомъ „закладъ", въ которомъ непремѣнно хотятъ видѣть имущественную сдѣлку. Нѣтъ спора, что, быть можетъ, иногда

---

[1]) Сергѣевичъ, ц. с., стр. 274.

формой закладничества и было долговое обязательство, но была ли эта форма неизбѣжной принадлежностью закладничества, или же только случайной—на этотъ вопросъ сторонники господствующаго мнѣнія опредѣленнаго отвѣта дать не могутъ. А вотъ какія соображенія можно представить противъ обязательнаго имущественнаго характера отношенія закладничества: во первыхъ, не понятно, почему именно у князей, княгинь и княжескихъ мужей получило начало закладничество; древнѣйшія-же свидѣтельства, какъ, напримѣръ, договоры Новгорода съ тверскими князьями, говорятъ именно объ этомъ видѣ закладничества. Казалось бы, что человѣкъ, нуждающійся въ деньгахъ и ради нихъ только дающій свою личность въ обезпеченіе, могъ бы найти иныхъ кредиторовъ, менѣе вліятельныхъ и, слѣдовательно, менѣе требовательныхъ, чѣмъ князь, княгиня и княжьи мужи. Во вторыхъ, почему нигдѣ не говорится о кабалѣ по закладничеству и какая—слѣдуетъ дальнѣйшій вопросъ—разница между закладнемъ и кабальнымъ холопомъ? Неволинъ, какъ мы уже знаемъ, отождествляетъ закладня съ закупомъ, но проф. Сергѣевичъ [1]) уже достаточно выяснилъ, что закупъ есть наймитъ, а это, какъ очевидно, дѣлаетъ серьезное различіе между закладнемъ и закупомъ. Однако, и Неволинъ не отождествляетъ закладня съ кабальнымъ холопомъ. Не отождествляетъ и проф. Чичеринъ, который идетъ въ этомъ направленіи дальше всѣхъ, признавая, что закладень есть терминъ, явившійся на смѣну исчезнувшаго закупа, а кабальный холопъ есть терминъ, смѣнившій закладня [2]). Проф. Чичеринъ, который, думается, долженъ былъ бы, въ концѣ концовъ, отождествить закладня съ кабальнымъ, все таки останавливается на полдорогѣ, смягчая отождествленіе поправкой въ видѣ идеи

---

[1]) Ibidem стр. 176 и сл.

[2]) Чичеринъ, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 154.

исторической преемственности. А вѣдь мы и не утверждаемъ, что закладни были институтомъ, получившимъ разъ на всегда законченную форму, не доступную никакимъ историческимъ вліяніямъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, приводитъ къ убѣжденію, что закладни до XVI—XVII вѣковъ представляли изъ себя одинъ типъ, а съ того времени нѣсколько иной. Условія-же для такой перемѣны типа, кажется, не трудно отыскать въ условіяхъ быта.

Закладываться за кого нибудь не значитъ только отдаваться кому нибудь въ залогъ, но и держаться за кѣмъ или чѣмъ нибудь, входить въ зависимость, съ цѣлью получать защиту [1]). Отсюда и закладни—люди, вошедшіе въ зависимость во имя защиты, предавшіеся кому-либо для полученія отъ него защиты. Съ этой точки зрѣнія, и тѣ мѣста изъ договоровъ, на которыя указываетъ Рейцъ, и другія мѣста, которыя приведемъ ниже, уже не возбуждаютъ серьезныхъ сомнѣній. „А закладніи ны въ городѣ не держати" — потому что закладничество имѣетъ не столько имущественный, сколько политическій характеръ. Путемъ привлеченія закладней, какъ нѣкогда патриціи путемъ увеличенія числа кліентовъ, князь, княгиня и мужи ихъ пріобрѣтали бы особую силу въ Новгородѣ, а, оберегая вольности свои, Новгородцы не могли мириться съ такимъ положеніемъ вещей. Это все становится еще яснѣе, если вспомнить слова князя тверского Михаила въ договорѣ съ Новгородцами: „а кто будетъ закладень позоровалъ ко мнѣ, а жива въ Новогородской волости тѣхъ всѣхъ отступилъся есмь Новугороду; а кто будетъ давныхъ людий въ Торъжку и въ Волоцѣ, а позоровалъ ко Тфѣри при Александрѣ и при Яро-

---

[2]) Толковый словарь, т. I, стр. 602. Подробно развиваетъ это объясненіе, основываясь на словахъ Соловьева, г. Павловъ-Сильванскій, въ ц. с., стр. 9 и сл. Отмѣтимъ, кстати, что г. Павловъ-Сильванскій, повидимому, не признаетъ существенной разницы между закладнями до XV вѣка и послѣ, хотя и дѣлитъ разсмотрѣніе вопроса на два періода: удѣльный и московскій.

славлѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ [1])“ Проф. Сергѣевичъ видитъ здѣсь только доказательство того, что должникъ можетъ жить даже въ разныхъ княжествахъ со своимъ кредиторомъ, но что и въ такихъ случаяхъ онъ все таки будетъ подчиняться не мѣстной власти, а своему кредитору [2]). Кромѣ этого, данное мѣсто показываетъ еще и какого характера было это подчиненіе. Оно имѣло политическое значеніе, такъ какъ именно поэтому князь Михаилъ и долженъ включить статью о закладняхъ, живущихъ въ Новгородѣ, въ договоръ съ Новгородомъ. Характерна здѣсь также и терминологія: князья „принимаютъ“ и „держатъ“ закладней, подобно тому, какъ они держатъ и города, и не отпускаютъ на волю, какъ холоповъ, а отступаются отъ нихъ. Закладни-же, въ свою очередь, „позоруютъ“ къ князю, какъ его подданные, и даже, какъ въ приведенной выше цитатѣ, иногда и не къ князю лично, а къ городу, какъ къ государству (тутъ—къ Твери) [3]). И это въ то время, когда памятники, говоря о должникахъ въ точномъ смыслѣ этого слова, употребляютъ выраженія: „а кто ти ся продалъ—тѣхъ ти отпустити“ [4]).

Такимъ образомъ, закладни удѣльнаго періода не являются должниками, личностью которыхъ обезпечивается долгъ, а они нѣчто вродѣ римскихъ кліентовъ, чувствующіе свою слабость люди, ищущіе покровительства у болѣе сильныхъ. Въ тотъ періодъ исторической жизни, когда государственная власть еще не крѣпка, такое явленіе вполнѣ понятно и легко объяснимо. Закладываются за кого нибудь сильнаго, чтобы пользоваться его покровительствомъ, юридическая слабость прикрывается правовой сферой сильнаго, и результа-

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и договор. т. I, № 4. 5.
[2]) Сергѣевичъ, ц. с., стр. 270.
[3]) Павловъ-Сильванскій. ц. с., стр. 39.
[4]) Собр. Госуд. Грам. и догов. т. I, № 28.

томъ этого являются отношенія патроната. А въ возмѣщеніе оказываемаго покровительства патронируемый закладень приносилъ свою службу и благодарность, неся, слѣдовательно, юридическія обязанности уже не по отношенію къ государству, а по отношенію къ патрону.

По мѣрѣ укрѣпленія государственной власти падаетъ и жизненное значеніе института. Смыслъ „закладываться“, конечно, еще есть, и очень большой, такъ какъ даже и въ 17 вѣкѣ о закладчикахъ говорится, что они „живутъ себѣ въ покоѣ“ [1]), но государственная власть не видитъ возможности примирить существованіе такого института со своими задачами. Отсюда и начались, съ одной стороны, борьба государственной власти со стремленіемъ людей, ищущихъ уйти отъ государства, закладываясь за сильныхъ, а, съ другой стороны,—и перерожденіе самаго института. Хотя мы видимъ въ памятникахъ еще остатки первоначальнаго взгляда на закладней [2]), но кому-же изъ тѣхъ, за кѣмъ закладывались, могло не быть соблазнительнымъ отягчить положеніе закладней, разъ самое закладываніе на столько строго запрещалось, что какъ мы знаемъ изъ Уложенія, господину, принимавшему закладчика, угрожала конфискація земель [3])? Наконецъ, не было въ это время и достаточно независимыхъ

---

[1]) Собр. Г. Г. и Д. т. Ш, № 47.

[2]) См. статью г. Павлова-Сильванскаго, стр. 14—31. Но еще при московскихъ великихъ князьяхъ закладничество имѣло политическій характеръ, что видно, напримѣръ, изъ договора великаго князя Дмитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ: „а тобѣ, брату моему молодшему, въ моемъ удѣлѣ селъ не купити, ни твоимъ боярамъ, ни закладневъ ти недержати“. (Собр. Г. Г. и Д. I, № 28).

[3]) Уложеніе, XIX, ст. 13. Тутъ, между прочимъ, говорится: „и впредь всѣмъ тѣмъ людямъ, которые взяты будутъ за государя, ни за кого въ закладчики не записыватися“. „Быть взяту“ и „записываться въ закладчики“ тутъ синонимы. Не служитъ-ли это еще однимъ доказательствомъ въ пользу прежняго, старинняго, такъ сказать, исконнаго смысла слова „закладень“, принятаго выше?

людей, которые, при теперь уже объединенной и окрѣпшей государственной власти, удовлетворяли бы всѣмъ условіямъ, требуемымъ отъ того, за кѣмъ можно было бы безбоязненно и съ выгодой для себя закладываться. Вотъ почему мы и думаемъ, что закладни послѣ момента усиленія государственной власти уже потеряли свое первоначальное значеніе. Съ этой точки зрѣнія, вѣроятно, и правъ проф. Чичеринъ, когда онъ высказываетъ готовность считать кабальное холопство развившимся изъ закладничества.

Весьма возможно, что указанными двумя видами проявленія идеи патроната еще не исчерпываются всѣ виды, какіе существовали въ исторіи русскихъ общественныхъ отношеній, но отсутствіе положительныхъ данныхъ заставляетъ невольно быть осторожнымъ.

Съ нѣкоторой лишь приблизительностью поэтому можно предположить, что и смерды, упоминаемые очень часто источниками, были по отношенію къ князьямъ въ положеніи патронируемыхъ, т. е. были подъ юридической защитой князей. Если желать быть вполнѣ точнымъ, то эту мысль слѣдуетъ выразить такъ: отдѣльныя мѣста памятниковъ даютъ основаніе думать, что смерды занимали какое то особое положеніе; разсмотрѣніе же этого особаго положенія даетъ основаніе думать, что содержаніемъ здѣсь являлась юридическая защита.

Проф. Сергѣевичъ, ссылаясь, между прочимъ, и на Рейца, думаетъ, что вопросъ о смердахъ не долженъ вызывать споровъ и только затемненъ изслѣдователями [1]). Едва-ли это такъ, если принять толкованіе проф. Сергѣевича. Смерды, по его мнѣнію составляли низшій слой свободнаго населенія и были ни чѣмъ инымъ, какъ пахарями, сельскими работниками [2]). Но мы не ви-

---

[1]) Сергѣевичъ' ц. с., стр. 173.

[2]) Ibid., стр. 173 и 166.

димъ полнаго подтвержденія такому взгляду даже у Рейца, на котораго ссылается проф. Сергѣевичъ. Правда, Рейцъ называетъ смерда простолюдиномъ и причисляетъ его, какъ и рядовича, къ послѣднему классу въ государствѣ [1]), но далѣе Рейцъ говоритъ: „и такъ для земледѣлія, для обрабатыванія княжескихъ земель, оставался только простолюдинъ, смердъ; какія условія заключались въ такихъ случаяхъ не видно; можетъ быть, они состояли въ службѣ, поставкѣ естественныхъ произведеній и податяхъ“ [2]). Не ясно ли отсюда, что уже и Рейцъ подозрѣвалъ существованіе какихъ-то особыхъ отношеній между княземъ и смердомъ?

Лешковъ впервые высказалъ категорически, что смерды были людьми князя, которые, оставаясь для всѣхъ свободными, были по отношенію къ князю въ особыхъ отношеніяхъ [3]). Между другими доказательствами Лешковъ приводитъ слова лѣтописи: „Янъ-же испытавъ, чья еста смерда, и увидѣвъ яко своего князя, пославъ къ нимъ, иже около ею суть, рече имъ: „выдайте волхва та сѣмо, яко смерда еста моего князя“ (Сводн. 1071 г.). Тутъ рѣчь идетъ о волхвахъ, пришедшихъ во время голода въ Ростовской области изъ Ярославля въ Бѣлоозеро и указывавшихъ „кто обилье держитъ“, чѣмъ они обманывали многихъ и, убивая неповинныхъ, брали себѣ ихъ имѣнье. Эти волхвы были смерды князя. Ихъ Янъ называетъ даже просто: „смерда еста моего князя“. Проф. Сергѣевичъ, однако, объясняетъ это мѣсто иначе: „дѣло въ данномъ случаѣ шло о преступленіи, совершенномъ волхвами, и о судѣ надъ ними; подсудность же опредѣлялась подданствомъ; вотъ Яну и надо было выяснить, чьи подданные волхвы“ [4]). Если все это и такъ, то гдѣ, тѣмъ

---

[1]) Рейцъ, ц. с., стр. 36.
[2]) Ibidem, стр. 39.
[3]) Лешковъ, Русск. народъ и госуд., стр. 157 и сл.
[4]) Сергѣевичъ, ц. с., стр. 174.

не менѣе, тутъ основаніе понимать подданство въ смыслѣ государственнаго, а не личнаго подданства? Если же такихъ данныхъ нѣтъ, то, слѣдовательно, и все возраженіе падаетъ само собой. Лешковъ указываетъ также и на статью Русской Правды: „а за княжь конь 3 гривны, а за смердый 2 гривны“. (Ст. 25 акад. см.). Тутъ интересно то обстоятельство, что Правда упоминаетъ только коней князя и смерда. Проф. Сергѣевичъ думаетъ, что слово смердъ употреблено памятникомъ въ широкомъ смыслѣ — „иныхъ“, въ видѣ противоположенія князю [1]). Что слово смердъ имѣло и широкій смыслъ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, но еще вопросъ, какой смыслъ былъ болѣе ранній, и можно ли въ данномъ случаѣ толковать по широкому, а не по спеціальному смыслу слова.

Взглядъ, высказанный Лешковымъ, подкрѣпляется еще доводомъ, приводимымъ Никольскимъ. Онъ вспоминаетъ статью Русской Правды: „аже умреть смердь безъ дѣтей, то задница его князю“. (ст. 59, изд. Кал.). „Если князь отбиралъ у безсыновно умершихъ смердовъ имущество, то слѣдовательно, онъ имѣлъ на это какое нибудь право, точно такъ, какъ смерды обязаны были подчиняться этому праву—отдавать свое имущество“—говоритъ Никольскій [2]),

И такъ, если возможенъ еще дальнѣйшій споръ, нельзя

---

[1]) Ibid. стр. 166.

[2]) Никольскій, О началахъ наслѣдованія въ древнемъ русскомъ правѣ, стр. 357. Проф. Сергѣевичъ (ц. с. стр. 176) въ опроверженіе этого взгляда ссылается на чтеніе данной статьи Русской Правды, предложенное Цитовичемъ (Исходные моменты, стр. 35); но, если даже „безъ дѣтей“ и не значитъ „безъ сыновей“, то въ остальномъ аргументація Никольскаго не разрушается. См. также проф. Владимірскій-Будановъ „Христом. по ист. русск. пр.“ стр. 70, прим. 134, гдѣ „безъ дѣтей“ читается „безъ сыновей“. Впрочемъ, проф. Владимірскій-Будановъ считаетъ, что князь получаетъ наслѣдство, какъ представитель общества. Но какъ согласовать такой взглядъ со словами изъ другой работы проф. Владимірскаго-Буданова (Обзоръ, I, стр. 13), гдѣ смерды называются смердами князя? Можетъ быть, только смерды, населявшіе земли общинныя, которыя по мнѣнію проф. Владимірскаго-Буданова, были землями государственными?

отрицать право предполагать, что между княземъ и смердами существовали какія-то особыя отношенія. Какія-же именно? Никольскій даетъ приблизительно слѣдующую картину. Какъ только,—говоритъ онъ,—племена, не участвовавшія въ призваніи князей были покорены, и князья усаживаются, начинаются между княземъ и призвавшими ихъ новыя отношенія: славяне переходятъ въ подвластныхъ, поданныхъ. Измѣняется и значеніе князя: изъ предводителя дружины онъ дѣлается верховнымъ повелителемъ, судьей, законодателемъ. Для князя, вмѣстѣ съ тѣмъ, надобятся уже и новые источники дохода; онъ извлекаетъ теперь доходъ уже не изъ того, что добудетъ дружина, а изъ пустопорожнихъ земель, поступившихъ въ его, княжеское распоряженіе. Но чтобы извлекать доходъ изъ этихъ земель, необходимо было заселить ихъ сначала. Во первыхъ, сюда поселялись рабы; во вторыхъ, на этихъ земляхъ могли селиться и свободные обѣднѣвшіе, безпріютные, искавшіе себѣ покровительства и защиты. Эти люди и составили классъ смердовъ. Смерды были какъ бы наймитами, закупами княжескими, работавшими изъ-за хлѣба и защиты. Смерды состояли на барщинѣ князя.

Нѣсколько иначе рисуетъ положеніе смердовъ Никитскій [1]), который думаетъ, что смерды земельной собственности не имѣли, а потому принуждены были жить на чужихъ земляхъ (не только на княжескихъ). Что-же касается, напримѣръ, псковскихъ смердовъ, то они за пользованіе землей платили и князю, и Пскову.

Ближе другихъ къ истинѣ, кажется, Лешковъ. Называя смердовъ людьми князя, онъ только не доразвилъ мысли, не досказавъ, что видитъ здѣсь отношенія по защитѣ. Къ этому же послѣднему взгляду мы приходимъ, сопоставляя имѣющіеся въ источникахъ данныя. Смерды были несомнѣнно

---

[1]) Никитскій, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, стр. 279 и 282.

не холопы, они были люди свободные. Это очевидно изъ Русской Правды: „то ти оуроцѣ смердомъ, оже платять князю продажю“, въ то время какъ: „аже будуть холопи татие... іхъ-же князь продажею не казнить, зане суть не свободни“. (Ст. 41 и 42 Тр. сп.). Смерды были сельскими жителями— это можно заключить изъ словъ лѣтописи: „а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ“ (1103) [1]) Они противополагались земцамъ: „толко Семцю яша одного живого, ти смердъ николико“ (Л. 1096). Они были, однако, близки князю, что можно думать, основываясь на словахъ лѣтописи: „и нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 (50) гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а ноугородцемъ по 10 гривенъ. (1019 г.) [2]). Проф. Сергѣевичъ видитъ здѣсь почему то противоположеніе между смердами и новгородцами, какъ между сельскими и городскими жителями [3]). Отчего не допустить мысли, что рѣчь идетъ о княжихъ людяхъ изъ числа княжихъ смердовъ, участвовавшихъ въ войнѣ съ Ярополкомъ? Особенно, если сопоставить съ другимъ указаніемъ лѣтописи: „тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти“ [4]). Это же мѣсто подтверждаетъ отчасти и предположеніе объ особой заботливости князя по отношенію къ смерду. Что смерды были болѣе или менѣе близки князю, можно выводить еще и изъ словъ Олега: „нѣсть мене лѣпо судити епископу, или игуменомъ, или смердомъ нашимъ, бояромъ [5]). Слова „смердомъ нашимъ“ являются опредѣленіемъ для „бояромъ“; Олегъ говоритъ по аналогіи.

Очень возможно, что смерды и не имѣли собственности. Хотя лѣтопись и говоритъ о рольѣ смерда [6]), но изъ этого

---

[1]) Свод. Лѣт., стр. 207.
[2]) Ibid, стр. 120.
[3]) Сергѣевичъ, ц. с., стр. 171.
[4]) Л., Поучен. Яросл., Св. Л., стр. 333.
[5]) Ник. 1096.
[6]) Свод. Лѣт. стр. 207.

еще не слѣдуетъ, что смердъ понимался, какъ собственникъ, а не какъ владѣлецъ. Тоже относится и къ дальнѣйшимъ словамъ лѣтописи: „а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и пріѣхавъ Половчинъ, ударить и стрѣлой, а лошадь его поиметь, а въ село его ѣхавъ, иметь жену его, и дѣти его, и все имѣнье его". Если принять такое толкованіе, статья Правды о конѣ смерда уже не будетъ вызывать теперешнихъ сомнѣній: оттого и упоминается только конь смерда да конь князя, что и смердій конь—собственность князя. Если-же князь давалъ смерду и землю, и всякое другое имѣнье въ пользованье и даже худого смерда не давалъ въ обиду, относясь къ нему, какъ къ вдовицѣ, т. е. какъ къ лицу, требовавшему особой заботы, то, естественно, и смердъ былъ ему работникомъ и обязаннымъ. Едва ли правъ Никольскій, приравнивая смерда къ наймиту, закупу—на это нѣтъ въ источникахъ никакихъ указаній, какъ нѣтъ указаній и на то, что смердъ отправлялъ барщину. Быть можетъ, его положеніе болѣе подходитъ къ положенію закладня.

Высказаннымъ здѣсь предположеніямъ, на первый взглядъ, противорѣчатъ тѣ мѣста лѣтописи, которыя говорятъ о положеніи смердовъ въ Новгородѣ и Псковѣ. Напримѣръ, хотя бы разсказъ о томъ, что Новгородцы изгнали князя Всеволода Мстиславича за неблюденіе смердовъ [1]). Если бы смерды были какъ бы кліентами князя, едва-ли Новгородъ вмѣшался бы въ отношенія по такому патронату. Или, напримѣръ, прямое указаніе лѣтописи на то, что смерды въ Псковѣ „изъ вѣковъ вѣчныхъ" должны были платить дань не только князю, но и Пскову [2]). Однако, противорѣчіе можетъ быть устранено, если предположить, что Новгородъ и Псковъ,

[1]) „А се вины его творяху: не блюдеть смердь". 1136 г.

[2]) „И найде тую грамоту, како смердамъ изъ вѣковъ вѣчныхъ князю дань даяти и Пскову". 1486 г.

во имя своихъ вольностей, присвоили себѣ и все значеніе князя, что и повело къ образованію смердовъ, коммендировавшихся не только князю, но и городу. Весьма вѣроятно, далѣе, что смерды-кленты впослѣдствіи стали утрачивать свои особенности по коммендаціи, уравниваясь съ другими видами простолюдиновъ, сидѣвшихъ на чужихъ земляхъ. По крайней мѣрѣ, въ моментъ борьбы князей съ Псковскимъ вѣчемъ изъ за смердовъ, смерды уже мало напоминаютъ тѣхъ смердовъ—кліентовъ, о которыхъ мы говорили выше [1]).

Легко допустимо, что подобнаго же рода предположенія могутъ быть сдѣланы и относительно нѣкоторыхъ другихъ классовъ населенія, подъ разными именами встрѣчающихся въ памятникахъ, но за недостаткомъ болѣе или менѣе значительныхъ данныхъ ограничимся сказаннымъ. Тѣмъ болѣе, что для нашей цѣли важно лишь отмѣтить, что и русской правовой исторіи была не чужда интересующая насъ идея и вызываемыя ею отношенія.

---

[1]) Подробн. см. П. С. Р. Л., IV, 45, 1486. Толкованья ср. Никитскій, ц. с., стр. 282 и сл. и Сергѣевичъ, ц. с., стр. 167 и сл.

VIII.

Выводы изъ предыдущаго изложенія. Значеніе усиленія государственной власти въ исторіи идеи патроната. Идея патроната, какъ идея права внутренняго управленія. Возникновеніе полицейскаго государства. Ученіе эвдемонистовъ. Взгляды Юсти и Зонненфельса.

Изъ того, что нами уже разсмотрѣно, могутъ быть, какъ думается, сдѣланы слѣдующіе выводы:

1) Идея патроната находитъ себѣ практическое осуществленіе вездѣ, гдѣ человѣкъ, не имѣющій въ силу тѣхъ или иныхъ условій возможности пользоваться тѣми правами, какими необходимо пользоваться въ данномъ обществѣ, чтобы сознавать себя вполнѣ приспособившимся организмомъ, не получаетъ отъ власти достаточной помощи или поддержки. Бываютъ разныя причины, почему власть не оказываетъ этой поддержки: иногда въ виду господствующаго въ обществѣ убѣжденія въ исключительности права, иногда—просто въ виду существованія различныхъ обстоятельствъ, дѣлающихъ власть безсильной. Но каковы бы не были эти причины, разъ власть не даетъ защиты, человѣкъ устанавливаетъ для себя отношенія патроната.

2) Отношенія, устанавливаемыя во имя идеи патроната, ведутъ къ юридической защитѣ, но съ теченіемъ времени обращаются въ зависимость покровительствуемаго отъ покровителя, такъ что иногда бываетъ трудно различить, гдѣ кончается проявленіе идеи патроната и гдѣ начинается проявленіе идеи рабства и подчиненности.

3) Отношенія, устанавливаемыя во имя идеи патроната, становятся въ разрѣзъ съ требованіями, предъявляемыми къ

общественному порядку властью, если власть признаетъ себя началомъ самоцѣльнымъ.

Первые два вывода вытекаютъ изъ изложеннаго въ предъидущихъ главахъ съ такой очевидностью, что нѣтъ надобности останавливаться на дальнѣйшей аргументаціи. Что-же касается третьяго вывода, то слѣдуетъ сдѣлать одно замѣчаніе: власть, какъ начало объединяющее жизнь людей въ государствѣ и дающее высшій смыслъ этой жизни, сама по себѣ должна преслѣдовать защиту всѣхъ подлежащихъ ея воздѣйствію, какъ одну изъ своихъ основныхъ цѣлей. Съ этой точки зрѣнія не можетъ итти въ разрѣзъ съ идеей власти никакое проявленіе идеи патроната. Но идея власти, какъ и всякая юридическая идея, имѣетъ свою исторію, однимъ изъ періодовъ которой было представленіе о власти, какъ о началѣ самоцѣльномъ. Власть являлась тогда лишь однимъ изъ правъ ея носителя. Само собой разумѣется, что тогда проявленія идеи патроната должны были итти въ разрѣзъ съ требованіями во имя идеи власти.

Если-же эти три вывода можно считать установленными, то невольно рождается вопросъ: какова-же была дальнѣйшая судьба идеи патроната, послѣ того, какъ на развалинахъ феодализма образовались абсолютныя государства съ сильной, централизованной государственной властью? Естественный отвѣтъ: идея патроната потеряла всякое жизненное значеніе, перестала жить и въ сознаніи, и на практикѣ. Этотъ отвѣтъ тѣмъ болѣе естественъ, что именно въ это время власть и переживала съ особеннымъ напряженіемъ періодъ представленія о ней, какъ о началѣ самоцѣльномъ.

Но пусть и такъ. Если, дѣйствительно, въ исторіи каждаго народа можно наблюдать моменты, когда въ жизни его теряются всякіе слѣды проявленія идеи патроната, то моменты эти непродолжительны и ограничиваются временемъ стягиванія власти къ центру и перваго упоенія носителей

власти пріобрѣтеннымъ ими не безъ труда убѣжденіемъ, что ихъ власть существуетъ сама для себя. Жизнь сильнѣе такого рода фикцій и потому скоро заставляетъ признавать соотвѣтственныя правамъ обязанности, а это, въ свою очередь, заставляетъ вернуться къ идеѣ патроната, которая, такимъ образомъ, возвращается въ кругъ юридическихъ идей.

Правда, идея патроната какъ бы теряетъ свои специфическія особенности и видоизмѣняетъ формы своего проявленія во внѣ, но это не дѣлаетъ ее иной по существу. Идея патроната, которая до сихъ поръ, какъ мы видѣли, являлась идеей самостоятельной, имѣвшей свою самостоятельную сферу воздѣйствія, подпадаетъ теперь подъ вліяніе идеи власти и становится одной изъ идей права внутренняго управленія. Мало этого: она дѣлается органической частью самого понятія о внутреннемъ управленіи и его правѣ.

Разовьемъ эту мысль подробнѣе. Тогда, когда государственная власть еще слаба,—хотя несомнѣнно и тогда уже существуетъ то, что мы называемъ внутреннимъ управленіемъ,—нѣтъ еще права внутренняго управленія, такъ какъ отсутвуютъ принципы, на почвѣ которыхъ могло бы создаться это право. Какъ еще правильно замѣтилъ Лоренцъ Штейнъ [1]), если государство и опредѣляется управленіемъ, то, съ другой стороны, и внутреннее управленіе есть ничто иное, какъ примѣненіе идеи государства къ отдѣльнымъ отношеніямъ. Понятіе внутренняго управленія, слѣдовательно, едва-ли можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣчто самостоятельное: оно лишь отраженіе современнаго ему представленія о государствѣ. Съ этой точки зрѣнія, не трудно уяснить и положеніе идеи патроната. Слабость государственной власти, другими словами—отсутствіе представленія о государствѣ, какъ о единомъ и жизнедѣятельномъ организмѣ,—вела къ широкому

---

[1]) Die Verwaltungslehre, 2 Th., 1 Hauptg., Die In. Verwalt., стр. 10.

развитію начала законной защиты, которое, такимъ образомъ, какъ бы замѣняло собой недостающіе принципы внутренняго управленія. Усилившаяся государственная власть, т. е. въ данномъ случаѣ измѣнившееся представленіе о государствѣ, не представляла изъ себя по существу ничего новаго: измѣненіе представленія о государствѣ произошло подъ вліяніемъ обусловленной историческими обстоятельствами концентраціи власти. Но интегральныя части теперь уже объединенной власти остались все тѣ-же, и идея патроната вошла въ кругъ идей, изъ которыхъ слагалась идея новаго, возникшаго на развалинахъ феодализма, государства. А такъ какъ внутреннее управленіе является отраженіемъ идеи государства, то, слѣдовательно, и новое представленіе о государствѣ опредѣлило собой и начала, легшія въ основаніе внутренняго управленія. Изъ этого же, въ свою очередь, мы уже можемъ вывести, что и идея патроната, явилась однимъ изъ такихъ началъ.

Другими словами: при слабости государственной власти идея патроната замѣняетъ собой отсутствіе принциповъ, на почвѣ которыхъ могло бы развиться право внутренняго управленія; при усиленіи государственной власти, а, значитъ, и при возникновеніи права внутренняго управленія, идея патроната входитъ въ кругъ идей, которыми право внутренняго управленія опредѣляется. Само собой разумѣется, что подобнаго рода соединеніе – не механическое, отчего нельзя и думать, чтобы и теперь проявленія идеи патроната были все такими-же, какими показало намъ ихъ предыдущее разсмотрѣніе. Но если гдѣ и искать слѣды какъ бы вдругъ изсчезающей, вмѣстѣ съ появленіемъ абсолютнаго государства, идеи патроната, то, какъ намъ представляется, только въ кругу идей, совокупность которыхъ дала зародышъ именно въ эту эпоху и возникшаго права внутренняго управленія.

Чтобы доказать это, намъ остается одинъ путь: прослѣ-

дить, какъ постепенно формировалось представленіе о правѣ внутренняго управленія.

Принято думать, что такъ называемое полицейское государство явилось результатомъ практическаго осуществленія эвдемоническаго ученія [1]). Отчасти, это вѣрно, отчасти—нѣтъ. Рѣшеніе вопроса зависитъ отъ того, что называть полицейскимъ государствомъ. Мы думаемъ, что полицейское государство образовалось не тогда только, когда уже закончился процессъ централизаціи государственной власти, а гораздо ранѣе, и не столько на почвѣ централизаціи власти, сколько на почвѣ тѣхъ условій, которые создали ростъ и процвѣтаніе средневѣковыхъ городовъ; централизація власти дала только возможность закрѣпить и обосновать уже прежде принятую систему: она дала этой системѣ ярко выраженную форму.

Мы знаемъ, что города многимъ обязаны были той законной защитѣ, которая оказывалась имъ со стороны патроновъ; въ свою очередь, и города оказывали законную защиту своимъ гражданамъ. Но, какъ патроны, начавъ защитой, кончили требованіемъ полной подчиненности, такъ и города, начавъ защитой по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ обитателей городовъ, перешли постепенно къ защитѣ общей, причемъ сама защита стала принимать всѣ признаки власти. Историческія обстоятельства сложились не въ пользу патроновъ, и патронатъ надъ городами постепенно превращался въ фикцію. Тѣ-же историческія обстоятельства сложились въ пользу патроната городовъ, и постепенно этотъ патронатъ привелъ къ полному подчиненію жителей города городскому управленію. Подобно тому, какъ отдѣльный горожанинъ сначала покровительствовалъ какому нибудь мунтманну, а затѣмъ подчинялъ его своей власти, такъ и городское

---

[1]) Ibid., стр. 20.

управленіе сначала оказывало покровительство каждому горожанину, а затѣмъ подчиняло его власти. Мунтманнъ, какъ и всякій патронируемый, могъ, въ случаѣ благопріятныхъ обстоятельствъ, освободиться путемъ извѣстной борьбы отъ власти, какъ результата первоначальнаго патроната, потому что выходя изъ подъ покровительства отдѣльнаго лица, онъ могъ найти лучшее для себя положеніе въ правахъ горожанина. Горожанинъ-же, если бы онъ захотѣлъ уйти изъ развившейся на почвѣ патроната власти города, могъ встрѣтить по ту сторону стѣнъ города только покровительство, а тамъ, вѣроятно, и власть кого-либо изъ ландсгерровъ или гутгерровъ. Такая мѣна не представляла никакихъ выгодъ: городъ, требуя подчиненія своей регламентаціи, давалъ, по крайней мѣрѣ, серьезныя гарантіи. Поэтому, съ другой стороны, и городъ не видѣлъ никакихъ препятствій развивать свое стремленіе къ регламентаціи до полнаго и мелочнаго подчиненія горожанина требованіямъ городского управленія. Вотъ эта именно возможность свободно доводить регламентацію до крайнихъ предѣловъ и создала то, что мы теперь называемъ полицейской системой.

Прообразъ этой системы—та защита, которую давалъ городу патронъ, а первой ея задачей была забота о безопасности. По мѣрѣ расширенія и развитія, каждый городъ старался облегчить задачу патрона, изыскивая средства и устанавливая мѣры къ самозащитѣ. Но это, въ свою очередь, создавало постепенно возможность, съ одной стороны, обходиться безъ защиты патрона, а съ другой,—послѣ того какъ болѣе или менѣе удовлетворена была потребность въ обезпеченіи безопасности,—развить первоначальную задачу, выдѣливъ изъ понятія безопасности и ея логическое слѣдствіе (а не противоположность, какъ принято думать)—понятіе благосостоянія. Мѣры-же, принимаемыя къ развитію безопасности въ связи съ благосостояніемъ (впослѣдствіи даже благосос-

тоянія, въ связи съ безопасностью) естественно должны были породить, во первыхъ, необходимость въ организованномъ управленіи, во вторыхъ—въ строгой и проведенной до мелочей регламентаціи. Первое понятно само собой, второе-же обусловливалось тѣмъ, что цѣлью городского управленія была поставлена безопасность и благосостояніе всѣхъ во имя безопасности и благосостоянія города, начала самостоятельнаго, въ которомъ самомъ и единственномъ коренилась гарантія общаго мира и благоденствія горожанъ. Централизовавшейся государственной власти оставалось, такимъ образомъ, только принять готовыя формы и усвоить уже рельефно обрисовавшуюся систему. Сдѣлать это было тѣмъ легче и удобнѣе, что, какъ мы знаемъ, самый процессъ централизаціи власти происходилъ по большей части въ союзѣ съ городами [1]).

Если-же это вѣрно, то на ученіе эвдемонизма нельзя, слѣдовательно, смотрѣть, ни какъ на то основаніе, которое вызвало къ жизни существованіе полицейскаго государства, ни, подобно многимъ изслѣдователямъ, какъ на реакцію, своего своего рода протестъ, противъ крайностей абсолютизма. Уче-

---

[1]) Насколько такое объясненіе роли городовъ въ созданіи такъ называемаго полицейскаго государства не преувеличено, можно отчетливо прослѣдить по современнымъ трактатамъ. Такъ, Bacquet въ „Traité des droits de Justice" опредѣляетъ полицію, какъ совокупность всего, что необходимо для сохраненія и поддержанія жителей и общаго блага города. (Гл. 28). То-же самое говоритъ и Boutillier въ его „La somme rurale" (titr. 1), который называетъ политикой ученіе о томъ, какъ держать жителей города въ мирѣ и заставлять каждаго исполнять его долгъ. Loiseau называетъ полицію „un droit, par lequel il est permis de faire d'office, par le seul interêt du bien public et sans postulation de personne, des reglements qui engagent et qui lient touts les citoyens d'une ville pour leur bien et leur utilité commune". (Traité des Seigneuries, ch. 9). Delamare, въ его Traité de la police, т. I, гл. 1, ссылаясь на эти-же и другіе еще болѣе ранніе трактаты, держится того-же мнѣнія. Излагая общее ученіе о полиціи, онъ все время имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, Парижъ. Парижъ для него—modele de la police, и онъ говоритъ: „il faut necessairement remonter jusqu'á cette source (Paris), et voir tout ce qui c'est passé dans cette capitale, si nous desirons perfectionner nos connaissances sur cette matiére". (Ibid., стр. 82).

ніе эвдемонистовъ, на нашъ взглядъ, только отразило въ научной формѣ то, что уже существовало въ дѣйствительности. Оно, правда, сыграло также и свою прогрессивную роль, но то новое, что это ученье принесло съ собой, опять таки имѣло уже корни въ дѣйствительной жизни. Отмѣтить-же это для насъ важно, потому что, не находись ученіе эвдемонистовъ въ такой живой, тѣсной связи съ дѣйствительностью своего времени [1]), оно теряло бы для нашей задачи большую часть своего значенія.

Какъ смотрѣли эвдемонисты на задачи внутренняго управленія? „Ut in respublica rite constituatur,—говоритъ Хр. Вольфъ [2]),—ostendendum est, quid fieri debeat, ut in civitate abundent ea, quae ad vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem requiruntur, una cum remediis felicitatis, ut singula membra civitatis vacui sint a metu injuriarum; ut denique vacua quoque sint a metu vis externa". Съ точки зрѣнія эвдемонизма, вопросъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Никакая отдѣльная семья (domus singulis), какъ бы не была она велика, не въ состояніи достичь счастья [3]), которое состоитъ въ возможности постоянно упражнять добродѣтель, избѣгать пороковъ, стоять на стражѣ естественнаго закона [4]). Поэтому необходимо, чтобы многія семьи между собой соединялись, каковое соединеніе будетъ называться обществомъ [5]). Отсюда опредѣленіе государства: „Societas inter plures domus contracta eo fine, ut conjunctim sibi parent ad vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem, immo felicitatem requisita, et curent ut unusquisque jure suo quiete fruatur et tuto ab a-

---

[1]) Мы имѣемъ тутъ, преимущественно, въ виду Лоренца Штейна, который, считая ученіе эвдемонистовъ специфически германскимъ ученіемъ, готовъ, повидимому, признавать начала, лежащія въ его основѣ, открытіемъ отдѣльной философской школы. Ц. м., стр. 12.

[2]) Хр. Вольфъ. Jus Naturae, т. VIII, § 394.

[3]) Ibidem., § 1.

[4]) Т. II, § 79.

[5]) Т. VIII, § 3.

lio id consequatur atque se suaque adversus vim quamlibet externam defendant, civitas dicitur (Staat)[1]. Цѣлью этого государства является commune civitatis bonum[2]), а это послѣднее опредѣляется такъ: „consistit in eo, ut abundet iis, quae ad vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem, faciunt et felicitati singulorum sufficienter prospiciatur, et tutus quilibet sit ab injuria aliorum et a vi externa hostium, ipsa denique civitas satis potens ad huic resistendum[3]). Во имя такъ понимаемаго общаго блага существуетъ государство[4]), оно-же и заботится о достиженіи общаго блага[5]), для чего однимъ вручается власть надъ другими[6]). Власть эта состоитъ въ правѣ опредѣлять то, что будетъ найдено необходимымъ для общаго блага, и опредѣляетъ границы власти, такъ что: „omnis rector civitatis, quacunque lege imperium in eum fuerit translatum, obligatur ad faciendum ea quae ad bonum publicum promovendum requiruntur et ad non faciendum ea, quae eidem adversatur“ [7]). Какимъ, однако, путемъ, можно достигнуть общаго блага? Только путемъ заботы (cura), попеченія обо всемъ, что такъ или иначе способствуетъ vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem. Тотъ, кто управляетъ государствомъ, долженъ заботиться и о томъ, чтобы граждане не испытывали нужды въ съѣстныхъ припасахъ, одеждѣ, помѣщеніяхъ для жилья[8]), чтобы цѣны на всѣ вещи были умѣренныя[9]), чтобы существовало достаточное количество школъ и учителей и чтобы учителя были достаточно подготовлены[10]),

---

[1]) Ibid., § 4.
[2]) T. VII, § 11.
[3]) T. VIII, § 9.
[4]) Ib., § 13.
[5]) Ib., § 15.
[6]) Ib., § 31.
[7]) Ib., § 60.
[8]) Ib., § 84.
[9]) Ib., § 420.
[10]) Ib., § 424.

чтобы было достаточное число докторовъ и хирурговъ [1]) и т. д. Rector civitatis долженъ также заботиться, чтобы каждый занимался своимъ трудомъ и вообще трудился [2]), чтобы всѣ вели жизнь добродѣтельную [3]), чтобы всѣ были благочестивы [4]), чтобы никто никого не оскорблялъ и не обижалъ [5]). На обязанности-же управленія лежитъ и забота о томъ, чтобы никто не впадалъ въ бѣдность [6]), чтобы, съ другой стороны, никто не предавался роскоши и мотовству [7]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, если не считать отдѣльныхъ указаній на разныя учрежденія, при помощи которыхъ можно управленію осуществлять тѣ или иныя его задачи (напримѣръ, школы для бѣдныхъ § 64, вдовьи дома § 142), эвдемонизмъ не даетъ никакихъ дальнѣйшихъ указаній на способъ проявлять вовнѣ эту „cura", „summa cura", рекомендуемую управленію. Остается предположить, что забота должна была проявляться путемъ до мелочей доведенной регламентаціи. Нѣкоторое подтвержденіе этому мы видимъ въ афоризмѣ § 583: „quae lex nec prohibet, nec praecipit, nec expresse permittit, ea tacite permissa sunt in republica". Принужденіе являлось однимъ полюсомъ этого взгляда на управленіе, поощреніе и награды — другимъ его полюсомъ.

Если сравнить это представленіе о внутреннемъ управленіи, его задачахъ и правѣ съ представленіями предшественниковъ эвдемонизма, то, конечно, оно является уже извѣстнымъ шагомъ впередъ. Можно даже сказать, что у предшественниковъ (абсолютистовъ и отчасти—меркантилистовъ)

---

[1]) Ib., § 429 и сл.

[2]) Ib., § 717.

[3]) Ib., § 422 и сл. Но вмѣстѣ съ тѣмъ rector civitatis заботится и о томъ, чтобы никто не утомлялъ себя излишнимъ трудомъ. § 720.

[4]) Ib., § 456.

[5]) Ib., § 457.

[6]) Ib., § 534 и сл.

[7]) Ib., § 726.

нѣтъ вообще и рѣчи о правѣ при разборѣ вопросовъ управленія. Они говорятъ объ отдѣльныхъ предметахъ управленія и только практически оцѣниваютъ цѣлесообразность однѣхъ мѣръ передъ другими [1]. Если разсматривать эвдемоническое воззрѣніе на сущность внутренняго управленія и его права съ исторической точки зрѣнія, то, какъ понятно само собой, оно представится логическимъ слѣдствіемъ тѣхъ обстоятельствъ и условій, которыя вызвали его появленіе. Но насъ интересуетъ совсѣмъ другой вопросъ: изъ какихъ частей состоитъ это представленіе о внутреннемъ управленіи и его правѣ, какого рода идеи входятъ въ этотъ составъ? Самъ Вольфъ различаетъ двѣ части: administratio и defensio [2]. Но подъ defensio онъ понимаетъ защиту отъ внѣшнихъ враговъ, такъ что на долю administratio остается собственно управленіе, подъ которымъ, говоря современной терминологіей, онъ понимаетъ и законодательство, и внутреннее управленіе, и финансы, и судъ. Внутреннее управленіе, такимъ образомъ, является лишь частью управленія, т. е. того, что болѣе или менѣе подробно описано выше. Однако, это обстоятельство не должно затруднять насъ: не различая внутренняго управленія отъ законодательной и судебной дѣятельности государства, ученіе Вольфа (а это ученіе въ данномъ отношеніи только опредѣляло собой практику), вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ для нихъ общность руководящихъ началъ. Основное начало—всеобщее благо, которое состоитъ изъ двухъ частей: блага государства и блага членовъ государства (membra civitatis). Одно безъ другого недостижимо, но благо государства есть все таки suprema lex. Это дозво-

[1]) Ib., § 733. Здѣсь, вѣроятно, не лишне будетъ замѣтить, что изъ всего ученія Хр. Вольфа мы выбираемъ только то, что можетъ имѣть отношеніе къ его взгляду на внутреннее управленіе.

[2]) Такъ, даже у сравнительно позднѣйшаго представителя этого направленія, Delamare, только въ немногихъ словахъ затрагивается вопросъ о сущности полицейской дѣятельности, но и то лишь для того, чтобы признать полицію необходимой частью человѣческаго существованья въ обществѣ.

ляетъ намъ заключать, что государство, которое, какъ мы уже знаемъ, представлялось въ видѣ союза отдѣльныхъ лицъ и семействъ, въ этомъ союзѣ черпало основанія для самостоятельной жизни. Другими словами: первой составной частью представленія о внутреннемъ управленіи и его правѣ являлась идея государственнаго индивидуализма. Она проявлялась въ заботахъ объ установленіи условій, обезпечивающихъ возможность для государства, какъ самостоятельнаго цѣлаго, безпрепятственно и полно осуществлять свою дѣятельность во имя достиженія второй цѣли государства—блага членовъ государства. Слѣдовательно, члены государства, признававшіеся не самостоятельными индивидами, должны были постоянно находиться подъ покровительствомъ государства, этой юридически болѣе сильной личности, единственной, подъ юридической защитой которой можно было каждому и всѣмъ достигать осуществленія конечной цѣли — omnia, quae ad vitae necessitatem, commoditatem et jucunditatem requiruntur [1]). Если принять въ соображеніе все, что сказано въ предъидущихъ главахъ, то нетрудно замѣтить, что эта вторая часть представленія о внутреннемъ управленіи и его правѣ есть не что иное, какъ идея патроната въ принятомъ нами смыслѣ, т. е. идея законной защиты.

Какъ понимается само собой, мы вовсе не имѣемъ въ виду сказать, что каждая изъ этихъ идей, т. е. идея государственнаго индивидуализма и идея патроната, соединяясь вмѣстѣ для образованія представленія о внутреннемъ управленіи и его права, продолжали жить самостоятельно, точно также, какъ мы вовсе не думаемъ, чтобы эвдемонисты признавали благо государства отдѣльно отъ блага членовъ государства. То и другое составляло въ органическомъ соединеніи одно

---

1) Jus naturae, т. VIII, § 774: Onera reipublicae dicuntur omnes sumtus reipublicae administrandae ac defendendae causa faciendi.

всеобщее благо (commune civitatis bonum § 9). Идея государственнаго индивидуализма и идея патроната, подобно этому, въ органическомъ соединеніи составляли идею внутренняго управленія и его права [1]), вѣрнѣе—идею власти, imperium, какъ эта послѣдняя принимается § 32 Juris naturae. Сдѣланное-же выше расчлененіе есть только попытка схематизировать понятіе.

Къ сказанному можно придти еще и другимъ путемъ. Какъ уже замѣтилъ Лоренцъ Штейнъ [2]), понятіе управленія въ значительной степени обязано своимъ происхожденіемъ такъ называемымъ верховнымъ правамъ государства (jura maiestatica rectoris, по терминологіи Хр. Вольфа [3]), почему и явилось вначалѣ не въ смыслѣ управленія, какъ задачи государства, а въ смыслѣ регаліи. Регалія-же, по существу, есть право, а не обязанность, т. е., съ точки зрѣнія принятой нами — исключительно проявленіе идеи индивидуализма. А такъ какъ понятіе государства сливалось съ понятіемъ верховной власти, которая не осуществляла только задачи государства, а поглощала собой самое государство, управленіе же является лишь отраженіемъ представленія о государствѣ, то, слѣдовательно, и управленіе было ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ крайне напряженной идеи государственнаго индивидуализма. Такимъ образомъ, понятіе о cura, summa cura, которое выставляется эвдемонистами [4]) подъ вліяніемъ городского управленія, этого для того времени законченнаго образца, было несомнѣнно новымъ придаткомъ. Правда, не

---

[1]) Это, по § 10, составляетъ sufficientia vitae, что, въ сущности, и даетъ содержаніе внутреннему управленію, тогда какъ tranquillitas vitae (§ 11) даетъ содержаніе судебной власти, а securitas civitatis (§ 12),—охраненію внѣшней безопасности. Единеніе-же этихъ трехъ цѣлей, по § 13, даетъ въ суммѣ finis civitatis.

[2]) Die vollziehende Gewalt, 1 ч., стр. 67.

[3]) Хр. Вольфъ. Jus naturae, т. VIII, гл. IV.

[4]) Позднѣйшіе эвдемонисты вмѣсто „cura“ выставляютъ уже „Pflicht“. Напримѣръ, Häberlin, Deutsches Staatsrecht, II, § 215. См. Штейнъ, ц. м.

сразу внутреннее управленіе теряетъ значеніе регаліи [1]), но новый элементъ въ видѣ идеи законной защиты, вошедшій въ составъ понятія власти, сдѣлалъ свое дѣло, давъ новый поворотъ какъ представленію о сущности и задачахъ власти вообще, такъ и о сущности и задачахъ внутренняго управленія въ частности.

Ученіе эвдемонистовъ дало первый серьезный толчокъ для спеціальной разработки вопросовъ внутренняго управленія и его права. Такъ какъ вплоть до прогрессивнаго движенія нашего вѣка представленіе о государствѣ и сущности государственной власти оставалось все тѣмъ же, какимъ мы его только что разсмотрѣли, то и управленіе продолжало имѣть все тотъ-же характеръ. Для теоретической разработки вопросовъ управленія и его права было, слѣдовательно, вполнѣ достаточно тѣхъ философско-логическихъ обоснованій, какія были выставлены эвдемонистами. Является лишь стремленіе выдѣлить изъ круга предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ общему ученію о государствѣ, спеціальные предметы внутренняго управленія, отчего и зарождается впослѣдствіи обособившаяся наука о полиціи, но нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что такое обособленіе оказало вліяніе на принципы управленія и его права. Какъ въ ученіи эвдемонистовъ право внутренняго управленія состоитъ изъ органическаго единенія двухъ идей—идеи государственнаго индивидуализма и идеи патроната, такъ-же точно и въ ученіи полицеистовъ. Можно отмѣтить только, что въ ученіи полицеистовъ, идеи государственнаго индивидуализма, т. е. собственно благу государства, отводится постепенно все меньшее и меньшее мѣсто. Такъ, уже Юсти ставитъ основной задачей внутренняго управленія (полиціи, по терминологіи основателя науки о полиціи и его ближайшихъ послѣдователей) установленіе тако-

---

[1]) И эвдемонисты еще признаютъ отчасти за управленіемъ значеніе регаліи. См. Вольфъ, Jus naturae, т. VIII, гл. IV.

го внутренняго устройства, при которомъ общее имущество государства сохранялось бы и увеличивалось; но, такъ какъ подъ общимъ имуществомъ государства онъ понимаетъ не только принадлежащія государству и его членамъ имущества, но и способности и таланты всѣхъ входящихъ въ составъ государства индивидовъ, то отсюда принципомъ внутренняго управленія является обязанность всегда имѣть въ виду эту совокупность столь разнообразнаго имущества, чтобы каждымъ родомъ его возможно плодотворнѣе и цѣлесообразнѣе пользоваться во имя всеобщаго счастья [1]). Зонненфельсъ [2]), на смѣну увеличенія „общаго имущества“ государства принимаетъ другое начало: увеличеніе народонаселенія [3]). Но, конечно, не трудно доказать, что увеличеніе народонаселенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ эти слова Зонненфельсъ, мало чѣмъ разнится отъ commune bonum publicum эвдемонизма. И Зонненфельсъ признаетъ два начала: благо личное и благо общее, при чемъ думаетъ, что одно безъ другого не существуетъ; точно также Зонненфельсъ ставитъ конечной цѣлью государства и внутренняго управленія общее счастье. „Увеличеніе народонаселенія“—этотъ принципъ, какъ и „увеличеніе общаго имущества“ Юсти, является лишь мѣриломъ при сравнительной оцѣнкѣ мѣръ управленія [4]). Слѣдовательно, и Зонненфельсъ, подобно Юсти, понимаетъ идею внутренняго управленія [5]) состоящей изъ органическаго еди-

---

[1]) Justi, Grundsätze der Polizeiwissenschaft, изд. 3, § 5. Въ другомъ своемъ сочиненіи „Die Grundfeste der Macht und Glückseligkeit der Staaten“ онъ нѣсколько видоизмѣняетъ опредѣленіе этого принципа, говоря о необходимости согласовать благосостояніе отдѣльныхъ семей съ общимъ благосостояніемъ. Но самъ-же Юсти не признаетъ разницы между этими опредѣленіями.

[2]) „Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz“, I—III.

[3]) Sonnenfels, ц. с., т. I, §§ 25 и 26.

[4]) Самъ Зонненфельсъ называетъ свой принципъ—„Prüfsatz“ jeder Massregel. См. ц. с., стр. 28.

[5]) Терминъ „внутреннее управленіе“ употребленъ здѣсь нами произвольно. Зонненфельсъ, какъ и Юсти, какъ и всѣ, занимавшіеся наукой о полиціи, это-

ненія двухъ идей: государственнаго индивидуализма и законной защиты, осуществленіе и взаимодѣйствіе которыхъ и ведетъ къ примиренію блага частнаго съ благомъ общимъ.

Государство представлялось писателямъ этого направленія (а они были лишь выразителями идей своего времени) единеніемъ беззащитныхъ людей, для которыхъ только единеніе въ государство и могло дать необходимую защиту [1]). Чтобы, однако, государство удовлетворяло такому своему назначенію, оно само по себѣ должно было быть крѣпкимъ и сильнымъ. Какъ-же достичь этого? Путемъ цѣлаго ряда мѣръ, осуществляемыхъ во имя цѣлостности и силы государства, какъ таковаго [2]). Слѣдовательно, мѣры этого рода служили проявленіемъ идеи государственнаго индивидуализма. Но крѣпость и сила государства давали, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность осуществлять и другую задачу: защиту отдѣльныхъ членовъ государства. Беззащитные внѣ государства, они входили въ составъ государства не полноправными индивидами, во всякомъ случаѣ, далеко не равными юридически государству [3]). Они представлялись лишь носителями извѣстныхъ имуществъ и способностей (Юсти) или олицетворявшими количественную силу государства (Зонненфельсъ). Они какъ бы коммендировались государству, и оно, за извѣстныя обязанности съ ихъ стороны, брало на себя обязанность оказывать имъ покровительство. Во имя такого покровительства государство принимало новый рядъ мѣръ, и эти мѣры, слѣдовательно, имѣли характеръ проявленія идеи патроната. Но

го термина не знаютъ. Но мы выдѣляемъ его изъ понятій полиціи, торговли и финансовъ въ смыслѣ Зонненфельса.

[1]) См. Зонненфельсъ, ц. с. т. I, стр. 3., гдѣ авторъ прямо представляетъ человѣка внѣ государства въ состояніи постоянной беззащитности, безпомощности.

[2]) Зонненфельсъ, ц. с., стр. 5, Юсти, ц. м.

[3]) Объ этомъ много говоритъ еще Вольфъ въ его „Constitutio reipublicae“, см. Jus naturae, т. VIII, а также при анализѣ обязанностей людей къ себѣ подобнымъ—Jus naturae, т. I.

благо отдѣльныхъ гражданъ и благо государства немыслимы одно безъ другого; эти два вида находятся между собой въ органической связи. Поэтому и мѣры, осуществлявшія идею государственнаго индивидуализма, и мѣры, осуществлявшія идею патроната, находились между собой также въ органической связи. Въ результатѣ-же такой органической связи обѣихъ указанныхъ идей и получалась новая идея—идея внутренняго управленія. . . . .

Вотъ та схема, доказательству которой мы посвятили настоящую главу. Если-же схема правильна, то правильно и то наше утвержденіе, съ котораго мы начали: усиленіе государственной власти не вытравило идею патроната изъ круга юридическихъ идей, находящихъ себѣ проявленіе въ общественной жизни. Идея патроната съ этого момента только видоизмѣнила формы проявленія, войдя какъ интегральная часть въ зародившееся вмѣстѣ съ усиленіемъ государственной власти право внутренняго управленія.

То, къ чему мы сейчасъ пришли, повидимому, относится исключительно къ Германіи. Такъ какъ въ основу доказательствъ положена германская литература, то такой упрекъ могъ бы быть заслуженнымъ, если бы процессъ образованія идеи внутренняго управленія и его права не былъ, въ главныхъ чертахъ, общъ всѣмъ народамъ. Различные историческіе пути, по которымъ шелъ процессъ усиленія и централизаціи государственной власти, а, слѣдовательно, и процессъ зарожденія и развитія внутренняго управленія и его права, отразились на внѣшней исторіи этихъ процессовъ, но не на внутреннемъ ихъ характерѣ. Возьмемъ для примѣра Англію, Францію и Германію. Послѣ распаденія каролингской монархіи, Германія осталась объединенной, съ сильной государственной властью, абсолютно правившей надъ страной. Но феодальный строй постепенно раздробилъ объединенное государство, такъ что, въ концѣ концовъ, государственная

власть какъ бы растаяла, разойдясь по рукамъ отдѣльныхъ сюзереновъ. Франція, наоборотъ, послѣ распаденія каролингской монархіи, осталась подъ властью короля, который былъ только primus inter pares, но который постепенно и очень скоро начинаетъ усиливаться, централизуя власть. Англія, послѣ норманскаго завоеванія пережившая феодализмъ со всѣми его послѣдствіями, также постепенно создаетъ центральную власть, которая переходитъ то изъ рукъ короля въ руки парламента, то обратно. Но и Германія, и Франція, и Англія одинаково переживаютъ періодъ полицейскаго государства, а вмѣстѣ съ нимъ и періодъ того взгляда на внутреннее управленіе и его право, который описанъ выше [1]).

Какъ будто въ нѣсколько иномъ положеніи находится Россія, которая стояла все время въ сторонѣ отъ феодальнаго строя, и гдѣ поэтому процессъ централизаціи власти шелъ уже вполнѣ самобытнымъ путемъ. Но и самобытность этого пути не повліяла на характеръ представленія о внутреннемъ управленіи и его правѣ, такъ какъ и Россія пережила періодъ воззрѣнія на управленіе, какъ на регалію великокняжеской власти, послѣ чего и она вступила въ періодъ полицейскаго государства [2]).

---

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе такой мысли см. Mohl, Geschichte und Literat., т. III, стр. 4 и сл. „Allgemeine Betrachtung“.

[2]) Противъ такого воззрѣнія, очевидно, высказывается Лешковъ, Рус. нар и госуд., стр. 216, гдѣ проводится та мысль, что было бы не согласно съ истиной думать, будто бы князья были не государями, а господами своего народа, будто бы бояре и княжьи мужи были не правителями, а только сборщиками доходовъ. Однако, все послѣдующее разсужденіе автора нисколько не опровергаетъ такого взгляда. Скорѣе, даже утверждаетъ въ немъ. Автору удается доказать, что въ отдѣльныхъ отрасляхъ управленія общины имѣли самостоятельность; именно потому онѣ и имѣли ее, что князья не всегда заботились осуществлять свое право управлять, такъ какъ не всѣ отрасли жизни имѣли ближайшее отношеніе къ ихъ стремленію держать въ рукахъ полную и самостоятельную власть. Небезъинтересно сравнить со взглядомъ Іоанна III на княженіе. См. Соловьевъ Ист. Рос., изд. 3, т. 5, гл. 5.

IX.

Присоединеніе къ идеямъ государственнаго индивидуализма и патроната идеи личности. Идея внутренняго управленія, какъ совокупность трехъ указанныхъ идей. Германская литература. Французская литература. Современное положеніе идеи патроната. Данныя, на основаніи которыхъ можно опредѣлить дальнѣйшій ходъ исторіи идеи патроната. Самостоятельная роль идеи патроната. Выводы.

Какъ мы, однако, уже отмѣтили, изъ разсмотрѣнія историческаго развитія идеи патроната слѣдуетъ еще тотъ выводъ, что отношенія по патронату легко превращаются въ отношенія изъ идеи власти, что, въ свою очередь, вызываетъ борьбу со стороны патронируемаго за независимость. Личность, въ патронатѣ нашедшая защиту и подъ патронатомъ окрѣпшая, получившая возможность полнѣе и всестороннѣе развивать свои индивидуальныя силы, не пренебрегаетъ первыми обстоятельствами, чтобы широко воспользоваться своимъ усиленіемъ, и, какъ это легко объяснимо, въ такихъ случаяхъ однимъ изъ слѣдствій должно явиться стремленіе личности выйти изъ подъ патроната. Отсюда и въ исторіи формированія идеи внутренняго управленія и его права вполнѣ объяснимо наступленіе такого момента, когда личность, заявивъ о своихъ правахъ на самостоятельное развитіе, начинаетъ борьбу за ослабленіе воздѣйствія идеи патроната, вошедшей въ составъ идеи внутренняго управленія, и рядомъ съ идеями государственнаго индивидуализма и патроната выставляетъ, какъ новую составную часть идеи внутренняго управленія, еще одно начало—начало свободной личности.

Внутреннее управленіе, понимаемое, какъ одно изъ верховныхъ правъ носителя государственной власти, имѣло ко-

нечной цѣлью развитіе того самоцѣльнаго начала, которое олицетворялъ собой глава государства. Увеличеніе территоріи, увеличеніе населенія, осложненіе задачъ внутренняго управленія, какъ неизбѣжное слѣдствіе того и другого, вызвало необходимость нѣсколько переместить центръ тяжести, тѣмъ болѣе, что остались такими-же тѣ жизненные запросы, которые порождали проявленія идеи законной защиты въ періодъ предшествующій, т. е. тогда, когда государственная власть какъ бы расплывалась по семьямъ, родамъ, общинамъ, союзамъ и по рукамъ отдѣльныхъ мелкихъ властителей. Внутреннее управленіе, понимаемое, какъ регалія, не только не удовлетворяло этимъ жизненнымъ запросамъ, но наоборотъ, порабощало ихъ во имя идеи государственнаго индивидуализма. Чтобы удержаться на почвѣ порабощенія такихъ запросовъ, самоцѣльное государство должно было бы отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго развитія, что, однако, было затруднительно уже потому, что, рядомъ съ самоцѣльнымъ государствомъ, существовалъ уже городъ, создавшій при воздѣйствіи идеи патроната идеалъ всеобщаго блага. Государство постепенно усваиваетъ себѣ этотъ идеалъ и, такимъ образомъ, вводитъ идею патроната какъ составную часть въ свое представленіе о внутреннемъ управленіи, какъ регаліи. Тогда кореннымъ образомъ измѣняется взглядъ и на внутреннее управленіе, и на значеніе внутренняго управленія въ государствѣ. Не получая еще разработки, внутреннее управленіе, тѣмъ не менѣе, получаетъ характеръ юридической идеи, а его цѣлью, вмѣсто развитія того самоцѣльнаго начала, которое олицетворялъ собой глава государства, становится развитіе силъ государства въ гармоніи съ развитіемъ силъ каждаго. Слѣдовательно, внутреннее управленіе изъ верховнаго права дѣлается верховной обязанностью; съ другой стороны, во имя этой обязанности власти создается и представленіе о правахъ подданныхъ. Но въ основѣ этого новаго взгляда

на внутреннее управленіе, его задачи и цѣль, лежала идея патроната, органически соединенная съ идеей государственнаго индивидуализма; это же, какъ понятно само собою, должно было повести къ полной опекѣ надъ личностью каждаго, входившаго въ составъ государства. Съ такимъ характеромъ и является такъ называемое полицейское государство.

Первымъ, кто категорически высказался противъ полицейскаго государства и кто, такимъ образомъ, отмѣтилъ начало протеста личности противъ внутренняго управленія, понимаемаго, какъ единеніе только двухъ идей—государственнаго индивидуализма и патроната,—былъ Бергъ [1]). Онъ исходитъ изъ представленія о внутреннемъ управленіи въ только что указанномъ смыслѣ [2]), но уже ясно различаетъ новыя жизненныя теченія и потому пытается поставить внутреннему управленію извѣстныя границы [3]), при чемъ, устанавливая ихъ, отправляется отъ представленія о личной свободѣ. Пусть эти границы и призрачны [4]);—самая попытка установить ихъ

---

[1]) Berg, Handbuch des Teutschen Policeirechts, I—VII, 2-е изд.

[2]) Внутреннее управленіе (полицію) онъ уподобляетъ благодѣтельному генію, который заботливо выравниваетъ жизненный путь, по которому должны итти его питомцы. Этотъ добрый геній очищаетъ воздухъ, которымъ они дышатъ, дѣлаетъ безопасными дома, въ которыхъ они живутъ, улицы, по которымъ двигаются, оберегаетъ поля, которыя они обработываютъ, оберегаетъ ихъ жилища отъ пожара и наводненія, ихъ самихъ отъ болѣзней, бѣдности, невѣжества, предразсудковъ и безнравственности; каждому бѣдному, несчастному и нуждающемуся въ защитѣ онъ служитъ пріютомъ и даетъ защиту. Ц. с., т. 1, стр. 1—2. А вотъ какъ онъ опредѣляетъ, напримѣръ, въ другомъ мѣстѣ: Durch diesen Theil der bürgerlichen Regierung erhält der Landesherr vermöge seiner Landeshoheit meist einzig und allein rechtmässigen Anspruch und die vorzügliche Ehre, gewissermassen im eigentlichen Verstande erst dadurch Vater seines Landen zu werden, aus der gesammten Bürgerschaft eine einzig glückliche Familie, und aus dem Territorium ein wahres Vaterland zu machen. Это опредѣленіе Бергъ заимствуетъ у Матера (Teutsches Weltliches Staatsrecht, III, 180), но приводитъ его, какъ такое, съ которымъ вполнѣ согласенъ. Ц. с., т. I, стр. 86.

[3]) Ibid., стр. 87—91.

[4]) Эти границы троякаго рода: власть полиціи не должна простираться далѣе того, что требуется ея собственной цѣлью; власть полиціи имѣетъ право

имѣетъ свое значеніе. Она показываетъ, что къ этому времени личность въ государствѣ настолько выросла и окрѣпла, что явилась потребность ввести въ кругъ идей внутренняго управленія и ту идею, которая руководитъ личностью въ ея жизни и дѣятельности въ государствѣ. Мы называемъ эту идею—идеей личности. Быть можетъ, было бы точнѣе назвать ее идеей индивидуализма въ собственномъ смыслѣ.

Какъ справедливо отмѣтилъ еще Шпилевскій [1]), со времени Берга ни одно сочиненіе не оставляло безъ вниманія этотъ важный вопросъ. Да и какъ могли полицеисты оставлять вопросъ безъ вниманія, разъ онъ знаменовалъ собой новую фазу въ исторіи развитія идеи внутренняго управленія? Такъ, уже Лотцъ [2]), сочиненіе котораго вышло всего чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ работы Берга, готовъ думать, какъ это видно изъ введенія, что безъ правильнаго разрѣшенія этого вопроса нельзя приступать къ изложенію началъ науки полицейскаго права. „Если-бы, говоритъ онъ далѣе,—государства сейчасъ же при возникновеніи получали идеальную форму, т. е. ту, которая представляется философамъ изъ анализа отношеній между властью и подданными, то правительства и граждане тогда-же установили бы вполнѣ точно взаимныя права и обязанности, а, слѣдовательно, были бы точно установлены и границы дѣятельности полицейской [3]) власти“. Пытаясь опредѣлить эту границу сначала путемъ отличенія полицейской власти отъ другихъ видовъ государственной власти [4]), а затѣмъ путемъ

на ограниченіе естественной свободы подданныхъ, но лишь насколько этого требуетъ ея правомѣрная цѣль; и благопріобрѣтенныя права могутъ быть потребованы полицейской властью въ жертву, но если иначе цѣль полиціи не можетъ быть достигнута.

[1]) Полицейское право, какъ самостоятельная отрасль правовѣдѣнія, стр. 33.

[2]) Ueber den Begriff der Polizei und den Umfang der Staatspolizeigewalt. 1807 г.

[3]) Ц. с., стр. 2.

[4]) Ц. с., стр. 38—48.

проводимаго имъ дѣленія полиціи на полицію принужденія и полицію попеченія[1]), Лотцъ уже вполнѣ твердо отстаиваетъ право личности на самостоятельное[2]) въ извѣстныхъ случаяхъ развитіе ея силъ. По его мнѣнію, единеніе людей въ государства долгое время имѣло цѣлью лишь достиженіе безопасности отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; только впослѣдствіи присоединяется новая цѣль—установленіе условій, которыя облегчали бы путемъ управленія реализацію остальныхъ человѣческихъ правъ[3]). Эта же новая цѣль въ исторіи достигалась двояко: или при полной опекѣ управленія надъ личностью, или (слѣдующій шагъ) при извѣстной самостоятельности личности[4]). Работы Циммермана[5]) и Роберта Моля[6]) уже всецѣло основаны на такомъ именно взглядѣ на идею внутренняго управленія. Циммерманъ, излагая исторію германской полиціи, отмѣчаетъ въ ней два періода: первый—когда внутреннее управленіе находилось преимущественно въ рукахъ главы государства и государства и когда ея цѣлью было лишь предотвращать преступленія путемъ наказанія, и второй—когда начала формироваться организація внутренняго управленія съ болѣе широкими задачами—помогать личности всесторонне развивать ея силы[7]). Правда, Циммерманъ тутъ какъ бы упускаетъ изъ вида пе-

---

1) Ц. с., стр. 92 - 95.

2) Это особенно ясно изъ второго отдѣла его книги: Umpfang der Hülftspolizei.

3) Для Германіи Лотцъ старается даже точно указать моментъ наступленія этого періода: при императорахъ Фридрихѣ III, Максимиліанѣ I и въ особенности, Карлѣ V. См примѣч. къ стр. 4, ц. с.

4) Ц. с., стр. 383 и сл. Невольно мы ищемъ въ этихъ воззрѣніяхъ Лотца подтвержденія нашему взгляду на процессъ формированія идеи внутренняго управленія.

5) Die deutsche Polizei im Jahrhundert XIX т. I–III и Wezen, Geschichte und Literatur, characteristische Thätigkeiten und Organisation der modernen Polizei.

6) Die Polizeiwissenschaft, I—III, 3-е изд.

7) Die d. Pol., I, стр. 62 и сл., стр. 72 и сл.

ріодъ полицейскаго государства, но пропускъ этотъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный, и объясняется тѣмъ, что, въ излишнемъ отрицаніи установленныхъ его предшественниками терминовъ и пріемовъ изслѣдованія, онъ нерѣдко повторяетъ старое новыми словами [1]). Самое дѣленіе полицейской дѣятельности, принятое Циммерманомъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что онъ смотрѣлъ на идею внутренняго управленія, какъ на состоящую изъ соединенія нѣсколькихъ идей. Точнѣе — онъ различалъ четыре отдѣльныя задачи внутренняго управленія: 1) задачу—наблюдать (Wachsamkeit), 2) задачу—предупреждать (Vorbeugende Thätigkeit), 3) задачу—пресѣкать (Behandlung gegenwärtiger Uebelstände) и 4) задачу—розыскивать (Entdeckende Eigenschaft) [2]). Такъ какъ Циммерманъ стоялъ на точкѣ зрѣнія преувеличеннаго отвращенія ко всякаго рода доктринѣ, считая полицейскую науку лишь „Erfahrungslehre“ [3]), то онъ и не долженъ былъ найти всѣмъ этимъ четыремъ задачамъ полиціи объединяющее начало въ идеѣ внутренняго управленія. И онъ остался до конца при своей формальной точкѣ зрѣнія, по которой эти четыре задачи представлялись ему безъ органическаго взаимодѣйствія существующими рядомъ другъ съ другомъ. Между тѣмъ, въ наблюдательной дѣятельности полиціи по дѣленію Циммермана легко угадать отраженіе вошедшей въ составъ идеи внутренняго управленія идеи личности, въ предупредительной дѣятельности—отраженіе идеи патроната, въ пресѣкательной и розыскной (послѣднее дѣленіе явилось слѣдствіемъ излишне формальнаго [4]) разграниченія между полиціей и юс-

---

[1]) Достаточно привести, какъ примѣръ, хотя бы его поправку къ опредѣленію перваго періода, см. ц. с., стр. 63.

[2]) Ц. с., I, стр. 152 и сл. Детальное описаніе особенностей каждой изъ этихъ задачъ изложено въ II т., стр. 399 и сл.

[3]) Ц. с., I, стр. 2.

[4]) Ц. с., I, стр. 194—228. Это, можетъ быть, наименѣе удовлетворительная часть работы Циммермана. Еще менѣе удовлетворительно проведено это дѣ-

тиціей)—отраженіе идеи государственнаго индивидуализма. Мы, конечно, не можемъ признавать такое дѣленіе существующимъ въ дѣйствительности, и въ этомъ-то и заключалась серьезная ошибка, допущенная Циммерманомъ; но другое дѣло — признавать это дѣленіе въ схемѣ.

Что-же касается послѣдняго и наиболѣе яркаго представителя науки о полиціи, Роберта Моля, то онъ уже настолько признаетъ идею личности въ кругу идей внутренняго управленія, что считаетъ недопустимымъ, чтобы государство обращало вниманіе только на общую цѣль, а не на потребности индивида [1]); онъ далѣе утверждаетъ, что нельзя отождествлять государственную цѣль съ цѣлью жизни отдѣльнаго индивида, и говоритъ затѣмъ, что индивида нельзя, помимо его воли, принудить къ развитію его силъ [2]). Такимъ образомъ, Моль признаетъ существованіе во первыхъ, государственной цѣли, во вторыхъ—личной цѣли индивида въ государствѣ. По нашей терминологіи, первая цѣль осуществляется путемъ проявленія идеи государственнаго индивидуализма, вторая—путемъ проявленія идеи личности. Повидимому, здѣсь не остается мѣста для проявленій идеи патроната. Но Моль вводитъ проявленія этой идеи въ самое опредѣленіе полиціи, которую считаетъ совокупностью государственныхъ учрежденій и дѣйствій, имѣющихъ цѣлью удалить внѣшнія, не заключающіяся въ правонарушеніяхъ препятствія, заграждающія путь всестороннему и разумному развитію силъ индивида и не поддающіяся усиліямъ ни индивида, ни дозволеннаго союза индивидовъ [3]). Другими словами: идея личности входитъ въ кругъ идей внутренняго управленія, какъ противовѣсъ органиче-

---

леніе въ „Modern. Polizei“, стр. 14-16, гдѣ авторъ старается быть возможно точнымъ.

[1]) Ц. с., I, стр. 14.

[2]) Ibid., стр. 15.

[3]) Ibid., стр. 6—7.

скому единенію двухъ первоначальныхъ идей — государственнаго индивидуализма и патроната.

Но если мы не ошибаемся, то, слѣдовательно, выводъ къ которому мы приходимъ, таковъ: идея патроната, пришедшая къ идеѣ государственнаго индивидуализма, создала въ результатѣ такую идею внутренняго управленія, которая привела къ тому, что принято называть полицейской опекой; какъ и при всѣхъ проявленіяхъ идеи патроната, однимъ изъ неизбѣжныхъ слѣдствій явилась борьба окрѣпшей подъ паронатомъ личности за свою независимость; результатомъ этой борьбы послужило привхожденіе въ кругъ идей внутренняго управленія идеи личности, что, такимъ образомъ, съ одной стороны дало иной поворотъ идеѣ внутренняго управленія, а, съ другой стороны, послужило основаніемъ для новаго момента въ исторіи идеи патроната. Отсюда мы дѣлаемъ еще одинъ выводъ: можно допустить существованіе общества, которое руководствовалось бы въ своей жизни и дѣятельности одной какой нибудь изъ этихъ трехъ идей; но каждая изъ этихъ идей безъ органическаго единенія съ идеей государственнаго индивидуализма не создаетъ еще идеи государства, а безъ органическаго соединенія съ идеей патроната не создаетъ еще идеи внутренняго управленія. Внутреннее управленіе, если выводить идею его не изъ предвзятыхъ положеній, а изъ историческихъ фактовъ, является совокупностью дѣйствій государства во имя гармоническаго развитія личности и государства. Идея патроната и есть то серединное, связующее начало, которое ведетъ къ необходимой гармоніи.

Однако, въ чемъ-же выразился этотъ новый періодъ въ исторіи идеи патроната? Въ предъидущемъ періодѣ, какъ мы видѣли, идея патроната выразилась въ полицейской опекѣ. Объясняется это тѣмъ, что, не смотря на несомнѣнную юридическую разницу, существующую между идеей патроната и

опеки [1]), всякое покровительство, а тѣмъ болѣе — юридическое, склонно переходить въ опеку, какъ это мы имѣли уже случай наблюдать при историческомъ разсмотрѣніи проявленій идеи патроната. Кромѣ того, преувеличенное, въ силу историческихъ обстоятельствъ, значеніе идеи государственнаго индивидуализма естественно вызвало въ этомъ періодѣ не только принудительное примѣненіе защиты и покровительства, но и мелочную регламентацію при проведеніи этой принудительной защиты на практикѣ. Привхожденіе же въ кругъ идей внутренняго управленія идеи личности сказалось прежде всего въ установленіи границъ для законной защиты, съ одной стороны, и въ признаніи того, что защита, оставаясь законной и юридической, должна потерять характеръ принудительной. Въ ученіи германскихъ полицеистовъ, какъ мы только что видѣли, это новое теченіе отлилось въ слѣдующія формы: во первыхъ, было признано, что индивида нельзя принудить противъ его воли къ развитію его силъ, во вторыхъ, было признано, что рядомъ съ дѣятельностью государства по внутреннему управленію существуетъ еще дѣятельность отдѣльныхъ индивидовъ и союзовъ лицъ. Правда, эта дѣятельность и не является внутреннимъ управленіемъ въ собственномъ смыслѣ (хотя германскіе полицеисты и не различали этого), потому что ея цѣль только не противорѣчитъ цѣли государства, но не тождественна съ ней [2]), тѣмъ не менѣе уже самый фактъ ея признанія значитель-

---

[1]) Стр. 19 - 21 дан. раб.

[2]) Цѣль внутренняго управленія состоитъ, какъ сказано выше, въ гармоническомъ развитіи государства и личности въ государствѣ, а цѣль во имя которой дѣйствуетъ индивидъ и дозволенные союзы индивидовъ—развитіе личности или этого союза въ гармоніи съ индивидомъ. Вѣрнѣе другихъ, какъ намъ кажется, представляетъ себѣ это новѣйшій французскій административистъ Hauriou, который въ своемъ Précis de droit administratif et de droit public gènèral различаетъ les services publics и les services d'utilité publique. Подъ первыми онъ понимаетъ les services, rendus au nom de l'état lui même, подъ вторыми—les services, rendus par des organisations corporatives sous le con-

но съуживалъ сферу вліянія и воздѣйствія идеи патроната. А сознаніе, что индивида нельзя принудить противъ его воли къ развитію его силъ, гарантировало отъ опасности одностороннняго примѣненія на практикѣ идеи патроната, т. е. отъ возобновленія періода полицейской опеки. Идеѣ патроната, такимъ образомъ, осталась только та сфера примѣненія, которая при развитой государственной жизни могла быть ей отмежевана между проявленіями идеи государственнаго индивидуализма и идеи личности. Но, такъ какъ идея патроната перестала существовать самостоятельно, претворившись въ общей идеѣ—идеѣ внутренняго управленія, то, слѣдовательно, она не столько проявляется съ этого момента, сколько сказывается, отражается на нормахъ, мѣрахъ и отношеніяхъ, регулируемыхъ правомъ внутренняго управленія.

Сказанное станетъ яснѣе, если мы разсмотримъ воззрѣнія на внутреннее управленіе и его право французскихъ административистовъ. Это-же не представляетъ особаго затрудненія, такъ какъ, какъ справедливо отмѣтилъ еще Шпилевскій [1], французскіе юристы не представляютъ такого крайняго разногласія и разнообразія въ воззрѣніяхъ на администрацію и административное право, какое, напримѣръ, мы встрѣчали въ германской литературѣ по вопросу о полиціи и полицейскомъ правѣ. Отличая административную власть отъ законодательной и судебной, они обыкновенно отличаютъ ее еще и отъ политической, которую одни называютъ pouvoir po-

---

trôle de l'état. Отсюда и административнымъ правомъ онъ называетъ: l'ensemble des règles qui président à l'organisation et au fonctionnement des services publics, à la surveillance des services d'utilité publique. Другими словами, онъ включаетъ изъ второй категоріи въ право внутренняго управленія не самую дѣятельность корпоративныхъ организацій, а лишь дѣятельность государства по надзору за этой дѣятельностью, т. е. проявленіе идеи государственнаго индивидуализма. См. ц. с., стр. 235. Цитируемъ по третьему издан. 97 г.

[1]) Ц. с., стр. 64.

litique [1]), другіе—gouvernement (правительство) [2]). Подъ правительствомъ или политической властью они понимаютъ обыкновенно наивысшее выраженіе единенія людей въ государствѣ, задача котораго давать иниціативу, направленіе жизни людей въ государствѣ. Это она, какъ говоритъ Вивьенъ [3]), даетъ администраціи общій духъ, мысль, знамя: политическая власть—голова, администрація—руки [4]). Не трудно видѣть, что съ этой точки зрѣнія административная власть понимается лишь какъ исполнительная власть, т. е. какъ форма дѣйствія [5]), а собственно внутреннимъ управленіемъ является власть политическая. Точнѣе: цѣль внутренняго управленія опредѣляется властью политической, форма и средства для достиженія этой цѣли—властью административной, т. е. администраціей и полиціей.

Какова-же, спрашивается, эта цѣль? „Нельзя сдѣлать шага въ соціальной жизни, чтобы не поставить себя въ связь съ

---

1) Напримѣръ, Вивьенъ въ его Etudes administratives, I стр. 29 и сл. (2 изд.), Batbie, Introduction génerale en droit public et administratif, стр. 23.

2) Напримѣръ, Макарель въ его Cours d' administration et de droit administratif, т. I, стр. 13 (2-е изд.)

3) Ц. с., т. I, стр. 23.

4) То-же говоритъ и Макарель, ц. с., стр. 13. L' administration et la police s'occupent de détails plus humbles, tandis que la politique est reservée aux interêts assez importants pour que leur maniement ait été confié aux pouvoirs publics les plus élevés. Elle imprime sa pensée et sa direction à la marche des services publics,—говоритъ Батби, ц. с., стр. 23.

5) Что подъ административной властью (l'autorité administrative) понимается именно форма дѣйствія, можно вывести еще и изъ проводимаго французскими административистами различія между администраціей и полиціей: администрація – положительная форма, полиція—отрицательная. L' administration fait le bien, la police empêche le mal,—говоритъ Батби, ц. с., стр. 23. Самое-же стремленіе различать gouvernement отъ administration явилось, на нашъ взглядъ, слѣдствіемъ неудовлетворительности и смѣшенія понятій въ опредѣленіяхъ болѣе раннихъ писателей. Такъ, у Фукара нѣтъ еще этого дѣленія и онъ знаетъ только l'autorité administrative, которую опредѣляетъ: il s'agit pour elle de prévoir les événements à venir, de prendre des mesures capables d'eloigner ceux qui seraient dangereux ou de faire natre ceux, qui seraient utiles

администраціей страны",—говоритъ Макарель [1]). Человѣкъ не можетъ жить изолированно—таковъ законъ природы, такъ какъ, кромѣ инстинктовъ, человѣкъ надѣленъ еще интеллектомъ, который заставляетъ его живо чувствовать потребность въ общественной жизни—этомъ источникѣ различныхъ правъ и обязанностей. Но въ единеніи естественномъ право заключается лишь въ силѣ, и только, когда на мѣсто естественнаго общества становится гражданское общество, каждый получаетъ гарантію противъ крайностей естественной свободы. Тогда для каждаго открывается возможность развить всѣ индивидуальныя силы, и это развитіе будетъ находиться подъ покровительствомъ власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этой-же политической связи, появляется сознаніе общаго интереса, въ извѣстныхъ случаяхъ поглощающаго интересы личности. Въ чемъ-же объединяются эти иногда сходные, иногда между собой расходящіеся интересы общаго и отдѣльныхъ индидовъ? Въ политической власти. Послѣдняя дѣлится на власть законодательную, судебную и исполнительную, которая находится подъ покровомъ власти политической въ тѣсномъ смыслѣ слова. Законодательная власть установляетъ общія нормы, юстиція защищаетъ частный интересъ, администрація—публичный интересъ, но власть политическая въ собственномъ смыслѣ, подсказывая законы, опираясь на юстицію и пользуясь администраціей, какъ руками, объединяетъ въ себѣ всѣ задачи государства, т. е. состоитъ изъ сознанія общаго интереса, признанія частнаго интереса и покровительства развитію силъ индивида, являясь, такимъ образомъ, отраженi-

---

pour la prosperité publique, de pourvoir aux besoins nombreux et continuellement variables de la societé. (Foucart, Eléments de droit public et administratif, т. I, стр. 124, изд. 2). Едва-ли мы, наконецъ, ошибемся, если найдемъ сходство между l'autorité administrative, отдѣляемой отъ gouvernement, и „vollziehende Gewalt" Лоренца Штейна, который, для довершенія сходства считаетъ полицію также отрицательной формой дѣйствія.

[1]) Ц. с., стр. 5.

емъ государства, его цѣли и задачъ. Власти должны быть раздѣлены, такъ какъ, согласно словамъ еще Монтескье, соединеніе въ однѣхъ рукахъ власти законодательной и исполнительной заставляетъ опасаться, что тиранническіе законы будутъ издаваться, чтобы быть тираннически-же исполняемы, а судебная власть, соединенная съ властью исполнительной, создастъ судью—притѣснителя, соединенная съ властью законодательной—судью, безконтрольно распоряжающагося жизнью и свободой гражданъ. Но объединеніе властей, замѣчаемое въ понятіи политической власти въ собственномъ смыслѣ, не есть еще соединеніе властей. Тутъ объединяются только тѣ руководящія начала каждаго изъ видовъ властей, которыя всѣ вмѣстѣ служатъ одной цѣли: наиболѣе раціональному осуществленію указанныхъ выше задачъ жизни человѣка въ государствѣ [1]). Отсюда: политическая власть или внутреннее управленіе имѣетъ задачей во имя закона и опираясь на правосудіе блюсти цѣлость государства и, признавая права личности, покровительствовать личности въ ея стремленіи всесторонне развивать свои силы.

Ту-же мысль, но уже въ болѣе рѣшительной формѣ проводятъ новѣйшіе французскіе административисты [2]). Такъ, Simonet [3]), не придавая существеннаго значенія разницѣ между gouvernement и administration, опредѣляетъ внутреннее

---

1) Батби, ц. с., введеніе, Макарель, ц. с., гл. I, Вивьенъ, ц. с., стр. 1—38; Cabantous, Répétitions écrites sur le droit public et administratif, введеніе и гл. I; Ducrocq, Cours du droit administratif, стр. 1—32. Послѣдній держится нѣсколько отличающагося отъ принятаго французскими юристами мнѣнія о соотношеніи gouvernement къ administration. По его мнѣнію, „le gouvernement est la portion du pouvoir executif qui a la mission de diriger le pays dans les voies de son développement intèrieur et de ses relations extérieures, tandis que l'administration en est le complement et l'action vitale“. (Ц. с. стр. 24). „Le pouvoir executif gouverne et administre à la fois“—говоритъ онъ далѣе (ц. с., стр. 25).

2) См. стр. 4 дан. раб.

3) Traité élémentaire de droit public et administratif, 85 г.

управленіе (l'administration) какъ совокупность государственныхъ услугъ, устанавливаемыхъ съ цѣлью удовлетворять тѣмъ общимъ нуждамъ, по отношенію къ которымъ индивидъ и даже союзъ индивидовъ не могутъ оказаться достаточно вооруженными. Онъ признаетъ пять видовъ такихъ нуждъ: нужды матеріальной жизни, интеллектуальной жизни, безопасность внутренняя и внѣшняя, публичная благотворительность и финансы. Признавая, что крайности административнаго вмѣшательства ведутъ къ весьма тяжелымъ послѣдствіямъ, онъ, однако, опасается, что излишнее довѣріе къ индивидуальной инициативѣ можетъ повлечь къ нежелательному преобладанію частнаго интереса надъ общимъ. Задача-же внутренняго управленія состоитъ въ сознаніи общаго интереса, въ признаніи частнаго и въ утвержденіи гармоніи между ними. Поэтому и кругъ дѣйствія внутренняго управленія распростирается на всю ту область, которая можетъ быть опредѣлена слѣдующими словами: не только тамъ, гдѣ дѣятельность эта абсолютно необходима (т. е. во имя сохраненія государственной цѣлости), но и тамъ, гдѣ она полезна, т. е. гдѣ она даетъ толчекъ частной инициативѣ, гдѣ она руководитъ ею и ее ободряетъ, и гдѣ она, въ силу полнаго отсутствія частной инициативы, замѣщаетъ ее [1]. Другими словами: центромъ такого представленія о внутреннемъ управленіи является сила государства и его средства, подъ покровительствомъ которыхъ состоитъ индивидуальная инициатива. Послѣдняя признается и имѣетъ свои задачи, но эти задачи имѣютъ въ виду достиженіе частныхъ интересовъ. Рядомъ съ нею существуетъ сила государства: ея задача имѣетъ въ виду общій интересъ. Гармонія-же между тѣми и другимъ достигается патронатомъ государственной силы надъ

[1] Ц. с., стр. 183—184. Ср. также ц. с., стр. 1—7. Важно замѣтить, что такой взглядъ на администрацію и ея задачи проходитъ черезъ всю систему предложенную Симонэ.

личной иниціативой, патронатомъ въ смыслѣ законной защиты: т. е. со всѣми взаимными правами и обязанностями по защитѣ. Другой новѣйшій французскій административистъ Dieudonné [1]) опредѣляетъ право внутренняго управленія, какъ право, которое регламентируетъ и защищаетъ общій интересъ и устанавливаетъ предѣлы тѣмъ жертвамъ, которыя онъ вправѣ требовать отъ частнаго интереса. Административными законами онъ называетъ законы общаго интереса, опредѣленные съ цѣлью дать удовлетвореніе общественнымъ нуждамъ. Элементовъ этой цѣли четыре: безопасность, благосостояніе матерьяльное, благосостояніе умственное и нравственное и благотворительность. Достигается эта цѣль при помощи силы, покровительства и наблюденія [2]). Проф. Колэнъ [3]) отличаетъ отъ законодательной власти исполнительную, въ которой находитъ три вѣтви: политическую власть, администрацію и юстицію. Внутреннее управленіе называется у него администраціей, и опредѣляетъ ее онъ такъ: это—совокупность органовъ, которая подъ высшимъ наблюденіемъ главы государства, облечена задачей исполнять законы общаго интереса и удовлетворять потребностямъ, рождающимся отъ единенія людей въ государство, если эти потребности не могутъ быть удовлетворены при помощи личной иниціативы [4]). Другими словами, и Колэнъ различаетъ тѣ же три элемента задачи внутренняго управленія, хотя въ общемъ, и исходитъ изъ нѣсколько иныхъ принциповъ. Фоанье [5]) признаетъ отличіе политической власти отъ администраціи только въ теоріи; на практикѣ, по его мнѣнію, это—двѣ стороны одной и той-же власти. Но онъ все же признаетъ важность такого

---

1) Manuel de droit administratif, изд. 2-е.

2) Ц. с., стр. 1—6.

3) Cours élementaire de droit administratif, 90 г.

4) Ц. с., стр. 1—2; ср. также стр. 163—168.

5) Manuel élémentaire de droit administratif, 96 г.

теоретическаго различія, такъ какъ только благодаря ему получается возможность опредѣлять административное право формально: это—та часть публичнаго права, которая устанавливаетъ пространство дѣйствія органовъ управленія по отношенію къ индивидамъ. Самое-же управленіе, такимъ образомъ, имѣетъ цѣлью установленіе гармоніи между общимъ и частнымъ интересомъ [1]). Наиболѣе яркимъ представителемъ новѣйшихъ теченій во французскомъ административномъ правѣ слѣдуетъ, однако, считать Hauriou [2]), который выступилъ съ наиболѣе самостоятельной переработкой основъ нашей науки. Исходя изъ представленія о государствѣ, какъ объ абстрактномъ политическомъ союзѣ, являющимся воплощеніемъ общаго интереса, онъ понимаетъ подъ внутреннимъ управленіемъ совокупность мѣръ и условій, устанавливаемыхъ государствомъ, съ одной стороны, для того, чтобы осуществить свою собственную задачу, т. е. явиться дѣйствительнымъ воплощеніемъ общаго интереса, съ другой, чтобы, такъ сказать, дать гарантіи индивиду противъ своей собственной власти, т. е. чтобы установить возможность самостоятельнаго развитія индивида, и, наконецъ, съ третьей стороны, чтобы достичь совмѣстно съ индивидомъ и союзами индивидовъ общественнаго развитія, т. е. примирить общій интересъ съ частнымъ. Внутреннее управленіе является у него, такимъ образомъ, строго государственнымъ. Какъ и государство, оно есть слѣдствіе осуществленія въ жизни метафизическаго или этатитическаго начала, этатической связи, ткани (tissu). Остальныя два начала—позитивное и религіозное дають матерьялъ для образованія другихъ соединеній—общества и религіозной общины. Каждое изъ нихъ живетъ въ государствѣ, обнимается имъ, но и ограничиваетъ его. По-

---

[1]) Ц. с., стр. 5—6, 8; ср. стр. 125 и сл.

[2]) Précis de droit administratif et de droit public général. 3-е изд., 97 г.

зитивное начало, это — люди въ ихъ конкретной индивидуальности, съ ихъ природными инстинктами; религіозная ткань, это—люди въ ихъ отношеніи къ Богу. Соединенія во имя каждой изъ этихъ двухъ тканей, входя въ государство, остаются, однако, внѣ идеи государства, какъ таковой, т. е. каждое изъ нихъ, какъ и государство, имѣетъ свою спеціальную цѣль, и государство иначе относится къ институтамъ, создавшимся во имя религіозной и позитивной связи, и иначе къ своимъ, т. е. создавшимся во имя этатической связи: силой этихъ послѣднихъ оно покровительствуетъ первымъ. Выясняя точнѣе это разграниченіе трехъ основныхъ порядковъ, авторъ приходитъ къ необходимости особаго внутренняго управленія для каждаго вида единенія. За государствомъ онъ признаетъ только необходимость подвести управленіе остальныхъ двухъ порядковъ подъ свой контроль и надзоръ. По отношенію къ религіозному порядку положеніе вещей создалось исторически и его остается, слѣдовательно, принять, какъ фактъ. По отношенію къ позитивному порядку авторъ видитъ симптомы близкаго отдѣленія. Сторонники индивидуализма,—говоритъ авторъ,—должны признать, что въ наше время очень слаба реакція коллективизма, и соціалистическія движенія являются только признаками необходимости организовать болѣе нормально цѣлый рядъ отношеній. До сихъ поръ думали, что эта организація можетъ быть достигнута при помощи государственнаго вмѣшательства, и тамъ, гдѣ позитивный порядокъ былъ совсѣмъ не организованъ, дѣйствительно, создавалась организація путемъ государственнаго вмѣшательства. Но исключительное вмѣшательство породило рядъ тяжелыхъ послѣдствій: обремененіе налогами, чрезмѣрное увеличеніе числа чиновниковъ, опасное соединеніе власти экономической съ политической. Совсѣмъ къ другимъ результатамъ поведетъ организація позитивнаго порядка при соединенныхъ усиліяхъ государства и этого порядка, т. е. при

самостоятельномъ внутреннемъ управленіи позитивнаго порядка. Пусть, напримѣръ, государству останется вмѣшательство законодательное; внутреннее же управленіе пусть перейдетъ къ синдикатамъ и корпораціямъ. Словомъ, если не именно здѣсь, то около этого, какъ думаетъ авторъ, слѣдуетъ искать разрѣшенія вопросъ о будущемъ внутренняго управленія.

Если подвести эти представленія Hauriou подъ принятыя нами категоріи, то можно отмѣтить не только наличность трехъ указываемыхъ нами идей въ принимаемой авторомъ идеѣ внутренняго управленія, но и особое значеніе, которое придаетъ авторъ идеѣ патроната. Задача государства, по его мнѣнію, состоитъ не только къ томъ, чтобы путемъ внутренняго управленія, т. е. совмѣстнымъ воздѣйствіемъ входящихъ въ составъ этого понятія элементовъ, сознавать общіе интересы, признавать частные и устанавливать гармонію между ними, но и чтобы дать возможность такому порядку вещей, при которомъ каждая изъ двухъ привходящихъ къ идеѣ государственнаго индивидуализма идей имѣла бы еще и самостоятельную сферу примѣненія: идея личности—въ свободѣ ассоціацій и идея патроната—во вмѣшательствѣ ассоціацій во внутреннее управленіе, въ такой формѣ установленія гармоніи между общимъ и частнымъ интересомъ, при которой посредствующую роль играло бы не государство, а сами ассоціаціи въ лицѣ-ли особыхъ должностей, въ видѣ-ли такъ или иначе организованнаго представительства. Авторъ признаетъ, что проводимый имъ взглядъ—дѣло реформы, но онъ видитъ серьезные симптомы въ настоящемъ и увѣренъ, что тутъ весь вопросъ—вопросъ времени. „Эти идеи въ воздухѣ",—говоритъ онъ [1]).—Но что-же остается при такомъ порядкѣ вещей на долю собственно государственнаго внутренняго управ-

[1]) Ц. с., стр. 21.

лонія? То-же, что и теперь. Оно заботится о сохраненіи цѣлостности государства, во имя этой цѣлостности имѣетъ наблюденіе надъ индивидомъ и ассоціаціями, наконецъ, устанавливаетъ гармонію между собственными интересами и интересами индивида и ассоціаціи[1]).

Мы привели всѣ эти мнѣнія и опредѣленія не только съ цѣлью показать, что и французскіе теоріи внутренняго управленія и его права могутъ служить подкрѣпленіемъ нашему взгляду на элементы, входящіе въ составъ идеи внутренняго управленія, но и для того, чтобы выяснить этотъ взглядъ какъ на современное положеніе идеи патроната, такъ и на отношеніе ея къ идеи внутренняго управленія. Какъ германскіе полицеисты со времени Берга[2]), такъ и французскіе административисты, не смотря на все кажущееся различіе ихъ исходныхъ точекъ зрѣній, и хотя никто изъ нихъ не пользуется предлагаемыми нами категоріями, однако, тѣмъ не менѣе различаютъ троякую задачу внутренняго управленія: сознаніе спеціальной задачи государства, признаніе частнаго интереса и необходимость установленія гармоніи между ними. Одни, какъ мы видѣли, стараются ввести всѣ эти три элемента въ самое опредѣленіе внутренняго управленія и его права, другіе, наоборотъ, не стѣсняются тѣмъ, что даваемыя

---

[1]) Не является-ли однако, такое самостоятельное проявленіе идеи личности и идеи патроната противорѣчіемъ совмѣстному проявленію трехъ элементовъ идеи внутренняго управленія? Hauriou очень мѣтко указываетъ на аналогичный примѣръ римскаго трибуната. Если даже считать должность трибуна противорѣчіемъ идеѣ государственной власти, Римъ, тѣмъ не менѣе, уживался съ этой должностью въ теченіе пяти вѣковъ, и эти пять вѣковъ были блистательнѣйшей эпохой римской исторіи. Ц. с., стр. 20, примѣч.

[2]) Мы не приводимъ воззрѣній представителей германской школы Verwaltungslehre и Verwaltungsrecht, такъ какъ для нашей цѣли вполнѣ достаточно указать на воззрѣніе германскихъ полицеистовъ и французскихъ административистовъ — этихъ основъ, изъ соединенія и различныхъ комбинацій которыхъ сложились современныя германскія ученіе объ управленіи вообще и внутреннемъ управленіи въ частности.

ими опредѣленія расходятся съ ими-же самими устанавливаемыми взглядами на основные вопросы нашей науки. И всѣ одинаково признаютъ, что это установленіе гармоніи между общимъ и частнымъ интересомъ является только однимъ изъ элементовъ внутренняго управленія, не играя, такимъ образомъ, самостоятельной роли. Да иначе, конечно, оно и не могло бы быть, такъ какъ, повторяемъ, составные элементы идеи внутренняго управленія находятся въ органическомъ, а не механическомъ соединеніи.

Но является вопросъ: кончается-ли на этомъ исторія идеи патроната и нѣтъ-ли данныхъ, по которымъ можно было бы судить, наоборотъ, о совсѣмъ иномъ назначеніи нашей идеи?

Какъ мы уже знаемъ, идея патроната, какъ идея юридической защиты, имѣла тѣмъ болѣе широкое и самостоятельное значеніе, чѣмъ слабѣе была государственная власть. Въ это время патронъ, т. е. лицо, дававшее юридическую защиту, какъ бы становилось между патронируемымъ и тяжелой для него силой вещей, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ, звеномъ, связывавшимъ его съ идеей государства. Мы также знаемъ, что съ усиленіемъ государственной власти необходимость въ такой посредствующей инстанціи, въ этомъ связующемъ звенѣ, исчезаетъ. Всю защиту беретъ на себя государство, но, не признавая самостоятельности личности, превращаетъ эту защиту въ опеку. Идея патроната, какъ идея юридической защиты, однако, не теряетъ своихъ корней въ общественномъ сознаніи и не исчезаетъ изъ жизненнаго обихода. Она только претворяется въ рядѣ родственныхъ идей, войдя, какъ органическій элементъ, въ идею государственнаго индивидуализма, чтобы такимъ образомъ составить идею внутренняго управленія. Наконецъ, государство признаетъ самостоятельность личности. Это опять мѣняетъ комбинацію, и идея патроната, продолжая оставаться въ составѣ идеи внутренняго управленія, получаетъ значеніе начала, устанавливающаго

гармонію между цѣлью государства и цѣлью индивида. Какъ ясно само собой, претворенная въ рядѣ родственныхъ идей и органически соединенная съ идеями государственнаго индивидуализма и личности въ идеѣ внутренняго управленія, идея патроната теряетъ не только свои специфическія особенности, но и свою самостоятельную цѣль. Ея цѣль—развитіе силъ индивида, но всегда во имя этого индивида за рядъ обязанностей съ его стороны. Теперь-же ея цѣлью становится сохраненіе цѣлостности того отвлеченнаго начала, которое представляетъ собой идея государства. Возможны, конечно, различныя комбинаціи: большее или меньшее преобладаніе государственнаго начала надъ личнымъ или личнаго надъ государственнымъ,—но, какъ государственная защита, идея патроната, осуществляя даже спеціальное назначеніе—установленіе гармоніи между общимъ и частнымъ интересами—въ концѣ концовъ, работаетъ лишь во имя идеи государственнаго индивидуализма и проявляется въ формахъ, удобнѣе другихъ осуществляющихъ эту послѣднюю. Мы можемъ это выяснить на примѣрѣ идеи личности: сама по себѣ она опредѣляетъ право личности на самостоятельное развитіе индивидуальныхъ силъ въ государствѣ, но, съ точки зрѣнія внутренняго управленія и его права, идея личности выражается въ формѣ надзора за дѣятельностью индивида и имѣетъ цѣлью осуществленіе все той-же идеи государственнаго индивидуализма. Слѣдовательно, если бы можно было утверждать, что при крѣпкой государственной власти—а таковой мы называемъ ту власть, которая сознаетъ свои спеціальныя задачи и имѣетъ средства осуществлять ихъ—идея патроната въ самостоятельныхъ своихъ проявленіяхъ, т. е. какъ идея юридической защиты въ собственномъ смыслѣ, не имѣетъ и не должна имѣть мѣста, то, конечно, сказаннымъ мы вынуждены были бы и закончить исторію идеи патроната. Но въ этомъ-то и вопросъ. Государственная власть, усили-

ваясь, влечетъ за собой расширеніе государственныхъ задачъ, осуществленіе-же послѣднихъ вызываетъ умноженіе точекъ столкновенія между общими интересами и частными, а это, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ къ дилеммѣ: или все только въ государствѣ, или-же все и черезъ государство. Первое составляетъ содержаніе ученія такъ называемаго индивидуализма, второе—такъ называемаго государственнаго соціализма. Пространство между этими двумя крайними точками остается ничѣмъ не заполненнымъ, такъ какъ, по мнѣнію представителей каждаго изъ указанныхъ ученій, эту середину и составляетъ тотъ ненормальный порядокъ вещей, который и вызываетъ противъ себя предубѣжденіе. Какъ и слѣдуетъ ожидать, каждое изъ крайнихъ ученій по своему выясняетъ и сущность внутренняго управленія: съ точки зрѣнія индивидуалистовъ, задача внутренняго управленія сводится къ охраненію государственнаго начала, въ пространствѣ котораго индивидъ проявляетъ свою дѣятельность по установленію условій для самостоятельнаго развитія; съ точки зрѣнія государственныхъ соціалистовъ, задача внутренняго управленія разростается до того, что почти утеривается представленіе о границахъ государственнаго вмѣшательства. За внутреннимъ управленіемъ, напримѣръ, признается обязанность не только охранять личность отъ стѣсненія юридическихъ формъ, но и отъ всякихъ посягательствъ со стороны лицъ пользующихся вліяніемъ и властью. Мало того: государство-же должно выступить конкурентомъ началу самопомощи, признаваемому несостоятельнымъ. Единственнымъ закономъ, опредѣляющимъ границу государственнаго вмѣшательства, выставляется принципъ: если какая бы то ни была общественная цѣль можетъ быть достигнута посредствомъ дѣятельности государства или даже только лишь съ большей выгодой при его посредствѣ, вмѣшательство власти имѣетъ уже полное основаніе.

Не трудно видѣть, что оба эти крайнія ученія, въ концѣ концовъ, исходятъ изъ представленія о равенствѣ людей. Ученіе индивидуалистовъ, развившееся изъ философскихъ посылокъ школы естественнаго права, въ гармоніи съ которыми находилась и школа Адама Смита, установило апріорный взглядъ о государствѣ, какъ объ учрежденіи, существующемъ только для поддержанія порядка. Но такое значеніе можетъ быть признано за государствомъ лишь въ случаѣ признанія абсолютнаго равенства его членовъ, такъ какъ только при этомъ условіи самодѣятельность каждаго въ государствѣ не приведетъ постепенно къ уничтоженію самаго государства. Съ другой-же стороны, ученіе государственныхъ соціалистовъ, явившееся въ видѣ протеста противъ послѣдствій, порожденныхъ примѣненіемъ на практикѣ индивидуализма, представляетъ государство, какъ вѣчно дѣятельный организмъ, стремящійся путемъ различныхъ мѣропріятій всѣхъ одинаково пріобщить къ прогрессу цивилизаціи. Достичь этого возможно опять таки при условіи равенства людей, такъ какъ всякое неравенство потребуетъ, кромѣ дѣятельности государства, еще и другого рода дѣятельность—восполненія неравенства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что, какъ вполнѣ понятно, государству недоступно. Но безсильное осуществить задачу, диктуемую этимъ ученіемъ, государство не можетъ, безъ видимаго вреда для себя, оставаться и въ границахъ, отведенныхъ ему первымъ ученіемъ, а это, въ свою очередь, и ведетъ къ тому положенію вещей, котораго мы являемся теперь свидѣтелями. Съ одной стороны, нормальный ходъ государственной жизни тормозится необычайнымъ ростомъ конкурренціи, перепроизводства, частыми кризисами, неорганизованностью отношеній между рабочими и хозяевами, съ другой стороны, при фактическомъ неравенствѣ людей, отсутствуютъ данныя для установленія точныхъ границъ государственному вмѣшательству. Мы стоимъ, такимъ образомъ, какъ бы

предъ опасностью или отказаться отъ жизни въ государствѣ, предоставивъ полную побѣду началу индивидуализма, или-же вернуться къ полицейскому государству. Да къ этому, въ сущности, и приходятъ крайніе послѣдователи каждаго изъ указанныхъ ученій [1]).

Но, исходя изъ соображенія о фактическомъ неравенствѣ людей, вѣрнѣе—именно потому, что мы исходимъ изъ соображенія о фактическомъ неравенствѣ людей, мы не можемъ не признавать ни значенія индивидуальной самостоятельной дѣятельности въ государствѣ, ни значенія государственнаго вмѣшательства. Государство развивается при дѣятельной помощи внутренняго управленія, но энергія послѣдняго должна соотвѣтствовать внутренней силѣ общества, надъ которымъ оно оперируетъ, а показателемъ такой внутренней силы является, конечно, степень самостоятельности личности. Слѣдовательно, и внутреннему управленію предстоитъ отнюдь не задача выбирать между двумя крайними принципами, а задача болѣе благодарная—найти средство примирить ихъ.

Идея патроната можетъ въ этомъ смыслѣ сослужить огромную службу. Всякое развитіе состоитъ не въ устраненіи неравенства, которое не устранимо, а въ созданіи условій для массового перехода отъ нисшихъ формъ къ высшимъ, самый же процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ при помощи идеи личности, такъ какъ идея личности, взятая изолировано отъ другихъ органическихъ частей идеи внутренняго управленія, можетъ только помочь индивидамъ вполнѣ приспособленнымъ приспособиться еще болѣе, но для массы менѣе приспособленныхъ организмовъ она болѣе опасна, чѣмъ полезна. Процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ и при помощи государственнаго вмѣшательства, кото-

---

[1]) Ср. Hauriou, ц. м., Adolphe Prins, L' organisation de la liberté et le devoir social; Jean Isoulet, La cité moderne, métaphisique de la sociologie.

рое, самое большое, что оно можетъ сдѣлать, въ состояніи лишь регулировать процессъ этого перехода. Идея-же патроната, какъ показываетъ самое опредѣленіе ея, имѣетъ своей основной цѣлью прикрывать неприспособившійся или недостаточно приспособившійся организмъ сферой правъ и силы организма болѣе приспособившагося. Какъ показываетъ историческое разсмотрѣніе формъ проявленія идеи патроната, она всегда играла роль той примиряющей идеи, которая восполняла слабымъ недостатокъ въ правахъ при помощи защиты и покровительства сильныхъ. Правда, въ наши дни, когда юридическое равенство получило значеніе общераспространеннаго и почти повсемѣстно признаваемаго основного принципа государственной жизни, не можетъ быть и рѣчь о недостаткѣ правъ, и вопросъ идетъ почти исключительно о фактическомъ неравенствѣ, но фактическая слабость нашихъ дней является непосредственнымъ продолженіемъ юридической слабости прошлаго. Если кліентъ былъ юридически слабъ въ Римѣ, потому что не принадлежалъ къ извѣстному числу полноправныхъ семействъ, если въ средніе вѣка отдѣльные виды вассаловъ были юридически болѣе слабы, потому что въ тѣхъ, а не въ иныхъ отношеніяхъ стояли къ землѣ, которую обработывали, то и фактическая слабость, напримѣръ, современнаго рабочаго класса является, по существу, съ тѣмъ же характеромъ юридической слабости, такъ какъ обусловливается тѣмъ, а не инымъ отношеніемъ къ орудіямъ труда и матерьяламъ производства. Отсутствіе собственныхъ орудій труда и матерьяловъ производства лишаютъ рабочаго имущественнаго ценза, а отсутствіе послѣдняго нерѣдко ведетъ и къ юридической слабости въ буквальномъ смыслѣ. Кромѣ того, эта-же фактическая слабость является одновременно и соціальной слабостью, т. е. дѣлаетъ личность не пригодной къ дальнѣйшей борьбѣ за ея положеніе въ обществѣ, а вѣдь таково именно содержаніе и юридической слабости.

Такимъ образомъ, если какой изъ указанныхъ идей и можетъ предстоять самостоятельная роль въ вопросѣ о примиренiи требованiй и запросовъ личности съ цѣлью государства, то только идеѣ патроната, понимаемой въ смыслѣ идеи юридической защиты [1]). Другой вопросъ: въ какой формѣ можетъ проявиться эта самостоятельная роль идеи патроната. Это — вопросъ будущаго. Едва-ли, однако, эти формы будутъ сильно расходиться съ формами уже извѣстными исторiи. Быть можетъ, правъ Hauriou, который предвидитъ возрожденiе института, напоминающаго римскiй трибунатъ [2]); быть можетъ, защита будетъ организована въ видѣ отдѣльныхъ подъ частнымъ патронатомъ состоящихъ группъ — мы не останавливаемся на подробномъ разсмотрѣнiи этого вопроса, такъ какъ тутъ уже начинается область гаданiй, сравнительное значенiе каждаго изъ которыхъ не можетъ быть достаточно провѣрено.

Одно несомнѣнно: идеѣ патроната предстоить еще не малая будущность. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ тѣ разнорѣчивые пока голоса, которые теперь раздаются по всей Европѣ съ требованiями объ организацiи защиты для менѣе приспособившихся къ общественной жизни организмовъ. Разнорѣчiе объясняется тѣмъ, что одни возлагаютъ всѣ надежды на государство и его управленiе, другiе—на личность, при чемъ мы читаемъ и слышимъ проекты самые разнообразные—отъ возврата къ полицейскому государству до анархiи включительно. Но все это лишь переходные моменты: историческая правда возьметъ свое, а историческая правда прямо указываетъ намъ на идею патроната, какъ на наиболѣе удобный и естественный путь къ разрѣшенiю поставленнаго вопроса.

---

[1]) Prins, ц. с., гл. 35, находитъ примиренiе въ децентрализацiи. Но, если всмотрѣться въ то, что онъ понимаетъ подъ децентрализацiей, то окажется, что это ничто иное, какъ мѣстные союзы патроната.

[2]) Hauriou, ц. с., стр. 20.

X.

Идея патроната по воззрѣніямъ Ле-Плэ. Опредѣленіе, историческое разсмотрѣніе, слѣды проявленія этой идеи въ современной жизни, ея значеніе; симптомы предстоящей реформы. Разборъ этихъ воззрѣній.

Совершенно своеобразно понимаетъ идею патроната извѣстный французскій мыслитель и общественный дѣятель Ле-Плэ [1]). Въ многочисленныхъ работахъ [2]), посвященныхъ изложенію его личныхъ взглядовъ на вопросы общественной жизни, личной и общественной морали, онъ не разъ возвращается къ анализу идеи патроната, которую ставитъ въ тѣсную связь со всѣмъ своимъ ученіемъ. Для того, чтобы изложить воззрѣніе Ле-Плэ на идею патроната, приходится, слѣдовательно, хоть въ краткихъ чертахъ коснуться и общаго его ученія

---

¹) Родился въ 1806 г., умеръ въ 1882 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. статью К. П. Побѣдоносцева „Ле-Плэ", Р. Об., 93 г., кн. 9., Auburtin „F. Le-Play", Wenckstern, „Le-Play", въ Jahrbuch für. Ges. u. Verw. Schmoller'a 1899, I, ср. также A. Riche, „Frédéric Le-Play"; A. de Tourvill, „La science sociale est-elle une science?" и „La science social se confond-elle avec la science de la morale"? Ср. также предисловіе гр. Ланскаго къ переводу первой статьи Турвилля. Гр. Ланской приводитъ и библіографическія указанія, ц. с., стр. XXV. Wenckstern даетъ подробный, хотя и односторонній разборъ общаго ученія Ле-Плэ. См. у него-же библіографическія указанія на стр. 2, 3.

²) Сочиненія Ле-Плэ дѣлятся на два разряда. 1) собранныя имъ матеріалы по его спеціальному методу и 2) его публицистическія работы. Вотъ перечень тѣхъ, которыми мы пользовались: Réforme sociale en France, 3 т.; La réforme en Europe et le salut en France (le programme des unions de la paix sociale); La paix sociale après le désastre; L'organisation de la famille; L'organisation du travail; La constitution de l' Angleterre; Les Ouvriers européens, 6 т.; сюда же слѣдуетъ причислить и коллективный трудъ Les ouvriers des deux mondes, составленный международнымъ обществомъ соціальной экономіи, 4 т.

о государствѣ и обществѣ, вѣрнѣе — о правилахъ жизни людей въ государствѣ [1]).

Люди и природа, окружающая людей, созданы Провидѣніемъ, которое открылось человѣку въ дѣлахъ своихъ и въ законахъ десяти заповѣдей. Если противопоставить природѣ единичнаго человѣка, то никакихъ другихъ потребностей, кромѣ заботъ о насущномъ хлѣбѣ у этого человѣка не было бы. Но природѣ противопоставлены милліоны людей съ ихъ взаимными другъ къ другу отношеніями. Послѣднее обстоятельство рождаетъ новый видъ потребностей. Чтобы познать эти потребности, надо прежде всего опредѣлить основныя свойства человѣка. Во первыхъ, человѣкъ обладаетъ инстинктомъ, во вторыхъ, свободой воли, въ третьихъ—рядомъ естественныхъ слабостей, которыя проявляются въ томъ, что у него не хватаетъ иногда способностей себя самого содержать, и тогда является склонность получать необходимое подъ защитой болѣе способнаго и сильнаго. Эти три основныя свойства создаютъ индивидуальность каждаго и отсюда —естественное неравенство людей.

Но неравные между собой люди живутъ вмѣстѣ и совмѣстно вынуждены добывать насущный хлѣбъ. Это возможно лишь при извѣстныхъ учрежденіяхъ, которыя служатъ нормой совмѣстной жизни. Потребность въ такой нормѣ и является вторымъ типомъ потребностей человѣка. Норма-же эта заключена въ моральномъ законѣ, преподанномъ въ десяти заповѣдяхъ, являющихся основаніемъ, фундаментомъ общественной жизни людей.

Десять заповѣдей даютъ полное содержаніе морали: изъ нихъ человѣкъ черпаетъ убѣжденіе въ важности для него религіи, отеческой власти, семейнаго начала вообще и соб-

---

[1]) Это вѣрнѣе уже по одному тому, что Ле-Плэ можетъ быть вообще скорѣе названъ „учителемъ жизни“, чѣмъ соціологомъ, юристомъ или экономистомъ.

ственности. Но то, что установлено заповѣдями, должно проходить и въ дѣйствительную жизнь. Пути, которыми проводятся въ жизнь эти начала—власть. Власть духовная преподаетъ паствѣ законъ десяти заповѣдей и религію, власть свѣтская осуществляетъ въ общественной жизни идею отеческой власти.

Таковы учрежденія, способствующія удовлетворенію второй потребности—потребности въ нормѣ. Потребности-же перваго рода, т. е. въ насущномъ хлѣбѣ, удовлетворяются путемъ начала общиннаго, начала частной собственности и патронатства. Что-же Ле-Плэ понимаетъ подъ патронатствомъ?

Опредѣляя и анализируя всякіе виды помощи, подаваемой обществомъ лицамъ бѣднымъ, общественно слабымъ, нуждающимся, Ле-Плэ приходитъ къ печальному выводу, что чѣмъ болѣе развивается такая помощь, тѣмъ болѣе усиливается зло ею врачуемое. Онъ считаетъ, что такая помощь, вмѣсто уменьшенія нужды, слабости, бѣдности, только пропагандируетъ ихъ. Лишь три способа дѣйствительные существовали,—говоритъ авторъ [1])—для борьбы съ распространеніемъ бѣдности: патріархальная организація, удерживавшая молодыя семьи подъ авторитетомъ стариковъ, отцовъ семействъ; общность имуществъ и труда нѣсколькихъ семей въ пастушескомъ родовомъ быту или въ сельской общинѣ; наконецъ, покровительство надъ общиной, родомъ или какой-либо семейной группой. Современность, по мнѣнію автора, напрасно ждетъ, пренебрегая традиціями, спасенія отъ прогресса знаній, который, правда, создаетъ въ значительно большемъ количествѣ способныхъ и предусмотрительныхъ индивидовъ, но соразмѣрно съ этимъ и увеличиваетъ страданія. Необходимъ коррективъ для современнаго представленія о личной свободѣ, и этотъ

---

[1]) La réforme social en France, т. 2., гл. 50.

корректив заключается въ установленіи іерархіи труда и добродѣтели.

Патріархальная семья сохранилась лишь въ немногихъ мѣстахъ [1]), общность имуществъ и труда сохранилась также только мѣстами [2]), что-же касается третьяго презерватива— патронатства, то западно-европейскому обществу придется не мало потрудиться, чтобы возсоздать то, что, къ сожалѣнію, совсѣмъ утеряно. Развитіе личной свободы будетъ, конечно, ставить преграды такому возсозданію, но заблужденіе думать, что общественная жизнь можетъ нормально слагаться безъ примѣненія идеи патроната. Собственники промышленныхъ заведеній видятъ себя всегда вынужденными собирать вокругъ себя сотрудниковъ различнаго рода, безъ которыхъ они не могутъ приступать къ производству. Послѣдніе-же одинаковымъ образомъ вынуждены мѣнять свои услуги на жалованье и заработную плату. Эти взаимныя отношенія сразу пріобрѣтаютъ особое значеніе, разъ ими устанавливается не только матерьяльное благосостояніе, но и моральное, вопросъ о которомъ самъ собой въ данномъ случаѣ возникаетъ. А послѣднее имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда уваженіе и преданность рабочихъ по отношенію къ хозяину является естественнымъ слѣдствіемъ увѣренности, что въ лицѣ хозяина они найдутъ защиту и восполненіе своей слабости. Такой строй отношеній авторъ называетъ добровольнымъ патронатствомъ (patronage volontaire), такъ какъ думаетъ, что основаніемъ этого строя служитъ не сила, какъ это, напримѣръ, было при патронатѣ среднихъ вѣковъ, но нравственное вліяніе патроновъ [3]).

Строй патроната,—продолжаетъ авторъ далѣе,—узнается

---

[1]) Въ Италіи, Испаніи, Франціи. Подроб. ст. Les ouvriers de deux mondes т. I, стр. 221.

[2]) См. подробн. La réforme social en France, т. 2, гл. 42.

[3]) Интересно сравнить съ предисловіемъ къ т. I, Les ouvr. d. d. m.

по слѣдующимъ признакамъ: 1) продолжительность службы рабочаго у хозяина, 2) болѣе или менѣе тѣсное между ними общеніе. Рабочій увѣряется, что его благополучіе зависитъ отъ благополучія патрона, послѣдній-же видитъ себя обязаннымъ заботиться о нравственныхъ и матерьяльныхъ потребностяхъ рабочихъ. Чтобы имѣть возможность всегда быть на высотѣ такихъ отношеній, патронъ, въ случаѣ усиленія спроса на его товары, съ осторожностью принимаетъ новыхъ рабочихъ и, въ случаѣ уменьшенія спроса, старается не удалять никого изъ тѣхъ, кто уже у него служитъ. И сообразно съ этимъ строятся всѣ отношенія. Такой патронъ не отрываетъ мать семьи отъ ея домашняго очага, не оставляетъ на заботу рабочей семьи устройство ея помѣщенія и къ тому-же, чтобы облегчить рабочимъ существованіе, по возможности старается организовывать свои промышленныя заведенія не въ городахъ, а въ деревняхъ. Наконецъ, замѣняетъ по возможности заработную плату деньгами платой продуктами и содержаніемъ, такъ что какъ бы создаетъ имъ собственность.

Это все касается установленія условій матерьяльнаго благосостоянія рабочихъ. Но на обязанности-же патрона лежитъ и моральное развитіе: онъ заботится о религіозномъ воспитаніи рабочихъ (патронатъ, такимъ образомъ, явится могучимъ орудіемъ борьбы противъ невѣрія, разъѣдающаго современное общество), кромѣ того, и объ умственномъ развитіи, что, взятое вмѣстѣ, будетъ способствовать развитію добродѣтели и добрыхъ нравовъ, сообразно съ законами, начертанными въ десяти заповѣдяхъ.

Заботливость патроновъ выскажется еще и въ томъ отношеніи, что рабочіе будутъ удерживаться въ предѣлахъ семейнаго начала[1]); вокругъ семейнаго очага группируются

[1]) Авторъ различаетъ три типа семьи: 1) патріархальную, гдѣ всѣ дѣти (и женатые съ ихъ семьями) остаются у домашняго очага подъ авторитетомъ

родителями тѣ ихъ дѣти, которыя, не обладая особой предпріимчивостью, предназначаютъ себя для работы въ томъ-же промышленномъ заведеніи (остальные уходятъ изъ семьи), а это, въ свою очередь, ведетъ неизбѣжно къ гармоніи между патрономъ и рабочими, слѣдовательно,—и къ общему миру. Удерживая у семейнаго очага женщинъ, защищая честь дѣвушекъ и заботясь о воспитаніи дѣтей, патроны, такимъ образомъ, дадутъ уже полную гарантію, что общій миръ ничѣмъ не будетъ нарушенъ.

Исходя изъ соображенія, что люди, даже воспитанные въ чувствѣ порядка, дѣлаютъ часто серьезныя ошибки при основаніи своихъ семей, авторъ присоединяетъ къ обязанностямъ патрона еще и обязанность удерживать патронируемыхъ отъ завѣдомо неудачныхъ и неразумныхъ браковъ.

Тѣ условія, которыя Ле-Плэ кладетъ въ основаніе патроната, т. е. продолжительность службы и тѣсное общеніе между рабочими и хозяевами, онъ называетъ еще „pratiques du bien ou la coutume“ [1]). Продолжительность службы ставится имъ во главѣ всего. Онъ считаетъ это условіе наивысшимъ выраженіемъ устойчивости, положительнымъ признакомъ гармоніи и благосостоянія. Сожалѣя о томъ, что современность даетъ намъ картину почти полнаго забвенія этого условія, авторъ, тѣмъ не менѣе, рѣшается утверждать, что будущее выскажется въ его пользу. Изъ условія продолжительности службы онъ выводитъ основанія и для того близкаго общенія между рабочими и хозяевами, которое, раз-

---

отцовской власти и гдѣ, за исключеніемъ нѣкоторой недвижимости, собственность нераздѣльна; 2) устойчивую или коренную, гдѣ только нѣкоторыя, наиболѣе предпріимчивыя дѣти, выходятъ изъ семьи, а другія остаются подъ отцовской властью и продолжаютъ профессію отца; 3) неустойчивую, гдѣ дѣти охотно покидаютъ домашній очагъ, чтобы на сторонѣ обзавестись своимъ собственнымъ очагомъ. Въ данномъ случаѣ Ле-Плэ, очевидно, имѣетъ въ виду семью коренную или устойчивую. См. L'organisation de la famille.

[1]) L'organisation du travail, стр. 140 и сл.

виваясь на почвѣ семейнаго начала, утверждаетъ взаимное благосостояніе.

Ле-Плэ выводитъ эти начала изъ анализа историческихъ фактовъ [1]) и изъ произведенныхъ имъ лично наблюденій [2]). Въ исторіи авторъ различаетъ шесть періодовъ, изъ которыхъ три періода—періоды реформы и благоустройства и три—періоды паденія и вырожденія. Первый періодъ, охватывающій время отъ 1600 до 300 г. до Р. Хр., представляетъ Галлію (авторъ касается только исторіи Франціи) въ рукахъ нѣсколькихъ клановъ, родовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были во враждѣ другъ съ другомъ, большинство же чувствовало общую связь, и даже иногда представлялись случаи конфедеративнаго между ними единенія. Занимаясь преимущественно охотой, они, тѣмъ не менѣе, признавали семейное начало, и имѣются доказательства той высокой роли, которую они предназначали въ культѣ, въ семьѣ, въ примиреніи распрей между племенами и даже въ международныхъ сношеніяхъ матери семейства и дѣвушкѣ. Постепенно они перешли къ земледѣлію на началахъ общей собственности и патріархальной семьи; ихъ благосостояніе безпрерывно стало тогда развиваться, а, благодаря рѣдкимъ природнымъ задаткамъ, совершенствовались и ихъ нравы. Однако, это-же благосостояніе, породивъ богатство и могущество, вызвало и пороки и страсти, которые, начиная съ IV вѣка до Р. Хр., быстро повлекли за собой общій упадокъ и вырожденіе. Семьи сдѣлались неустойчивыми, родовое начало вымирало, индивидуализмъ принялъ несоотвѣтственные размѣры. Патронатъ, который прежде былъ проявленіемъ идеи защиты, выродился въ способъ привлекать къ дому толпу собутыльниковъ и праздныхъ слугъ. Дезорганизація выразилась въ появленіи городовъ, гдѣ селились

---

[1]) Ibidem, стр. 64—124.
[2]) Les ouvriers Européens, т. 1—VI.

болѣе предпріимчивые общественные элементы, оставляя слабыхъ на произволъ ихъ судьбы. И Галлія мало по малу пришла въ такой упадокъ, что сравнительно легко было лишить ее независимости. Этотъ второй періодъ продолжался до 496 г. послѣ Р. Хр., слѣдовательно, еще и послѣ обращенія франковъ въ христіанство. Но христіанство-же и вмѣстѣ съ нимъ феодализмъ послужили почвой для совсѣмъ новаго общественнаго порядка. Еще съ 3 вѣка началось обращеніе Галліи, въ 4 вѣкѣ уже появились первые благіе результаты обращенія, къ концу пятаго вѣка епископальная организація проникаетъ собой всю общественную жизнь, сдерживаетъ дурные инстинкты, приводитъ въ тѣсную связь съ религіей всѣ основы общественной жизни, поучаетъ, вмѣстѣ съ образовавшимися къ тому времени монашествующими орденами, правиламъ жизни, воспитываетъ добродѣтель и вселяетъ правящимъ классамъ сознаніе ихъ обязанностей по отношенію къ нисшимъ классамъ. Начала братства и равенства передъ Богомъ проповѣдуются вездѣ, на каждомъ шагу, чѣмъ приводятся въ гармонію интересы классовъ. Однимъ словомъ, тутъ совершается самая грандіозная изъ всѣхъ извѣстныхъ революцій, послѣдствіемъ которой является новый соціальный строй. Сдѣлавшись опять хозяевами своей земли, франки возстановляютъ личную независимость, но умѣряютъ крайности индивидуализма сознаніемъ связи и взаимнаго братства. И въ то время какъ духовенство реформировало чувства и идеи, свѣтская власть вносила новые институты и нравы. Взаимная защита становится девизомъ времени, благое попеченіе сильныхъ о слабыхъ—формой проявленія этого девиза. Верховная власть селится на своихъ доменахъ, окруженная сюзеренами, имѣющими свои помѣстья, относящимися попечительно къ своимъ васаламъ. Правленіе Людовика Святаго было какъ бы апогеемъ этого славнаго и счастливаго періода. Мы видимъ тутъ семью организованную по двумъ

ея лучшимъ типамъ (семья патріархальная и семья коренная), общины имѣли автономію, сельскіе рабочіе, изъятые отъ всякой личной зависимости, находились, въ виду продолжительности службы, въ тѣсномъ общеніи съ хозяевами, въ каждой бароніи, какъ и въ отношеніяхъ ея къ государству, царила полная независимость, но при сохраненіи соціальнаго порядка. Суверенъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ свою связь съ тѣми, надъ кѣмъ господствовалъ, и сохранялъ поэтому миръ, давалъ защиту, судилъ, какъ аппеляціонная инстанція. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ какъ бы всѣхъ пріобщалъ къ дѣлу правленія и, вмѣстѣ съ ними осуществляя практику десяти заповѣдей, первый подавалъ примѣръ своимъ поведеніемъ. Но въ этомъ счастливомъ порядкѣ вещей заключался и элементъ разложенія: отсутствовала возможность тщательно блюсти за сохраненіемъ указанныхъ принциповъ, а это, въ свою очередь, нерѣдко вело къ злоупотребленіямъ властью. Къ тому-же духовенство уклонялось постепенно отъ своего прямого назначенія и стало заботиться о пріобрѣтеніи свѣтскаго могущества. По мѣрѣ того, какъ росло послѣднее, падала строгость нравовъ и среди духовенства. Путемъ насилія стремилось оно поддерживать вѣрованія, которыя укрѣплялись еще не такъ давно путемъ краснорѣчія и нравственныхъ подвиговъ. Ко всему этому присоединился рядъ историческихъ обстоятельствъ: вторженіе ислама, борьба германскихъ императоровъ съ папами, происки антипапъ, дезорганизація, внесенная крестовыми походами и проч. Все это нейтрализовало удивительный источникъ нравственной силы, представляемый христьянствомъ. И вотъ съ 1270 г. начинается новый періодъ упадка и вырожденія, который тянется до 1589 г. Народъ теряетъ уваженіе къ духовенству и переноситъ всѣ свои надежды исключительно на феодальную монархію, которая, однако, въ лицѣ наслѣдниковъ Людовика Святого, начинаетъ враждебно относиться къ мѣстному

самоуправленію и, поощряемая легистами, ставитъ своимъ идеаломъ абсолютную монархію римскихъ императоровъ. Періодъ паденія былъ продолжителенъ, хотя и протекалъ въ безпримѣрной въ исторіи острой формѣ: скандалы папскаго двора, развратъ духовенства и злоупотребленія королей расшатали очень быстро устои средневѣковой жизни, протекавшей въ благополучіи. Хотя дворянство еще до XV вѣка продолжало сохранять добрые нравы, но зараза была уже въ въ воздухѣ; итальянскіе походы Карла VIII познакомили Францію съ разнузданностью дворовъ Борджіа и Медичисовъ; движеніе протестантовъ, имѣвшее успѣхъ, благодаря стремленію уйти отъ очевиднаго зла, повело къ крайностямъ съ обѣихъ сторонъ; основы религіи стали подвергаться критикѣ, что повело къ зарожденію скептицизма; сближеніе послѣднихъ Валуа съ Медичисами окончательно внесло дезорганизацію въ нравы двора и высшаго дворянства, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, повело и ко всеобщей распущенности, такъ какъ правящій классъ потерялъ сознаніе своихъ обязанностей къ тѣмъ, кто находился подъ его управленіемъ. Только съ воцаренія Генриха IV можно считать начало новаго, пятаго, періода. Хотя ни Генрихъ, ни Людовикъ XIII не обладали каждый всѣми качествами, необходимыми для монарха, вступающаго на престолъ въ періодъ упадка и желающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, призвать народъ къ возрожденію (добродѣтелью, энергіей, прозорливостью), но здравый смыслъ подсказалъ имъ вернуться къ традиціямъ прошлаго. Въ этомъ отношеніи дѣятельность Генриха, очистившаго страну отъ итальянцевъ, освободившагося отъ вліянія Испаніи, призвавшаго всѣ классы населенія къ общественному порядку, издавшаго Нантскій эдиктъ, по истинѣ достойна особаго вниманія. Его сынъ, справедливый и добродѣтельный, продолжилъ дѣло отца тѣмъ, что обратилъ преимущественныя свои заботы на возвращеніе двора и общества къ добрымъ нра-

вамъ. При немъ-же прекращена была и вѣковая распря между католиками и гугенотами, а миръ, заключенный между ними, оказалъ неисчислимые услуги въ дѣлѣ развитія нравственнаго и матерьяльнаго благосостоянія Франціи. Наступило скоро именно то время, когда французскій языкъ и французская культура сдѣлались доминирующими въ Европѣ. Очень возможно, что иди Франція по слѣдамъ, оставленнымъ этими двумя королями, она никогда не переживала бы дальнѣйшихъ періодовъ упадка: принципы добраго феодальнаго времени, видоизмѣненные сообразно съ новыми потребностями, внесли въ выродившуюся было общественную жизнь струю живого порядка и добрыхъ нравовъ, и сильная власть не уклонялась отъ признанія значенія за самостоятельностью общинъ, проводя идею патроната и въ государственное управленіе. Но уже къ концу этого періода сказались зародыши будущей дезорганизаціи. Признавая зиждительныя свойства проявленій идеи патроната, защиты и тѣснаго общенія между классами высшими и низшими, Бурбоны, тѣмъ не менѣе, незамѣтно, быть можетъ, для самихъ себя, отвлекали отъ земли ея представителей, которые теперь дѣлаютъ своей резиденціей Парижъ, а это повело къ двумъ печальнымъ слѣдствіямъ: падала личная иниціатива, и рушилась непосредственная связь между классами общества, чѣмъ ослаблялось значеніе мѣстнаго самоуправленія. Все это, въ концѣ концовъ, привело общество къ новому періоду разложенія (съ 1661 г.). Онъ выразился сначала въ ничѣмъ не сдерживаемой монаріи, грѣшившей противъ всѣхъ основъ нормальной соціальной жизни, а затѣмъ—въ заблужденіяхъ энциклопедистовъ, дискредитировавшихъ кутюмы [1]). Революціонное-же

[1]) Кутюмы, по терминологіи Ле-Плэ, это—тѣ традиціонныя правила общежитія, которыя, вытекая изъ десяти заповѣдей, являются устоями всякой нормальной соціальной жизни. Объ этомъ подробно см. Réforme sociale en France, гл. 52, III. Общее опредѣленіе даетъ самъ Ле-Плэ въ Les ouvriers Européens,

движеніе было апогеемъ этой эпохи, такъ какъ оно, распространивъ въ массѣ тѣ соціальные недостатки, которые во время монархіи были лишь достояніемъ правящаго класса, въ концѣ концовъ, создало государство, ради матерьяльнаго благополучія гражданъ игнорировавшее достиженіе нравственнаго порядка въ обществѣ.

Таковы въ самыхъ сжатыхъ и основныхъ чертахъ тѣ положенія, которыми руководствуется Ле-Плэ при историческомъ разсмотрѣніи вопроса. Различая шесть періодовъ въ исторіи Франціи и отмѣчая среди нихъ только три період благосостоянія, онъ въ каждомъ изъ послѣднихъ усматриваетъ также и благотворное вліяніе идеи патроната. Находя, что періодъ ему современный является однимъ изъ періодовъ упадка, онъ, конечно, и не находитъ въ немъ проявленій идеи патроната въ смыслѣ какихъ-либо общихъ нормъ. Онъ замѣчаетъ только, что путемъ детальнаго изученія быта отдѣльныхъ мѣстностей его родины, а также отдѣльныхъ европейскихъ народностей, можно установить слѣды существованія этой идеи и въ наши дни, вѣрнѣе — остатки прошлагоея процвѣтанія, быть можетъ, отчасти и зародыши будущаго процвѣтанія.

Чтобы перейти къ дальнѣйшему, намъ необходимо пересмотрѣть, каковы эти остатки, которымъ Ле-Плэ придаетъ такое значеніе. Такъ. въ нижней Бретани, въ общинѣ Пенанвуръ Кимперскаго округа можно встрѣтить рабочихъ, живущихъ въ собственныхъ или нанятыхъ домахъ, въ полномъ довольствѣ и подъ защитой мелкихъ собственниковъ — хозяевъ почвы, на которыхъ они работаютъ вмѣстѣ съ семьями, при условіи пожизненнаго найма. Ихъ положеніе на столько обезпечено, что почти всегда приводитъ къ возможности

т. I, стр. 450. „Coutumes de la paix sociale sont les regles tradionnelles, dérivées de la constitution essentielle chez les peuples prospéres“.

имѣть собственность, причемъ, однако, послѣднее обстоятельство рѣдко прерываетъ отношеніе патроната [1]). Въ подробностяхъ, положеніе этихъ рабочихъ слѣдующее: съ 12 лѣтъ дѣвочки и мальчики, дѣти рабочихъ-же, поступаютъ въ домъ собственника-землевладѣльца или фермера на правахъ прислуги; они пасутъ скотъ или исполняютъ домашнія работы. Въ это время они обыкновенно получаютъ на всемъ готовомъ отъ 24—120 франковъ. Кромѣ того, они получаютъ освященное традиціями право держать въ хозяйскомъ стадѣ пару своихъ телятъ, что пріучаетъ ихъ считать интересы хозяина близкими своимъ. Это-же право пріучаетъ и къ собственности, такъ какъ телята заводятся рабочимъ на счетъ его сбереженій. Живя на всемъ готовомъ, рабочій собираетъ небольшую сумму, на которую впослѣдствіи обзаводится всѣмъ необходимымъ на случай, если захочетъ жениться. Къ 25 годамъ обыкновенно онъ уже женатъ. Онъ нанимаетъ домъ и поле, оставаясь, однако, на службѣ у патрона. Нравственная жизнь даетъ ему возможность дѣлать дальнѣйшія сбереженія, и тогда онъ постепенно дѣлается самъ фермеромъ, а потомъ и собственникомъ. Отношенія по патронату къ бывшему хозяину частью остаются въ прежней силѣ, частью переходятъ въ дружбу [2]). Въ нижнемъ Провансѣ, въ общинѣ Пеинье (35 километровъ отъ Марселя) можно прослѣдить аналогичныя же отношенія. Жители общины преимущественно работаютъ на мыловаренныхъ заводахъ, жены и дѣти ихъ остаются дома, гдѣ занимаются сельскимъ хозяйствомъ. На фабрикахъ принята система добровольнаго найма на продолжительные сроки, при условіи цѣлаго ряда воспомоществованій натурой со стороны хозяевъ. Хозяева и рабочіе находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ очень напоминаю-

---

[1]) Les ouv. Eur., т. IV, стр. 336 и сл.
[2]) Ibid., т. IV, гл. VII, § 12.

щихъ отношенія по кліентеллѣ въ Римѣ его лучшихъ временъ. Можно сказать, что всѣмъ своимъ благосостояніямъ (а оно доказывается, по мнѣнію Ле-Плэ, произведенными имъ обслѣдованіями) этотъ край обязанъ именно традиціонному существованію такихъ отношеній [1]). Въ мѣстности, называемой Labourd, въ Байонскомъ округѣ, гдѣ нѣтъ ни одного крупнаго собственника, замѣчается, тѣмъ не менѣе, традиція патроната, которая выражается въ томъ, что крестьяне, имѣющіе собственность, держатъ въ своихъ семьяхъ кого-либо изъ дѣтей лицъ, не имѣющихъ собственной земли. Обыкновенно такіе воспитанники такъ и остаются въ этихъ семьяхъ, вступая съ ними въ родство [2]). Въ общинѣ Louvigny, которая преимущественно населена кузнецами, отношенія патроната наблюдаются въ слѣдующей формѣ: мастеръ изъ дѣтей рабочихъ выбираетъ себѣ ученика, обыкновенно 14-ти лѣтняго мальчика, обучаетъ его ремеслу, держа годъ безъ жалованья, два года на жалованьи въ 6—7 франковъ въ мѣсяцъ, а послѣ этихъ трехъ лѣтъ дѣлая его подмастерьемъ, при чемъ почти всегда оставляя на всю жизнь въ своей семьѣ, т. е., или вступаетъ съ нимъ въ родство или-же принимаетъ сбереженія бывшаго ученика, какъ вкладъ въ общее дѣло. Мальчики-же, которые по состоянію здоровья не пригодны къ тяжелому труду кузнеца, на тѣхъ-же основаніяхъ вступаютъ въ семьи фермеровъ, если ихъ родная семья не имѣетъ возможности передать имъ по наслѣдству какое нибудь готовое дѣло [3]). Въ болѣе слабой степени наблюдаются подобныя-же отношенія по патронату и въ мѣстности около общины Saint-Marie, гдѣ жители занимаются выработкой тканей. Здѣсь, впрочемъ, уже начинается разлагающее вліяніе на условія жизни всѣхъ послѣдствій краткосрочнаго найма [4]).

---

[1]) Ibid., гл. VIII.
[2]) Ibid., т. V, гл. V.
[3]) Ibid., т. V, стр. 414—415.
[4]) Ibid., т. VI, гл. V.

Аналогичные слѣды проявленія идеи патроната въ смыслѣ, принятомъ Ле-Плэ, могутъ быть отмѣчены не въ одной Франціи. Такъ, весь строй отношеній между рабочими и хозяевами желѣзодѣлательныхъ фабрикъ Даннеморы (Швеція) основанъ на добровольномъ патронатствѣ. Обыкновенно рабочіе изъ поколѣнія въ поколѣніе работаютъ у одного предпринимателя и его семьи, причемъ связь ихъ соединяющая на столько крѣпка, что ее не могутъ разрушить никакія разлагающія вліянія современности [1]. То-же, хотя и въ нѣсколько меньшей степени (нерѣдки случаи найма на годъ) замѣчается и въ Бюскерюдѣ (Норвегія) въ быту рабочихъ кобальтовыхъ заводовъ. Помощь всякаго рода и защита со стороны хозяевъ—явленія обычныя и освященныя вѣковыми традиціями [2]. Особое значеніе имѣютъ отношенія патроната въ горныхъ промыслахъ Ганновера, гдѣ эти отношенія сохранились до сихъ поръ какъ бы въ первобытной чистотѣ. Какъ говоритъ авторъ, бытъ рабочихъ на этихъ промыслахъ можетъ считаться образцомъ желательнаго существованія рабочихъ. Съ дѣтства и до смерти рабочій находится подъ самой тщательной защитой администраціи промысловъ: мальчики и дѣвочки обучаются въ безплатныхъ школахъ, взрослымъ администрація обязательно даетъ работу, хотя бы въ данную минуту промыслы и не приносили дохода; больницы, сберегательные кассы, организованный мелкій кредитъ и проч. выручаютъ рабочихъ въ трудныя минуты ихъ жизни; администрація заботится о сиротахъ, о потерявшихъ работоспособность, наконецъ, помогаетъ семьѣ похоронить умершаго ея члена. При этомъ слѣдуетъ еще отмѣтить, что всѣ эти учрежденія, общая система которыхъ и выражаетъ идею патроната, организуются обыкновенно сов-

---

[1] Ibid., т. III, гл. I.
[2] Ibid., т. III, гл. II.

мѣстными усиліями рабочихъ и администраціи [1]). Не въ такой образцовой формѣ, но, во всякомъ случаѣ, въ формѣ весьма благопріятно отражающейся на уровнѣ матерьяльнаго и нравственнаго благосостоянія рабочихъ проявляется идея патроната на желѣзодѣлательныхъ заводахъ Дербшира (Англія), гдѣ предприниматели даже во время промышленныхъ кризисовъ, въ силу традицій, поддерживаютъ своихъ рабочихъ. Предприниматели не отказываются также отъ участія въ учрежденіяхъ, которыя имѣютъ задачей помощь и покровительство рабочимъ [2]).

Еще, можетъ быть, съ большей симпатіей говоритъ авторъ о проявленіяхъ идеи патроната въ отношеніяхъ между литейщиками-словаками среброплавильныхъ заводовъ Шемница (около Пресбурга, въ Венгріи) и администраціей этихъ заводовъ [3]). Здѣсь рабочіе составляютъ какъ бы корпорацію, надъ всѣми мелочами жизни которой покоится попечительная рука заводской администраціи, ставящей себѣ цѣлью достиженіе и матерьяльнаго, и нравственнаго благосостоянія рабочихъ семей. Рабочіе имѣютъ освященныя традиціями права на всякаго рода услуги со стороны администраціи, на всякаго рода сервитуты въ собственности администраціи, наконецъ, рабочіе гарантированы, что предоставленный имъ образъ жизни не будетъ по произволу администраціи измѣняемъ къ худшему. Имѣя собственность, семья пріобрѣтаетъ устойчивость; принадлежа къ общинѣ, семья объединена съ себѣ подобными въ одно гармоничное цѣлое; находясь подъ патронатомъ, она обезпечена въ трудѣ и всегда можетъ разсчитывать на поддержку, а, стало быть,—и на спокойное развитіе. Въ прирейнской Германіи авторъ находитъ проявленія идеи патроната со стороны самого государства: такъ,

---

1) Ibid., т. III. гл. III.
2) Ibid., т. III, гл. IX.
3) Ibid., т. IV, гл. I.

занимающіеся выдѣлкой музыкальныхъ инструментовъ у Эрцгебирга (Саксонія) получаютъ на правахъ эмфитевзиса жилища и сервитутныя права въ государственныхъ лѣсахъ [1]; почти то-же самое наблюдается, по словамъ автора, и въ Обергаммергау (Баварія) [2]). Въ условіяхъ жизни тосканскихъ мызниковъ авторъ видитъ проявленія идеи патроната въ текущихъ счетахъ, открываемыхъ мызникамъ у собственниковъ земли [3]). Эти текущія счета, являясь источникомъ раззоренія для непредусмотрительныхъ собственниковъ и лѣнивыхъ, безпечныхъ мызниковъ, служатъ важнымъ орудіемъ развитія для мызниковъ добросовѣстныхъ и собственниковъ, разумно понимающихъ свои обязанности. Въ старой Кастиліи авторъ находитъ широкое примѣненіе идеи патроната въ различныхъ ея формахъ, что, по его мнѣнію, объясняется меньшей розныю между высшими и нисшими классами, чувствующими свою солидарность въ католической религіи, въ имени „стараго католика", которымъ гордится каждый испанецъ, будь онъ патронъ, или кліентъ, хозяинъ, или работникъ, солдатъ, или офицеръ [4]).

Съ преимущественной-же симпатіей Ле-Плэ отмѣчаетъ проявленія идеи патроната на востокѣ Европы [5]). Эта сим-

---

1) Ibid., т. IV, стр. 107—115.

2) Ibid., т. IV, стр. 117 и сл.

3) Ibid., т. IV, гл. III.

4) Ibid., т. IV, стр. 278.

5) Ле-Плэ старательно подчеркиваетъ эту симпатію при всякомъ случаѣ. Такъ, второй томъ разбираемаго труда, заключающій въ себѣ описаніе быта рабочихъ въ Россіи, Венгріи и Турціи, начинается слѣдующимъ заявленіемъ: „Западъ Европы съ удивленіемъ встрѣтитъ привѣтствіе по адресу нравственнаго и матерьяльнаго благосостоянія востока, такъ какъ считаетъ невозможнымъ благосостояніе внѣ прогресса знаній, а въ этомъ прогрессѣ востокъ принимаетъ незначительное участіе. Между тѣмъ, тщательное изслѣдованіе вопроса говоритъ въ пользу востока и противъ запада". И т. д. Ц. с., т. II, стр. IX—X и сл. Эта мысль автора выясняется еще болѣе, если провести параллель между вторымъ томомъ труда и пятымъ, гдѣ изображены общества расшатанной организаціи, а, въ особенности, съ шестымъ, гдѣ изображены дезорганизованныя общества.

патія заставляетъ автора превозносить даже условія жизни, наблюденныя имъ въ Оренбургской губерніи во времена существованія тамъ крѣпостного права [1]. Благодѣтельныя слѣдствія патроната авторъ видитъ и въ общественной жизни башкировъ и киргизовъ [2]). Такія-же слѣдствія отмѣчаетъ авторъ и въ бытѣ прикрѣпленныхъ къ уральскимъ заводамъ крестьянъ [3]), а также и въ бытѣ приокскихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ [4]). Общей чертой онъ считаетъ здѣсь принципъ, по которому собственность на землю связывается съ обязанностью обезпечить существованіе лицъ, обрабатывающихъ эту землю, а тамъ, гдѣ нѣтъ крѣпостного права, – съ обязанностью предоставлять землю работникамъ ея какъ бы на правахъ вѣчнаго узуфрукта [5]). По отношенію-же къ магометанамъ, населяющимъ востокъ Европы, авторъ идетъ еще далѣе: онъ считаетъ, что самъ коранъ предписываетъ заботу о болѣе слабомъ, такъ какъ болѣе сильный является не собственникомъ имѣющихся въ его распоряженіи благъ, а лишь распредѣлителемъ богатствъ, принадлежащихъ Богу. Какъ на примѣръ, Ле-Плэ указываетъ на вакуфныя земли [6]). Наиболѣе типичныя формы проявленія идеи патроната на востокѣ авторъ наблюдалъ у кузнецовъ Самаковы (въ 25 кил. отъ Софіи). Тамъ рабочіе, по словамъ автора, пользуются весьма широкимъ покровительствомъ, такъ что, напримѣръ, имѣютъ право передавать по наслѣдству землю патрона, которой пользуются, если только земля обрабатывается, и жилище, воздвигнутое на ней, ремонтируется [7]).

---

1) Ibid., т. II, гл. II, § 13.
2) Ibid., т. II, гл. I.
3) Ibid., т. II, гл. III.
4) Ibid., т. II, гл. V.
5) Ibid., т. II. стр. XXI—XXIII.
6) См. тамъ-же.
7) Ibid., т. II, стр. 212 и сл.

Чтобы не утомлять читателя дальнѣйшими выписками[1]), укажемъ только, что аналогичные остатки воздѣйствія на общественной строй идеи патроната наблюдаются еще въ Англіи (Ноттингамъ) со стороны фермеровъ по отношенію къ подденнымъ рабочимъ[2]), во Франціи—на нѣкоторыхъ сталелитейныхъ заводахъ (напримѣръ, въ Herimoncourt)[3]), на нѣкоторыхъ марсельскихъ мыловаренныхъ заводахъ[4]) и т. д. И здѣсь, какъ и въ указанныхъ выше случаяхъ, основой отношеній являются: продолжительность службы рабочаго у хозяина и забота хозяина не только о матерьяльномъ, но и о нравственномъ благосостояніи рабочаго.

Таковы наблюденія, произведенныя самимъ Ле-Плэ и его послѣдователями и учениками. Съ этой точки зрѣнія, идея патроната является единс венной идеей, утверждающей соціальную гармонію: болѣе сильные принимаютъ эту идею во имя общаго блага, менѣе сильные—во имя уваженія къ властямъ, разумно исполняющимъ свои задачи. Если въ средніе вѣка,—говоритъ Ле-Плэ,—комбинація этихъ двухъ другъ друга восполняющихъ стремленій повела къ добровольному уничтоженію рабства, то въ наше время она не съ меньшимъ успѣхомъ поведетъ къ искорененію пауперизма. Рекомендуя идею патроната, какъ могучее орудіе при разрѣшеніи соціальной проблемы, Ле-Плэ думаетъ далѣе, что ея преимущество передъ всѣми другими орудіями состоитъ въ томъ, что цѣль ея – нравственное совершенствованіе менѣе приспособившагося организма, а не только матерьяльное бласостояніе, этотъ своего рода кошмаръ, преслѣдующій соціологовъ и мѣшающій имъ видѣть вещи въ истинномъ свѣтѣ. Если,

---

1) Мы имѣемъ здѣсь въ виду коллективный трудъ „Les ouvriers de deux mondes“.

2) Les ouvriers de deux mondes, I, стр. 395 и сл.

3) Ibid., т. II, № 15.

4) Ibid., т. III, стр. 73.

напримѣръ, англійскій рабочій,—говоритъ Ле-Плэ,—начиняется при помощи законодательства и благотворительности мясомъ и спиртными напитками, то это еще не значитъ, что для него рѣшенъ соціальный вопросъ. Онъ не имѣетъ собственности, онъ лишенъ будущаго въ занимаемомъ имъ чужомъ коттеджѣ, хотя стѣны этого коттеджа иногда и обтянуты коврами, онъ—жертва филантропіи и неправильнаго пониманія конечной цѣли рабочаго законодательства, хотя и ѣстъ мясо. Такому рабочему авторъ предпочитаетъ скромнаго плавильщика изъ Шемница, гдѣ относительно всѣхъ и каждаго идетъ дѣятельная забота, чтобы пріучить его къ бережливости, сдѣлать изъ него собственника, поднять его съ нисшей ступени на высшую и при этомъ пробудить въ немъ благодѣтельное начало иниціативы—главный двигатель всякаго развитія [1]).

Ле-Плэ, вѣрный своему призванію, какъ онъ понималъ его, не ограничивается только историческими указаніями и сдѣланными имъ лично наблюденіями. Онъ пытается отмѣтить еще симптомы будущей реформы. Признавая, что современная Европа, а съ ней и Франція, находится во власти индивидуализма съ его непремѣнными слѣдствіями—религіознымъ скептицизмомъ и господствомъ насилія, признавая также, что успѣхъ, сопровождающій повсемѣстно политику насилія, можетъ явиться серьезнымъ препятствіемъ для всякой реформы, онъ, тѣмъ не менѣе, надѣется на природныя свойства человѣка, на возрожденіе христіанства, на усиленіе разумнаго вліянія духовенства, наконецъ, на неизбѣжную необходимость, которая поставитъ людей лицемъ къ лицу съ соціальнымъ вопросомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не позволитъ имъ уклоняться отъ единственнаго пути къ реформѣ—отъ признанія идеи патроната. Не говоря уже о томъ, что

---

1) Réforme sociale en France, II. кн. VI, стр. 476 - 480.

прекрасными симптомами въ этомъ смыслѣ являются тѣ остатки проявленія идеи патроната, которые можно еще наблюдать въ разныхъ мѣстностяхъ Европы, знаменательную роль играетъ также пробужденіе общественнаго сознанія, которое нерѣдко выражается въ возвращеніи къ началамъ, лежащимъ въ основѣ проявленій идеи патроната. Значеніе симптома авторъ придаетъ еще и извѣстному успѣху его работъ, привлекшихъ вниманіе многочисленной группы людей, рѣшившихся сгруппироваться вокругъ него [1]).

Является, естественно, вопросъ: какое-же мѣсто предоставляется въ дѣлѣ осуществленія этой реформы государству? Какъ и слѣдовало ожидать, Ле-Плэ—противникъ всякаго государственнаго вмѣшательства. Онъ даже прямо утверждаетъ, что именно государственное вмѣшательство и низвело идею патроната до ея настоящаго положенія. Съ этой точки зрѣнія понятно, что авторъ не можетъ сочувствовать никакимъ мѣрамъ, которыя ставятъ рабочій классъ какъ бы на вооруженную ногу противъ класса собственниковъ и хозяевъ. Соціальный миръ возможенъ только при сознаніи взаимныхъ интересовъ и взаимной солидарности. Въ общемъ-же, авторъ приходитъ къ выводу, что теперь остается, главнымъ образомъ, ждать, пока опытъ и разочарованіе научатъ истинѣ, которая и заставитъ вернуться на путь патроната, къ этой теперь дезорганизованной идеѣ [2]).

Такимъ образомъ, если свести къ одному ученіе Ле-Плэ, идея патроната не является у него идеей внутренняго управленія въ понимаемомъ нами смыслѣ, не заключаетъ въ себѣ юридическаго элемента и остается только осуществленіемъ на практикѣ нравственнаго закона, въ силу котораго родители заботятся о дѣтяхъ, власти о подчиненныхъ, хозяинъ о ра-

---

[1]) L'organisation du travail, гл. I, § 18.
[2]) Réforme sociale en France, II, кн. VI, гл. XIV—XVII.

бочихъ. Подобно намъ, Ле-Плэ опредѣляетъ идею патроната, какъ идею помощи со стороны организма болѣе приспособившагося организму менѣе приспособившемуся, но онъ признаетъ во первыхъ, только проявленія добровольнаго патроната, во вторыхъ, ограничиваетъ сферу его примѣненія, допуская лишь въ предѣлахъ отношеній, возникающихъ изъ личнаго или имущественнаго найма. Это-же, въ свою очередь, ведетъ къ слѣдующему слѣдствію: или приходится признавать, что экономическими отношеніями исчерпывается вся жизнь человѣка въ государствѣ (tissu sociale, по терминологіи Hauriou), или-же приходится думать, что собственно государственная жизнь (tissu étatique, по терминологіи Hauriou) находится внѣ всякой зависимости отъ этихъ экономическихъ отношеній, руководствуется совсѣмъ особыми принципами, не принимая никакого участія въ созданьи условій соціальнаго мира. Такъ какъ, ни одно, ни другое предположеніе по очевидному ихъ неправдоподобію приняты быть не могутъ, то, слѣдовательно, и въ главныхъ посылкахъ коренятся серьезныя ошибки.

Идея патроната имѣетъ своимъ источникомъ сознаніе взаимныхъ интересовъ обѣихъ входящихъ въ отношеніе сторонъ. Такъ говоритъ Ле-Плэ, и спорить противъ этого нельзя. Но обѣ стороны входятъ въ извѣстныя между собой отношенія—какого же рода эти отношенія? Если они не содержатъ въ себѣ никакого юридическаго элемента, то въ чемъ же разница между этими отношеніями и отношеніями по идеѣ самопожертвованія или еще ближе—отношеніями по идеѣ благотворительности? И благотворительность, если она организована, можетъ вести къ цѣлому ряду юридическихъ слѣдствій,—какое-же основаніе исключать юридическій элементъ изъ болѣе спеціальной и легче поддающейся учету идеи патроната? Да и можно-ли исключать то, въ наличности чего, вообще говоря, трудно сомнѣваться?

Возьмемъ любой изъ обслѣдованныхъ самимъ-же Ле-Плэ

случаевъ. Напримѣръ, проявленіе идеи патроната въ быту рабочихъ сереброплавильныхъ заводовъ Шемница. Администрація заводовъ, какъ говоритъ авторъ, обязывается держать рабочихъ и тогда, когда прекращается производство, рабочіе, съ своей стороны, не могутъ бросать работу по произволу. Пусть авторъ и не приводитъ санкціи этихъ взаимныхъ обязательствъ — можно-ли, спрашивается, только въ виду отсутствія санкція не признавать въ отношеніяхъ никакого юридическаго элемента? Правда, авторъ называетъ патронатъ добровольнымъ (volontaire), но развѣ юридическія отношенія не добровольны? Взаимный интересъ побуждаетъ людей вступать въ отношенія, взаимный интересъ обыкновенно побуждаетъ сохранять и поддерживать ихъ, но характеръ отношеній опредѣляется не взаимнымъ интересомъ. Такъ, помощь, оказываемая благотворителемъ бѣдному, гораздо менѣе во взаимномъ интересѣ, чѣмъ помощь, оказываемая во имя идеи патроната, однако, первая не создаетъ еще юридическаго отношенія. Если-же отношенія во имя идеи патроната заключаютъ въ себѣ юридическій элементъ, то какое основаніе выдѣлять ихъ въ совершенно особую категорію отъ круга другихъ идей внутренняго управленія, имѣющихъ съ ней общую цѣль—соціальный миръ и всестороннее развитіе каждымъ его индивидуальныхъ силъ? А Ле-Плэ не только отдѣляетъ, но, какъ мы уже знаемъ, считаетъ государство главнымъ виновникомъ дезорганизаціи идеи патроната. Подъ государствомъ онъ, конечно, понимаетъ здѣсь внутреннее управленіе. Но идея внутренняго управленія только претворила въ себѣ идею патроната, а не дезорганизовала ее. Это-же совсѣмъ другой вопросъ, о которомъ Ле-Плэ не говоритъ вовсе.

Оттого что Ле-Плэ не остановился на анализѣ юридическаго элемента, характеризующаго отношенія по патронату, онъ впалъ и въ другую ошибку: съ одной стороны, въ основу

отношеній онъ кладетъ сознаніе взаимнаго интереса, съ другой-же, мотивомъ для покровительствуемаго признаетъ уваженіе къ власти, а для покровителя—любовь къ ближнему и стремленіе къ истинѣ. Такая двойственность конструкціи ведетъ прежде всего къ неустойчивости самого понятія, а, какъ слѣдствіе этого, является, напримѣръ, и допускаемое авторомъ отождествленіе зависимости крѣпостныхъ съ подчиненностью патронируемыхъ. Допуская двойственность въ конструкціи, авторъ естественно теряетъ представленіе о границахъ опредѣляемаго понятія, что ведетъ уже отъ одной ошибкѣ къ другой. И въ результатѣ получается не только указанное отождествленіе крѣпостной зависимости съ отношеніями изъ патроната, но подведеніе подъ идею патроната и проявленій начала взаимопомощи и проявленій благотворительности въ ея чистомъ видѣ, и т. д. Между тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, самъ-же Ле-Плэ, подходя къ опредѣленію идеи патроната, отдѣляетъ ее отъ указанныхъ родственныхъ идей: благотворительность, напримѣръ, онъ считаетъ, только пріемомъ борьбы противъ соціальныхъ золъ, а патронатъ—однимъ изъ трехъ видовъ матерьяловъ соціальнаго зданія.

Совершенно правильно считая идею патроната идеей, проходящей черезъ всю историческую жизнь народовъ, Ле-Плэ одновременно считаетъ возможнымъ утверждать, что подъ патронатомъ можно понимать всякія формы зависимости человѣка отъ человѣка. Поэтому онъ считаетъ только различными формами одной и той-же идеи и римское рабство, и феодальную крѣпостную зависимость, и германское mundium, и кліенство, и рекоммендацію въ томъ видѣ, какъ она была знакома франкамъ, и, наконецъ, ту фактическую связь, о которой онъ такъ много говоритъ, когда рисуетъ картину нормальныхъ и соціально-разумныхъ отношеній между хозяевами и работниками. Отсюда мы можемъ сдѣлать выводъ, что характернымъ признакомъ идеи патроната Ле-Плэ считаетъ не

цѣль установленія той или иной зависимости, такъ какъ цѣль рабской зависимости, напримѣръ, и цѣль кліентской зависимости, и цѣль феодальной зависимости средневѣковыхъ крѣпостныхъ — все это различные виды зависимости, а самую зависимость. Если-же это такъ, то какъ примирить съ такимъ взглядомъ хотя бы весьма знаменательную мысль самого-же Ле-Плэ, что путемъ осуществленія идеи патроната вызывается личная иниціатива находящихся подъ покровительствомъ, эта главная двигательница мирнаго, постепеннаго развитія?

Намъ кажется, что и сказаннаго достаточно, чтобы отмѣтить, во первыхъ, неустойчивость опредѣленія, принятаго Ле-Плэ, во вторыхъ, чтобы показать, что причиной такой неустойчивости является отсутствіе юридическаго анализа идеи со стороны автора, равно какъ игнорированіе юридическаго элемента, характеризующаго идею патроната среди идей ей родственныхъ и аналогичныхъ. Ле-Плэ относится къ идеѣ патроната, главнымъ образомъ, какъ къ матерьялу того соціальнаго зданія, которое онъ былъ намѣренъ выстроить. Съ этой точки зрѣнія онъ считаетъ себя вправѣ распоряжаться матерьяломъ по произволу. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе, насколько такой пріемъ помогъ или повредилъ зданію, мы не можемъ не отмѣтить, что установленію правильныхъ воззрѣній на идею патроната онъ повредилъ несомнѣнно. И если идея эта, впервые въ широкомъ размѣрѣ использованная Ле-Плэ, не получила пока своего мѣста въ кругу другихъ соціальныхъ идей, то, можетъ быть, только потому, что неудачные пріемы автора не дали ей законченной конструкціи. Но это не мѣшаетъ, тѣмъ не менѣе, выставить на видъ все значеніе самой попытки, хотя, быть можетъ, и не достаточно удавшейся.

XI.

Патронатства. Исторія и практика этихъ учрежденій. Является-ли идея, лежащая въ основѣ этихъ учрежденій, идеей законнаго патроната? Въ чемъ выражаются отклоненія? Являются-ли эти отклоненія непремѣннымъ слѣдствіемъ сущности предмета, или-же лишь отражаютъ недостатки организаціи?

И такъ, къ чему привело насъ предъидущее изложеніе? Во первыхъ, къ тому, что идея патроната есть одна изъ идей, составляющихъ содержаніе идеи внутренняго управленія; во вторыхъ, къ тому, что прежде, чѣмъ войти интегральной частью въ идею внутренняго управленія, идея патроната имѣла самостоятельное значеніе, а потому и самостоятельную организацію; въ третьихъ, что, претворившись въ общей идеѣ внутренняго управленія, идея патроната въ настоящее время дезорганизована и расплылась въ рядѣ родственныхъ идей; наконецъ, въ четвертыхъ, что идеи патроната предстоитъ еще самостоятельная роль и, вѣроятно, въ области такъ называемаго рабочаго вопроса, гдѣ именно и возможна въ наши дни юридическая слабость.

Но доведя изслѣдованіе до этой границы, послѣ которой должна уже начаться область гаданій и предположеній, мы не можемъ не обратить вниманіе также и на цѣлый рядъ учрежденій, самое названіе которыхъ указываетъ на происхожденіе ихъ отъ разбираемой идеи патроната и, повидимому, иногда осуществляющихъ даже тѣ формы, съ которыми мы уже имѣли случай встрѣчаться при историческомъ разсмотрѣніи формъ проявленія интересующей насъ идеи. Мы имѣемъ здѣсь въ виду всякаго рода патронатства надъ отбывшими наказанія преступниками, надъ выпущенными изъ пріютовъ малолѣт-

ними преступниками, надъ женщинами, оставившими порочную жизнь и т. д. Является-ли идея, лежащая въ основѣ этихъ учрежденій, идеей патроната въ нашемъ смыслѣ слова, или нѣтъ? Если нѣтъ, то въ чемъ выражаются отклоненія? Наконецъ, если эти отклоненія существуютъ, то являются-ли они непремѣннымъ слѣдствіемъ самой сущности предмета, или-же они лишь отражаютъ недостатки организаціи [1])?

Человѣкъ, выбившійся по тѣмъ или другимъ причинамъ изъ общей колеи, чтобы снова стать въ рядъ съ другими членами даннаго общества и вернуть возможность разумно развивать свои силы, обыкновенно нуждается въ поддержкѣ со стороны дружески протянутой ему руки всего общества или отдѣльныхъ лицъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ между тѣми, кто протягиваетъ эту дружескую руку и тѣми, кто принимаетъ ее, создаются особыя отношенія, которыя могутъ быть различны: 1) покровительствующій можетъ требовать за оказываемое покровительство исполненія извѣстныхъ юридическихъ обязанностей и 2) покровительствующій можетъ оказывать покровительство, налагая за него или только нравственныя обязанности, или не налагая вообще никакихъ обязанностей. При обѣихъ формахъ отношеній цѣль будетъ все та-же—развитіе силъ покровительствуемаго, мотивъ все тотъ же—сознаніе связи между покровительствующимъ и покровительствуемымъ, но, въ зависимости отъ характера обязанностей, а, слѣдовательно, и правъ покровительствуемаго, существенно видоизмѣнится не только внѣшняя организація учрежденія, но и общее значеніе его въ кругѣ органовъ внутренняго управленія.

Необходимо разсмотрѣть подробнѣе исторію и практику такихъ учрежденій, чтобы выяснить поставленное положеніе.

---

[1]) Одновременно съ настоящей работой нами готовится къ печати подробный разборъ исторіи и практики патронатныхъ учрежденій. Предлагаемая глава является только краткимъ извлеченіемъ изъ подготовляемой работы.

Первое организованное патронатство возникло въ Филадельфіи въ 1776 г. [1]). Это общество имѣло своей ближайшей цѣлью протестовать противъ неудовлетворительнаго состоянія тюремъ, добиваться соотвѣтствующихъ реформъ, заботиться о заключенныхъ во время нахожденія ихъ въ тюрьмѣ, оказывать нравственную и матерьяльную поддержку отбывшимъ наказаніе преступникамъ. Существуютъ указанія, что еще до образованія филадельфійскаго общества существовали уже попытки въ этомъ направленіи со стороны отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ кружковъ. Эти отдѣльныя попытки, собственно, и послужили первымъ толчкомъ къ учрежденію перваго общества патронатства. Такъ, всѣмъ извѣстна дѣятельность англійскаго филантропа Говарда и нидерландскаго виконта Де-Вилэнъ, а также перенявшихъ идеи Говарда квакерскихъ кружковъ Сѣверной Америки [2]). До 1787 г. первое общество патронатства не могло открыть своихъ дѣйствій, такъ какъ страна была занята англійскими войсками [3]), съ этого же года дѣятельность его стала развиваться: сначала очень тихими шагами, затѣмъ—приблизительно около двадцатаго года уже текущаго столѣтія—съ такимъ успѣхомъ, что стали возникать подобныя общества и въ другихъ штатахъ Америки [4]). Въ 1845 года явилась возможность устроить съѣздъ представителей этихъ обществъ [5]). Къ восьмидесятымъ годамъ въ Америкѣ насчитывалось до 30 обществъ [6]). Первымъ-же американскимъ обществомъ, которое ставило своей задачей спеціально патронатъ надъ выпу-

[1]) Оно возникло подъ названіемъ „The Philadelphia Society for assisting distressed prisoners". Возрожденное въ 87 г. оно получило названіе: „The Philadelphia Society for alleviating the miseries of public prisons".

[2]) Фуксъ, Die Vereins-Fürsorge zum Shutz für entlassene Gefangene, стр. 6—12; см. Blätter für Gefängniskunde, XXIII т.

[3]) Ibid., стр. 7.

[4]) Въ 1824 г.—въ Бостонѣ, въ 1844 г.—въ Нью-Іоркѣ.

[5]) См. Фуксъ, ц. с., стр. 8.

[6]) Ibid., стр. 9. Ср. Hanbuch des Gefängnisswesen Гольцендорфа и Ягемана, т. I, стр. 121—122.

щенными изъ тюрьмы преступниками явилось бальтиморское, основанное въ 1868 г. [1]). Въ Англіи первое общество патронатства надъ отбывшими наказаніе преступниками было основано въ 1857 г. [2]). До акта 1862 г. (Act to amend the law relating to the giving of Aid to discharged prisoners), по которому патронатства, которыя примутъ правительственный контроль, получають 2 фунта за каждаго патронируемаго, въ Англіи насчитывалось 12 обществъ патроната; послѣ этого года Англія быстро покрылась сплошной сѣтью такихъ обществъ. Начиная съ 1864 г., благодаря трудамъ возникшаго еще въ 1856 г. Reformatory and refuge Union, англійскія патронатства вступили между собой въ дѣятельныя сношенія, такъ что въ 1877 г. могъ уже состояться съѣздъ делегатовъ этихъ обществъ. Результатомъ перваго съѣзда было постановленіе о необходимости единой организаціи, которая и была принята нѣсколько лѣтъ спустя [3]). Въ Германіи первое патронатство возникло въ 1826 г. въ Дюссельдорфѣ, въ слѣдующемъ году однородное общество мы застаемъ уже и въ Берлинѣ. Оба общества съ первыхъ-же шаговъ ихъ дѣятельности получили широкое признаніе какъ со стороны власти, такъ и со стороны частныхъ лицъ, и вскорѣ въ Германіи подобныя общества насчитываются десятками. Нѣкоторыя изъ нихъ организованы были на началахъ частной благотворительности, другія отдали себя подъ покровительство мѣстной, а частью и центральной администраціи, третьи были созданы самой администраціей. Первыя по-

[1]) Его дѣятельность состояла въ помощи платьемъ, обувью и инструментами, въ выдачѣ денегъ на дорогу, въ дачѣ пріюта и пропитанія и въ рекомендаціи на мѣста. Fuchs, ц. с., стр. 10.

[2]) До возникновенія этого общества попеченіе о выпускаемыхъ изъ тюремъ было возложено по закону 1792 г. на судей, которые должны были высылать выпущенниковъ въ общины, обязанныя заботиться о нихъ. По закону 1823 г. прилежныхъ выпущенниковъ судьи должны были высылать въ мѣста, гдѣ могла найтись подходящая работа, см. Fuchs, ц. с., стр. 13.

[3]) Ibid., стр. 14–18. Ср. Holtzendorff, ц. м. Aschrott, Behandlung der verwahrlosten und verbrecherischen Jugend.

пытки къ объединенію патронатствъ и къ учрежденію спеціальнаго центральнаго органа были сдѣланы въ 1886 году союзомъ чиновниковъ тюремныхъ учрежденій во Франкфуртѣ [1]), но, несмотря на собраніе представителей патронатствъ какъ въ этомъ году, такъ и въ 1889 г. въ Фрейбургѣ, только въ 1893 г. явилась надежда на возможность, если не объединить дѣятельность всѣхъ существующихъ патронатствъ, то хотя бы организовать центральный обще-германскій ферейнъ [2]). Во Франціи, если не считать заботу о выпущенныхъ изъ тюрьмы, въ числѣ цѣлаго ряда другихъ заботъ возложенную на учрежденную въ 1819 г. Comission de surveillance des prisons, а также спеціальное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 мая 1842 г., обязывающее подчиненныя ему учрежденія организовать патронатства, до 69 года мы не встрѣчаемъ спеціальныхъ обществъ патроната. Первое—Société pour le patronage des libérés appartenants à la religion protestante—было учреждено къ Парижѣ, а въ 1871 г. мы уже видимъ центральный патронатный союзъ—Société générale pour le patronage des libérés, распространяющій свою дѣятельность на всѣ департаменты. Въ 80-мъ году Франція насчитывала до 65 патронатныхъ обществъ разныхъ типовъ [3]). Въ Россіи въ 1819 г. учреждено было попечительное общество о тюрьмахъ, развѣтвившееся затѣмъ на множество дамскихъ и мужскихъ комитетовъ [4]). Это былъ первый починъ внесенія въ организацію тюремнаго дѣла въ Россію тѣхъ гуманныхъ началъ, которыя къ тому времени получили почти повсемѣстное признаніе и развитіе въ Западной Европѣ. Починъ былъ сдѣланъ по докладу министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія кн.

---

[1]) Fuchs, ц. с., стр. 24. Holtzendorff, стр. 123.

[2]) Blät. fur Gefängniskunde, т. XXVIII, стр. 136.

[3]) Fuchs, ц. с., стр. 71. Dr Haussonville, Les établissements pénitentiaires en France et aux colonies, стр. 496 и сл.

[4]) Полн. Собр. Зак. т. XXXVI, № 27895.

Голицына. Собственно-же инициатива принадлежала пастору Веннингу, члену лондонскаго попечительнаго о тюрьмахъ общества. Какъ видно изъ записки Веннинга, приложенной къ уставу, новое общество ставило себѣ задачей нравственное исправленіе содержащихся въ тюрьмахъ преступниковъ, а также заботы о нихъ по выходѣ изъ тюремъ: давали исправившимся особые виды, поощряли ихъ къ обращенію къ честной жизни, доставляли средства къ пропитанію по выходѣ изъ тюрьмы. Въ 1827 г. петербургскій попечительный комитетъ устроилъ даже особое убѣжище для временнаго содержанія выпущенниковъ изъ тюремъ впредь до пріисканія занятій, при чемъ возникла и мысль объ учрежденіи для лицъ этой категоріи (и вообще неимущихъ) рабочаго дома. Практическое осуществленіе мысль получила въ 1835 г. при учрежденіи въ составѣ петербургскаго тюремнаго комитета особаго комитета для разбора нищихъ, въ которомъ и сосредоточивались заботы о предоставленіи пристанища, пропитанія и заработка, какъ всѣмъ вообще неимущимъ, такъ и выпущенникамъ изъ тюремъ. Однако, уже въ 1845 году такое соединеніе въ одномъ убѣжищѣ неимущихъ, не совершившихъ преступленія, и освобожденныхъ изъ тюрьмы преступниковъ было признано неудобнымъ; условіемъ для принятія въ убѣжище было поставлено требованіе особаго удостовѣренія начальниковъ тюремъ о добропорядочномъ поведеніи. Въ 1858 году дѣло патроната надъ освобожденными изъ тюремъ вновь всецѣло переходитъ въ Петербургѣ на тюремный комитетъ, которымъ были, между прочимъ, въ разное время съ этой цѣлью открыты домъ трудолюбія (1871 года), убѣжище для женщинъ (1871 года) и пріютъ для малолѣтнихъ (18 5 г.). 27 января 1890 года въ составѣ петербургскаго тюремнаго комитета было образовано для цѣлей патроната надъ выпущенными изъ тюремъ преступниками особое попечительство, обязанности котораго въ этомъ отношеніи въ 1893 г.

перешли на вновь образованные петербургскій мужской и дамскій благотворительные тюремные комитеты, возникшіе вмѣсто упраздненныхъ 12 мая 1893 года въ Петербургѣ мужскихъ и дамскихъ тюремныхъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Въ 1895 года такому же упраздненію подверглись и московскіе мужской и дамскій тюремный комитетъ общества попечительнаго о тюрьмахъ и взамѣнъ ихъ образовались московскіе мужской и дамскій благотворительные тюремные комитеты. Причины этого преобразованія заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, что съ введеніемъ тюремной инспекціи участіе тюремныхъ комитетовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ собственно въ управленіи тюрьмами было совершенно ограничено, почему и дѣятельность ихъ приняла чисто благотворительный характеръ, не соотвѣтствующій прежнему ихъ уставу. Цѣль новыхъ московскихъ и петербургскихъ благотворительныхъ мужскихъ и дамскихъ тюремныхъ комитетовъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) оказывать содѣйствіе въ пріисканіи средствъ къ жизни лицамъ, освобожденнымъ изъ подъ стражи или отбывшимъ срочное заключеніе, принятіемъ ихъ на поруки, опредѣленіемъ на мѣста, помѣщеніемъ за счетъ комитетовъ въ ночлежные дома, дома трудолюбія и прочее; въ частности они обязаны были имѣть попеченіе объ участи выпущенныхъ изъ заключенія несовершеннолѣтнихъ помѣщеніемъ ихъ къ роднымъ, въ состоящіе въ завѣдываніи комитетомъ пріюты и другія заведенія; 2) призрѣвать дѣтей лицъ, поступившихъ въ мѣста заключенія, впредь до освобожденія изъ подъ стражи родителей; 3) оказывать возможную помощь находящимся на свободѣ семействамъ заключенныхъ и осужденныхъ въ ссылку, и 4) пещись о выкупѣ лицъ, заключенныхъ за долги, и помогать ихъ семействамъ. Для своевременнаго собранія свѣдѣній о лицахъ освобождаемыхъ изъ подъ стражи, члены правленія комитетовъ посѣщаютъ мѣста

заключенія и арестныя помѣщенія при полицейскихъ домахъ по входнымъ билетамъ, выдаваемымъ начальникомъ главнаго тюремнаго управленія и начальниками мѣстной полиціи, по принадлежности. Кромѣ того, правленіямъ, если они признаютъ это необходимымъ, доставляются начальниками тюремъ періодическія свѣдѣнія объ освобождаемыхъ, по той формѣ, которая будетъ принята по соглашенію правленій съ начальниками подлежащихъ мѣстъ заклюнія. Комитетамъ предоставляется право устройства для лицъ, содержащихся въ мѣстахъ заключенія, чтеній религіозно-нравственныхъ книгъ, религіозныхъ собесѣдованій, участіе въ завѣдываніи школьнымъ дѣломъ и т. п. Можно предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ такому же преобразованію подвергнутся тюремные комитеты и во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, и тогда учрежденія тюремнаго патроната будутъ находиться въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ. Въ настоящее же время, кромѣ недавно преобразованныхъ петербургскихъ и московскихъ мужскихъ и дамскихъ благотворительныхъ тюремныхъ комитетовъ, цѣлямъ патроната служатъ въ Россіи лишь слѣдующія общества: 1) петербургское общество пособія освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія несовершеннолѣтнимъ, 2) московское общество пособія несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, и безпризорнымъ, 3) кишиневское общество для пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, 4) одесское общество покровительства отбывшимъ наказаніе и безпріютнымъ, 5) ярославское общество пособія лицамъ, освобожденнымъ изъ мѣстъ заключенія. Кромѣ того, нѣкоторыя общества для устройства исправительныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (какъ читатель увидитъ это ниже), согласно своимъ уставамъ, распространяютъ попеченія и на несовершеннолѣтнихъ, по отбытіи ими заключенія въ пріютѣ. Наконецъ, существуетъ еще общество патронатства въ Варшавѣ и открытый съ 1870 г., по при-

мѣру Рейнско-Вестфальскаго союза, патронатный союзъ въ Гельсингфорсѣ [1]).

Отмѣтимъ еще судьбу патронатствъ въ Бельгіи и Швейцаріи [2]). Въ Бельгіи движеніе къ организаціи патронатствъ началось еще съ виконта де-Вилэнъ, но до послѣдняго времени не дало значительныхъ результатовъ. По королевскому указу 4 декабря 35 г. было предписано учреждать повсемѣстно покровительство надъ выпущенными изъ тюремъ, при чемъ предоставлялся широкій просторъ частной иниціативѣ; но въ теченіи десяти лѣтъ почти ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Въ 45 г. была назначена довольно значительная правительственная субсидія, но и субсидія помогла мало. Тогда, а именно—въ 47 г.—правительство само стало учреждать патронатства при тюрьмахъ, возложивъ осуществленіе этой задачи на тюремное управленіе; однако, уже въ 70 г. закрылось послѣднее изъ такихъ патронатствъ, такъ какъ постепенно дѣлалось яснымъ, что тюремное управленіе никакъ не можетъ примѣниться къ такому новому роду возложенныхъ на него обязанностей. Еще въ 84 г. въ Бельгіи никакого патроната надъ выпущенниками изъ тюремъ фактически не существовало [3]). Въ настоящее время [4]) патронатныя общества снова возродились и, состоя уже

---

[1]) Этотъ очеркъ взятъ изъ перваго отчета о дѣятельности ярославскаго общества пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ тюремнаго заключенія, составленнаго Хрулевымъ. Стр. 9—11. Ср. Тарасовъ, Полицейское право, т. I, стр. 170—17, Fuchs, ц. с., стр. 87-91. Фойницкій, стр. 500.

[2]) Что касается остальныхъ странъ Европы, то отмѣтимъ здѣсь только, что въ Даніи первое патронатное общество возникло въ 1797 г. (оно было первымъ въ Европѣ, слѣдовательно), въ Швеціи патронатное движеніе началось по иниціативѣ короля Оскара съ 1840 г., въ Норвегіи—съ 1878 г., въ Италіи—съ 1844 г. (флорентинское общество), въ Австріи—съ 1846 г. (хотя отдѣльныя попытки могутъ быть отмѣчены съ 1806 г.) и т. д. См. Fuchs, ц. с.

[3]) Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ г. Дриль, въ статьѣ „Тюрьмы западной Европы“, Ю. В. 84, I, стр. 54.

[4]) Объ этомъ можно отчасти судить по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ Revue pénitentiaire (Bull. de la s. g. des prisons) за послѣдніе годы. Такъ въ № 5,

изъ частныхъ лицъ, осуществляющихъ своею дѣятельностью полномочія органовъ внутренняго управленія, приносятъ, повидимому, не малую пользу [1]). Въ Швейцаріи въ большинствѣ кантоновъ патронатства организованы на началахъ частной благотворительности, въ нѣкоторыхъ-же—на началахъ принудительнаго законнаго покровительства. Первымъ патронатствомъ считается Comité de surveillance morale, учрежденное въ 18 году и уполномоченное съ 25 года быть принудительнымъ покровителемъ выпущенниковъ изъ тюремъ. На такихъ-же началахъ дѣйствовала съ 20 года Базельская „Comission der Berathung und Versorgung entlassener Sträflinge und Zwangs-Arbeiter", которая съ 86 г. вошла въ баденскій центральный союзъ. Наиболѣе типичнымъ выразителемъ этого обязательнаго покровительства явилось общество покровительства въ санъ-галліенскомъ кантонѣ, созданное въ силу закона 24 ноября 38 г. [2]). Такого-же типа общество создалось въ 49 г. въ кантонѣ Кларусъ и въ рейнскомъ Аппензель—въ 64 г. [3]).

Патронатъ надъ выпущенными изъ пріютовъ и исправительныхъ заведеній несовершеннолѣтними, а также надъ дѣтьми безпризорными и заброшенными развивался вездѣ или одновременно или позже патроната надъ взрослыми тюремными выпущенниками [4]). Во всякомъ случаѣ, что касается

за 96 г. см. замѣтку A. Mettetal, стр. 769—773. Ср. Emile Gerberan, A travers les prisons.

[1]) Общую исторію патронатныхъ обществъ въ Бельгіи см. Stevens, Régime des établissements pénitentiaires, стр. 85 и сл., Starke, Das belgische Gefängnisswesen, стр. 183—184, Fuchs, ц. с., стр. 66—68.

[2]) См. Fuchs, ц. с., стр. 54 и сл., Jagemann, въ Holtzend. Handb. d. Gefäng., т. I. кн. 2, отд. 3, гл. 1, § 2, гл. 4, § 5.

[3]) Ср. Пусторослевъ, „Историческій очеркъ покров. освоб. изъ заключенія", Ю. В., 90, XII, стр. 571; ср. Revue pénit. (B. de la s. g. de pr.), 96, янв., стр. 93 и 95, дек. стр. 1163.

[4]) Существуетъ мнѣніе, будто бы не только патронатъ надъ несовершеннолѣтними, но и самый вопросъ о принудительномъ воспитаніи преступныхъ и заброшенныхъ дѣтей явились результатомъ неудачи исправленія взрослыхъ

патроната надъ выпущенниками изъ заведеній принудительнаго воспитанія, онъ вездѣ получалъ организацію, конечно, только послѣ появленія самыхъ этихъ заведеній, а что касается патроната надъ заброшенными и безпризорными дѣтьми—вездѣ раньше появленія этихъ заведеній. Это даетъ намъ поводъ предположить, что патронатъ надъ безпризорными и брошенными дѣтьми натолкнулъ на мысль о необходимости заведеній принудительнаго воспитанія, а появленіе этихъ послѣднихъ, какъ понятно само собой, повело къ учрежденію патроната надъ выпущенниками изъ заведеній.

Соединенные Штаты и въ данной отрасли патроната опередили Европу. Такъ, еще въ 12 г. была сдѣлана частная попытка основать въ Нью-Іоркѣ особый пріютъ для бездомныхъ дѣтей, въ 24 г. въ Нью-Іоркѣ было открыто Society for the reformation of juvenile delinquents, основавшее въ 25 году первый исправительный пріютъ, въ 26 г. была открыта исправительная школа въ Бостонѣ, а въ 33 г. начало уже дѣйствовать знаменитое бостонское общество земледѣльческихъ школъ. Дѣятельность указанныхъ обществъ послужила какъ бы сигналомъ для самаго широкаго проявленія какъ частной инициативы, такъ и административныхъ заботъ въ данномъ направленіи [1]). Въ концѣ 70 годовъ въ Соединенныхъ Штатахъ было уже болѣе 50 большихъ исправительныхъ пріютовъ и школъ, не считая массы маленькихъ заведеній, число которыхъ гораздо больше [2]). Къ этому чис-

---

преступниковъ. Было, по этому мнѣнію, признано, что цѣль можетъ быть достигнута только исправленіемъ молодежи, постоянно пополнявшей ряды зрѣлыхъ рецидивистовъ. См. „Исправительно-воспитательныя заведенія“ Альбицкаго и Ширгена, стр. 179. Вѣрнѣе предположить, что патронатъ надъ несовершеннолѣтними, необходимость котораго сознавалась вездѣ раньше, чѣмъ являлась организація, оставался неосуществляемымъ иногда очень долго, въ виду трудности и дороговизны организаціи.

[1]) Богдановскій, Малолѣтніе преступники, стр. 238—242.

[2]) Альбицкій и Ширгенъ, ц. с., стр. 184.

лу слѣдуетъ еще прибавить до 40 учрежденій, имѣющихъ цѣлью оказывать покровительство безпризорнымъ и заброшеннымъ дѣтямъ [1]). Было бы затруднительно дать хоть приблизительно точный отчетъ о положеніи этого вопроса въ Америкѣ въ настоящее время, такъ какъ каждый штатъ и не только каждый штатъ, но чуть-ли не каждый отдѣльный городъ, обладая правомъ на партикулярное законодательство, иначе относится и къ данному вопросу [2]). Съ другой-же стороны, мы имѣемъ указанія, что число интересующихъ насъ учрежденій за послѣдніе десять лѣтъ выросло съ рѣдкой быстротой [3]) Можно, однако, установить слѣдующее: всѣ общества и учрежденія, заботящіяся о воспитаніи безпріютныхъ и брошенныхъ дѣтей, осуществляютъ своей дѣятельностью патронатъ надъ дѣтьми, а исправительные пріюты и колоніи имѣютъ спеціальную организацію патроната для выпущенныхъ питомцевъ [4]). Въ Англіи, если не считать отдѣльныхъ частныхъ попытокъ еще въ концѣ прошлаго вѣка [5]), первымъ учрежденіемъ, которое осуществляло идею перевоспитанія преступныхъ дѣтей и заботы о нихъ по выходѣ изъ заведеній, былъ такъ называемый Брэнтоновскій азиль, начавшій существовать съ 30 года [6]). Въ 34 г. по такому-же

---

[1]) Bull. de la s. g. de pr., 1883, стр. 932.

[2]) Lallemand, Histoire les enfants abandonnés et délaisses, стр. 583.

[3]) William Tallack, Europas und Amerikas Fortschritte in der Strafreform, ср. Bl. für Gefängn., 95, стр. 272.

[4]) По мнѣнію авторовъ книги „Исправит.-воспитат. завед.“ въ Америкѣ, въ виду существованія системы принудительнаго воспитанія заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей, патронатъ излишенъ и потому почти не существуетъ (ц. с., стр. 300). Но авторы упустили изъ виду, что самое это принудительное воспитаніе, въ составъ котораго входитъ забота о помѣщеніи дѣтей въ честныя семьи и на мѣста, а также забота, распредѣленная между отдѣльными лицами, о каждомъ отдѣльномъ питомцѣ, представляютъ собой не иное что, какъ именно патронатъ въ томъ его видѣ, о которомъ идетъ рѣчь при разсмотрѣніи настоящаго вопроса.

[5]) Богдановскій, ц. с., стр. 212 и сл.

[6]) Ibid., стр. 214.

плану возникъ азиль Викторіи. Если послѣ появленія этихъ учрежденій возникшія общества исправительныхъ пріютовъ, земледѣльческихъ колоній, принудительнаго воспитанія и проч. и придерживаются въ частностяхъ отличныхъ другъ отъ друга пріемовъ, если, съ другой стороны, нѣкоторыя изъ такихъ обществъ (напримѣръ, Reformatory и Jndustrial schools, напримѣръ,—Middlesex Jndustrial school)[1]) выработали для своей дѣятельности вполнѣ оригинальныя системы—тѣмъ не менѣе, ни одно изъ этихъ учрежденій не забываетъ о судьбѣ питомцевъ по выходѣ ихъ изъ заведенія[2]). Существенную поддержку патронату оказываетъ также союзъ „Reformatory and refuge Union“ основанный еще въ 56 г. Кромѣ того, въ Англіи существуютъ спеціальныя общества патроната, заботящіяся о бродячихъ и нищихъ дѣтяхъ (напр., общество пастора Стефенсона). Наконецъ, большая часть обществъ, посвятившихъ себя патронату надъ выпущенными изъ тюремъ взрослыми преступниками, не отказывается отъ патроната и надъ вышедшими изъ пріютовъ и изъ аналогичныхъ учрежденій несовершеннолѣтними питомцами[3]). Во Франціи первое движеніе къ учрежденію патронатствъ надъ выпущенными изъ пріютовъ было сдѣлано еще въ первой четверти вѣка, когда были учреждены commissions de surveillance, но, собственно, началомъ организаціи слѣдуетъ считать циркуляръ графа Дюшателя отъ 42 г., хотя и оставшійся безъ примѣненія, но послужившій основаніемъ для упомянутаго въ самомъ началѣ этой книги закона 50 г.[4]). Какъ показываетъ D' Haussonville, только съ этого времени дѣло патроната стало на твердую почву, такъ какъ только тогда патронатъ получилъ характеръ законом

---

[1]) Альбицкій и Ширгенъ, ц. с., стр. 173; Aschrott, Strafensystem in England, стр. 115.

[2]) Ср. Lallemand, ц. с., стр. 572 и сл.

[3]) Fuchs, ц. с., стр. 12—18.

[4]) Стр. 4 д. р.

признаваемой и закономъ предписываемой защиты [1]). Тѣмъ не менѣе, мы должны отмѣтить, что еще въ 22 году основалось Страсбургское общество патроната, помѣщавшее освобожденныхъ питомцевъ къ различнымъ ремесленникамъ, а также слѣдившее за дальнѣйшимъ поведеніемъ и образомъ жизни питомцевъ. Такой-же характеръ имѣла дѣятельность общества „patronage pour les jeunes détenus“ Сенскаго департамента. Его дѣятельность была расширена признаніемъ еще особаго класса освобожденныхъ—освобождаемыхъ условно [2]). Въ общемъ, всѣ многочисленныя французскія общества патроната подчинены или, вѣрнѣе, объединяются въ устроившемся въ 70 году центральномъ обществѣ, признанномъ черезъ пять лѣтъ послѣ возникновенія законодательнымъ порядкомъ какъ учрежденіе общеполезное [3]). Не менѣе развито во Франціи и покровительство надъ заброшенными и беспризорными дѣтьми. Не говоря уже о дѣятельности упомянутаго Сенскаго общества, заботящагося болѣе, чѣмъ о 3000 дѣтяхъ [4]), энергично работаетъ также учрежденное въ 79 г. общество Жоржа Бонжана, а также Беллевильское общество и Парижское общество Каролины де Варро [5]). По послѣднимъ извѣстіямъ, дѣла французскихъ патронатствъ развиваются необыкновенно быстро [6]). Въ Германіи патронатъ надъ малолѣтними осуществляется, какъ и надъ взрослыми выпущенниками изъ тюремъ, при помощи спеціальныхъ благотворительныхъ обществъ, а также административными органами. Не говоря уже о починѣ Дюссельдорфскаго общества, почти всѣ общества, начинавшія свою дѣятельность съ патроната

---

1) D' Haussonville, Les établissements pénitentiaires, стр. 509—511.

2) Ibidem., стр. 514.

3) Фойницкій, Ученіе о наказ. въ связи съ тюрьмов., стр. 499.

4) См. отчеты этого общества въ Revue penit., Bull. de le soc. gén de pris.

5) Альбицкій и Ширгенъ, ц. с. стр. 292; ср. Lallemand, ц. с. кн. III.

6) Bull. de la soc. gen. de pris, 96 г., стр. 265 и сл., 433 и сл., 559 и сл. и т. д.

надъ возрослыми выпущенными, постепенно пріобщали къ этой дѣятельности и патронатъ надъ питомцами исправительныхъ пріютовъ. Таковы, напримѣръ, Гамбургское общество, основанное въ 39 г., Любекское, основанное въ 41 г., Саксенъ-Кобургъ-Готское, основанное въ 52 г. и т. д. [1]). Основнымъ закономъ до сихъ поръ остается законъ 13 марта 78 г., предписывающій по окончаніи принудительнаго воспитанія безпризорныхъ, нравственно испорченныхъ и преступныхъ дѣтей слѣдить за ихъ дальнѣйшей участью [2]). Въ Россіи дѣло патроната надъ выпущенными изъ пріютовъ, а также надъ безпризорными и заброшенными дѣтьми нельзя еще считать организовавшимся. Во первыхъ, общества покровительства безпризорнымъ дѣтямъ малочисленны [3]), во вторыхъ, дѣятельность спеціальныхъ обществъ патроната надъ выпущенниками изъ исправительныхъ пріютовъ и колоній, на сколько намъ извѣстно, организована не достаточно [4]); въ третьихъ, не смотря на прямой смыслъ правилъ о пріютахъ 66 г., даже не всѣ существующіе пріюты учредили для своихъ питомцевъ патронатъ. Такъ, какъ это видно изъ отчетовъ о засѣданіяхъ четвертаго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ

---

[1]) Fuchs., ц. с., стр. 21—66.

[2]) Ibid., стр. 66, ср. Альбицкій и Ширгенъ, ц. с., стр. 294, ср. Lallemand, ц. с., стр. 519 и сл.

[3]) Кромѣ Московскаго общества существуетъ, на сколько намъ извѣстно, только еще Одесское.

[4]) Если не считать основаннаго въ Петербургѣ въ 79 г. общества пособія несовершеннолѣтнимъ, вышедшимъ изъ мѣстъ заключенія. Объ этомъ обществѣ можно узнать только изъ трудовъ перваго съѣзда представителей русскихъ исправительныхъ заведеній по объяснительной запискѣ г-жи Вогановой (прил. 31 къ I т. трудовъ). Въ трудахъ 3 съѣзда г. Шимановскій сожалѣетъ, что въ Петербургѣ не нашелъ подобнаго общества, хотя и искалъ его (стр. 28, т. III труд.). Мы, къ сожалѣнію, также напрасно старались отыскать это общество или хотя бы его отчеты. Между тѣмъ, на 4 съѣздѣ г. Заболотскій, указывая на то, что выпущенники изъ малолѣтняго отдѣленія петербургской тюрьмы пользуются патронатомъ спеціальнаго общества покровительства малолѣтнимъ, вышедшимъ изъ мѣстъ заключенія, повидимому, имѣетъ въ виду именно общество, объявленное на первомъ съѣздѣ г-жей Вогановой. См. 4 т. трудовъ, стр. 143.

заведеній для малолѣтнихъ, болѣе или менѣе организованный патронатъ имѣется лишь при обществахъ исправительныхъ пріютовъ Варшавскомъ, Харьковскомъ и Самарскомъ, а также при пріютахъ Рукавишниковскомъ, Саратовскомъ-Галкинскимъ и Большевскомъ; при Одесскомъ обществѣ существуетъ патронатъ фактическій, безъ выработанной системы; наконецъ, при Лифляндскомъ обществѣ только организуется [1]). Въ Бельгіи, гдѣ установленъ законный патронатъ, о которомъ мы уже говорили выше, такая-же форма патроната примѣняется и по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ. Въ Швейцаріи, какъ и по отношенію къ взрослымъ выпущенникамъ, въ однихъ кантонахъ мы встрѣчаемъ надъ несовершеннолѣтними и заброшенными дѣтьми обязательный патронатъ, на манеръ бельгійскаго, а въ другихъ—добровольный патронатъ частныхъ благотворительныхъ обществъ [2]).

Кромѣ этихъ двухъ видовъ патронатствъ могутъ существовать еще различные, но намъ не зачѣмъ здѣсь касаться ихъ, такъ какъ едва-ли такое разсмотрѣніе дало бы какой-нибудь новый матерьялъ: типическія черты патроната останутся все тѣ-же [3]).

---

[1]) При обществахъ Казанскомъ, Вятскомъ, Кіевскомъ, Смоленскомъ и Ярославскомъ патронатъ вовсе не организованъ, при обществахъ Владимірскомъ Костромскомъ, Нижегородскомъ, Тульскомъ и Петербургскомъ патронатъ также не организованъ, но между выпущенниками пріютовъ и пріютами, какъ слѣдуетъ изъ показаній представителей обществъ, установлена болѣе или менѣе опредѣленная связь. Объ остальныхъ обществахъ и пріютахъ мы не имѣемъ свѣдѣній. См. 4 т. трудовъ, стр. 133—154.

[2]) См. Fuchs, ц. с., Belgien, Sweiz.

[3]) Такъ, существуютъ патронатства надъ женщинами, пожелавшими оставить распутную жизнь, надъ потерявшими работу женщинами, не живущими съ своими мужьями (въ Буда-Пештѣ), надъ лицами, отбывшими воинскую повинность, но не успѣвшими еще пріискать себѣ занятій (въ Парижѣ) и т. д. На съѣздѣ (первомъ) дѣятелей по профессіональному и техническому образованію въ Москвѣ поднимался, между прочимъ, вопросъ о патронатѣ надъ лицами, кончившими профессіональныя и техническія школы. Едва-ли можно употреблять въ такихъ случаяхъ терминъ „патронатъ“. Здѣсь идетъ рѣчь о попечительствѣ.

Уже изъ предыдущаго изложенія можно было видѣть, что подъ патронатомъ здѣсь вездѣ понимается та разнообразная дѣятельность, которая имѣетъ цѣлью, путемъ проявленія заботы и помощи, дать возможность лицамъ, находящимся въ особо тяжелыхъ условіяхъ, стать въ общія условія и такимъ образомъ получить возможность самостоятельно и всесторонне развивать свои индивидуальныя силы. Но изъ предыдущаго-же изложенія можно было видѣть, что какъ организація этой заботы и помощи, такъ и, соотвѣтственно организаціи, и общій характеръ всего дѣла патроната получаютъ въ разныхъ странахъ и въ разное время иную конструкцію. Вытекая вездѣ изъ чувства состраданія къ попавшему въ особо тяжелыя условія, патронатъ порвоначально сводился къ благотворительности, т. е. къ дѣятельности, гдѣ помощь и забота не сопровождались никакими обязанностями со стороны того, кто пользовался помощью или заботой. Затѣмъ постепенно присоединялась увѣренность въ необходимости связать помощь и заботу съ цѣлымъ рядомъ обязанностей со стороны пользующагося помощью или заботой: съ обязанностями, исполненіе которыхъ не обезпечивалось никакимъ принужденіемъ—вначалѣ, съ обязанностями, исполненіе которыхъ обезпечивалось принужденіемъ—впослѣдствіи. Наконецъ, отдѣльныя государства останавливаются на мысли лишить дѣло патроната послѣднихъ элементовъ благотворительности и тогда патронату придается все значеніе дѣятельности органовъ внутренняго управленія. Хотя и въ послѣднемъ случаѣ частные люди не только не устраняются отъ дѣятельности, но и заботливо привлекаются къ ней, однако, законъ юридически конструируетъ права и обязанности каждой изъ сторонъ, что превращаетъ невольно частный, добровольный, благотворительный патронатъ въ патронатъ обязательный, юридическій, законный [1]).

---

[1]) Ср. Фойницкій, ц. с., стр. 491; Fuchs, ц. с., стр. 108—122; D' Haussonville, ц. с., стр. 501 и сл.

Въ литературѣ послѣднее положеніе вызываетъ не мало споровъ. Долженъ-ли патронатъ перерождаться изъ добровольнаго въ обязательный; можетъ-ли административная власть брать на себя дѣло, успѣхъ котораго исключительно зависитъ отъ интенсивности частной благотворительности, наконецъ, не заключается-ли коренного противорѣчія въ самомъ понятіи законнаго патроната [1])? Если бы на эти вопросы и пришлось отвѣтить въ томъ смыслѣ, что патронатъ желательно предоставить исключительно частной иниціативѣ, какъ того желаютъ многіе [2]), то все таки не будетъ еще рѣшенъ вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ представляется вопросъ въ прошломъ и настоящемъ [3]). Между тѣмъ, именно изъ этого-то матерьяла мы и должны брать основаніе для конструкціи идеи. Кромѣ того, частности организаціи не предрѣшаютъ вопроса о характерѣ самой идеи. Наконецъ, всѣ, да-

---

[1]) Со времени Робена (Les prisons en France; выдержки изъ этой книги имѣются въ переводѣ Щуровскаго въ Ю. В. за 72 и 75 гг.) почти всѣ писатели, высказывавшіеся противъ обязательнаго патроната, повторяютъ одни и тѣ-же доводы: 1) трудно администраціи найти подходящихъ людей, 2) нельзя никому навязывать попечительства, 3) административное вмѣшательство парализуетъ частную благотворительность. D' Haussonville прибавляетъ еше одинъ доводъ: патронатъ оказывается въ виду раскаянья преступника, а раскаяніе не подлежитъ административной оцѣнкѣ. (Ц. с., стр. 499). Но не трудно видѣть, что всѣ эти доводы имѣютъ въ виду лишь недостатки организаціи. Что-же касается того, что никому нельзя навязывать попечительства, то теперь, послѣ изданія цѣлаго ряда законовъ, требующихъ обязательнаго патроната, едва-ли можно продолжать пользоваться этимъ доводомъ. Рѣзкій протестъ противъ обязательнаго патроната можно найти въ статьѣ г. Акимова „Патронатъ, какъ орудіе борьбы съ преступностью“, Ж. Юр. Петер. Общ., 96, IX, стр. 75 - 90. Тамъ-же отчасти указана и литература.

[2]) Проф. Фойницкій такъ резюмируетъ указанныя выше разногласія: „однако, какъ не существенно указанное различеніе, во всякомъ случаѣ, лучше что нибудь, чѣмъ ничего“. Ц. с., стр. 492.

[3]) Поэтому мы считаемъ не вполнѣ обоснованнымъ дѣленіе патроната на три типа, принятое проф. Пустораслевымъ: патронатъ благотворительный, патронатъ благотворительно-предохранительный и патронатъ предохранительный. (Ц. с., стр. 574). Беря въ основаніе дѣленія различіе организаціи, г. Пусторослевъ приходитъ къ различенію по идеи.

же и особенно заявившие себя противъ всякаго вмѣшательства администраціи въ дѣло патроната, требуютъ отъ законодательства постановленій, которыя придали бы органамъ патроната характеръ органовъ внутренняго управленія [1]). А это все, взятое вмѣстѣ, даетъ намъ основаніе утверждать, что главный смыслъ указанныхъ разнорѣчій не въ опредѣленіи сущности идеи патроната, а только въ различной оцѣнки условій организаціи [2]).

И дѣйствительно, едва-ли кто станетъ отрицать, что какова бы не была организація патронатствъ, примѣненіе патроната можетъ вести къ имѣющимъ общественное значеніе слѣдствіямъ только въ томъ случаѣ, если между патронирующимъ и патронируемымъ создаются извѣстныя обязательныя отношенія. Патронирующее учрежденіе не имѣетъ права отказать въ патронатѣ лицу, которое признаетъ въ воздаяніе за оказываемый патронатъ закономъ обусловленныя правомочія надъ собой со стороны патронатста. Обязательный патронатъ идетъ еще дальше: требуетъ подчиненія и даетъ права всякому, кто попадаетъ въ опредѣленную категорію условій. Но какъ ни мѣняетъ такая постановка практической стороны вопроса, основаніемъ оказываемаго патроната остается все тотъ-же принципъ соотвѣтствія правамъ обязанностей. Чѣмъ шире объемъ обязанностей патронатствъ, тѣмъ шире и объемъ ихъ правъ надъ патронируемыми. Слѣдовательно, природа отношеній остается все той-же при всякой комбинаціи [3]).

Что-же представляетъ изъ себя идея такого патроната?

---

[1]) Напримѣръ, тотъ-же Робэнъ, который все время ссылается на циркуляръ графа Дюшателя, или д'Оссонвиль, который очень сочувственно относится къ американскому закону объ обязательномъ воспитаніи заброшенныхъ дѣтей.

[2]) См. Fuchs, ц. с., стр. 114—116.

[3]) Само собой разумѣется, что мы исключаемъ здѣсь всѣ тѣ первоначальныя формы (кое-гдѣ, какъ мы видѣли выше, уцѣлѣвшія и до сихъ поръ), въ силу которыхъ патронатъ имѣлъ исключительно благотворительный характеръ. Объ этихъ формахъ см. подробн. въ статьѣ проф. Пусторослева, стр. 561—564.

Это—идея помощи, оказываемой во имя закона съ цѣлью установить условія для всесторонняго развитія силъ патронируемаго. Если основаніемъ помощи является фактическая слабость, вѣрнѣе—если законъ, опредѣляющій отношенія по патронату, исходитъ изъ соображенія фактической слабости патронируемыхъ, то помощь организуется на началахъ попечительства, если-же присоединяется еще соображеніе о юридической слабости (какъ напримѣръ, въ Ирландіи), то помощь организуется на началахъ патроната въ спеціальномъ смыслѣ слова. Но такъ какъ всякій человѣкъ, попавшій въ условія, при которыхъ возможна рѣчь о необходимости учрежденія надъ нимъ патроната, обыкновенно является слабымъ не только фактически, но и юридически (это примѣнимо къ большей части отбывшихъ наказаніе преступниковъ), то и помощь на началахъ законнаго патроната, какъ мы рѣшаемся предположить, должна бы имѣть наибольшее примѣненіе. Этимъ у нея былъ бы отнятъ характеръ благотворительности, становящійся въ разрѣзъ и съ задачами предупредительной дѣятельности органовъ внутренняго управленія, и съ общественнымъ значеніемъ самой помощи.

